

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. АЙНИ**

На правах рукописи

РАХИМДЖОНОВА ЗЕБУНИССО КАРИМДЖОНОВНА

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ СЛОВ
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТАДЖИКСКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И
ПЕРЕВОДОВ «ВОСПОМИНАНИЙ» С. АЙНИ)**

**Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки)**

**Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Джаматов С.**

Душанбе – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
I. ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВΟΣЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	13
1.1. Слово как основная единица языка в лингвистике.....	13
1.2. Место словообразования в системе лингвистических дисциплин.....	18
1.3. Производное слово как объект изучения словообразования.....	29
1.4. Словосложение как продуктивный способ словообразования в исследуемых языках.....	34
Выводы к первой главе.....	43
II. ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В СРАВНИВАЕМЫХ ЯЗЫКАХ.....	45
2.1. Понятие «сложное слово» в лингвистике.....	45
2.2. Цельноформленность композитов.....	47
2.3. Способы образования сложных слов.....	50
2.4. Словообразовательные модели и их продуктивность в исследуемых языках.....	68
2.4.1 Модели образования сложных слов в таджикском и английском языках.....	71
Выводы ко второй главе.....	88
III. ГЛАВА 3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ СЛОВ В РАМКАХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	90
3.1. Сложные существительные в исследуемых языках.....	90
3.2. Сложные прилагательные в исследуемых языках	102

3.3.	Сложные числительные в таджикском и английском языках.....	118
3.4.	Сложные глаголы в таджикском и английском языках.....	124
3.5.	Сложные наречия в таджикском и английском языках.....	136
	Выводы к третьей главе.....	147
	Заключение.....	149
	Список использованной литературы.....	155

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Словообразование является одним из основных путей обогащения и развития лексического состава каждого литературного языка. На протяжении многих веков для удовлетворения своих потребностей человечество, применяя различные способы словообразования, создает значительное количество лексических единиц, так как вследствие политических, социальных, культурных, экономических и научных преобразований, а также всеобщего развития и изменения общества, язык развивается и изменяется одновременно. Не случайно язык называют константным спутником общества. Поэтому проработка существующих способов словообразования требует убедительного и полного доказательства существования новых научных понятий, возникших в процессе этих преобразований.

Каждая лексическая единица, появляющаяся в результате словообразовательного процесса, обязана полностью соответствовать грамматическим требованиям и внутренним законам языка. Словообразование, будучи управляемым грамматикой процессом, тесно с ней связано.

В свете сложного процесса словообразования таджикского языка становится очевидным вклад Садриддина Айни — основоположника советской таджикской литературы и национального героя Таджикистана. Он внес значительный вклад в эволюцию литературного языка, обогатив его множеством многокомпонентных слов. Литературный аспект творчества С. Айни уже в достаточной степени исследован, однако языковые проблемы, в частности сопоставительный анализ сложных слов знаменательных частей речи на материале оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни остаются неизученными.

В результате актуальность темы данной работы обусловлена тем, что впервые на основе богатого фактического материала исследуется

сопоставительный анализ сложных слов знаменательных частей речи в «Воспоминаниях» С. Айни и его вклад в становление словообразовательных конструкций.

Степень изученности темы. Различные формы, способы и модели словообразования в таджикском и английском литературных языках, относящиеся к различным частям речи, нашли отражение в научных статьях и получили полное освещение в отдельных исследованиях.

Проблемы изучения сложных слов в таджикском литературном языке начали разрабатываться во второй половине XX века. Первые труды, в которых освещаются вопросы сложных слов в таджикском языке, связаны с именем Ш.Н. Ниёзи, который в своих статьях и работах рассматривал процесс образования имён существительных и прилагательных [Ниёзи, 1950: 29]. Наряду с этим, в середине 60-х годов прошлого столетия выходит обобщающая статья М. Мухаммадиева, в которой излагаются основные принципы словообразования в таджикском языке [Мухаммадиев, 1967: 37-45].

Ш. Рустамов в своей монографии определяет основные способы словообразования таджикского языка, где представляется полная научная описательная характеристика образования существительных в таджикском языке [Рустамов, 1972: 79].

С.А. Ганиева в своей работе освещает проблему исследования словосложения в таджикском языке на материале литературных памятников X-XII вв. [Ганиева 1990: 156].

Следует отметить, что проблема изучения словообразования, в частности сложных слов, не осталась вне поля зрения иранистов. Л.С. Пейсиков в своих трудах освещает вопросы классификации слов новоперсидского языка, их моделирования, определяет соотношение слов с синтаксическими единицами [Пейсиков, 1973: 200]. Проблемы изучения именного словосложения в новоперсидском языке исследуются в

монографии Т.А. Чавчавадзе [Чавчавадзе, 1981: 375]. Работа Ф. Амоновой посвящена изучению всевозможных мотиваций в именном аффиксальном словообразовании таджикского и персидского языков [Амонова, 1982: 286]. Проблема деривационных особенностей слов освещается в монографии О. Косимова [Косимов, 2016: 346].

В диссертации М.Б. Норова исследуются структурно-семантические и лексические аспекты сложных слов таджикского языка на примере «Воспоминаний» С. Айни [Норов, 2021: 189].

Проблема изучения структурно-семантических особенностей сложных слов рассматривается в третьей главе работы С.Ф. Низомовой [Низомова, 2019: 190-212].

В диссертационной работе М. Олимджонова освещаются структурно-семантические особенности композитов в поэзии Бедила (на примере композитов типа татпуруша) [Олимджонов, 2023: 49].

До середины 50-х годов прошлого столетия в английском языке словосложение рассматривалось либо как часть грамматики, либо как часть лексикологии, а начиная с конца 70-х годов XX века оно обрело статус самостоятельной лингвистической науки в германских языках. Становление и развитие словосложения в германских языках ознаменовали труды таких ученых-лингвистов: Е.С. Кубряковой [77], М.Д. Степанова [126], Е.А. Земской [58], Е.Л. Гинзбург [46] и др. Процесс словосложения и его закономерности разрабатывались также западными лингвистами, как В. Адамс [143], Г. Марчанд [149], Л. Бауэр [147] и другими.

Заслуги В.М. Каращука [Каращук, 1977: 303] и О.Д. Мешкова [Мешков, 1976: 245] очень велики в освещении сложных слов английского языка. Именно они внесли значительный вклад в развитие словосложения этого языка путём выпуска книг, посвященных проблемам словосложения, где они рассматривают его как самостоятельный раздел лингвистики.

Следует указать, что к настоящему времени в таджикском языке, в отличие от других языков, количество работ, посвященных проблеме изучения сложных слов в рамках знаменательных частей речи (как отдельно, так и в сопоставительном плане) на материале оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни ограничено.

Единственная работа, автором которой является Г.А. Гафурова, посвящена контрастному анализу моделей словосложения разносистемных языков.

Таким образом, несмотря на практическую реализацию разных точек зрения, в области словообразования и композитообразования все ещё остается много нерешённых проблем: некоторые стороны, в частности принципы и способы образования сложных слов знаменательных частей речи, мало исследованы. Следовательно, исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что лексические, семантические, структурные и этимологические особенности сложных слов знаменательных частей речи на материале оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни не становились предметом изучения и анализа в монографическом исследовании.

Цель исследования заключается в глубоком анализе процесса словообразования на примере композитных единиц словарного состава языка с использованием сопоставления внутренних закономерностей формирования таких единиц во внешне различающихся системах таджикского и английского языков, опираясь на оригинальный текст и переводы «Воспоминаний» С. Айни, что позволит определить лингвистические особенности языков и культурные характеристики обоих народов.

Ключевые задачи, обеспечивающие достижение цели исследования:

- Анализ словообразовательных возможностей таджикского и английского языков с учетом актуальных теоретических проблем относительно слова и словообразования в указанных языках;
- Исследование разнообразных подходов отечественных и зарубежных лингвистов к внутренним закономерностям формирования композитов (сложных слов) в изучаемых языках;
- Определение структурных особенностей сложных слов в рамках знаменательных частей речи исследуемых языков, а также их тщательной классификации;
- Выявление активных в продуктивности композитообразования моделей, участвующих в порождении структурно-сложных языковых единиц в таджикском и английском языках;
- Рассмотрение семантических аспектов компонентов сложных слов при сравнении двух языков;
- Выявление исключительных внутренних особенностей образования сложных слов таджикского и английского языков.

Научная новизна диссертации заключается в новаторском углубленном исследовании сложных слов знаменательных частей речи, встречающихся в «Воспоминаниях» С. Айни, через призму структурно-семантического сопоставительного анализа. В результате были выявлены общие и индивидуальные модели образования сложных слов, а также проанализированы малоизученные аспекты словообразования, к которым относятся принципы и способы образования сложных слов в таджикском и английском языках.

Объектом исследования является сравнительный анализ сложных слов знаменательных частей речи в рамках двух разноструктурных и разносистемных языков, т.е. таджикского и английского, на материале оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни.

Предметом исследования является сравнительное изучение структурно-семантических особенностей сложных слов знаменательных частей речи в таджикском и английском языках на материале оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни.

Теоретической и методологической базой исследования являются положения и подходы, указанные в трудах западных, русских, таджикских и иранских учёных в области словообразования: Г. Марчанда, Я. Гримма, В. фон Гумбольдта, Л. Блумфилда, В.В. Виноградова, М.Д. Степановой, Е.С. Кубряковой, А.И. Смирницкого, А. Левковской, В.М. Жирмунского, Е.А. Земской, И.С. Улуханова, Е.Л. Гинзбурга, П.А. Соболевой, О. Мешкова, Ю.А. Рубинчика, Л.М. Пейсикова, Т. Чавчавадзе, Т.Д. Чхеидзе, Ш. Рустамова, Ф.Р. Амоновой, К. Тохировой, Д. Саймиддинова, О. Касимова, М. Султонова, С. Назарзода, С. Рахматуллозода, П. Нуровой, С. Джаматова и др.

Основным материалом исследования послужили сложные слова знаменательных частей речи таджикского и английского языков на материале оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни.

Методы исследования. Основным методом исследования является сопоставительно-типологический. Использование данного метода дает возможность определить факты и явления, носящие характер аналогичных функций в сравниваемых языках. Применение синхронного метода позволило дать подробное описание словообразовательных структур сложных слов в обоих языках.

Метод структурного анализа обеспечил возможность установления всех элементов, входящих в состав сложных слов, а также определения основных словообразовательных типов и характера зависимости между ними в разносистемных и разноструктурных языках.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты диссертации предоставляют возможность установить роль сложных знаменательных слов в обогащении лексического состава

таджикского и английского языков. Научные выводы и фактический материал диссертации могут способствовать дальнейшему исследованию вопросов словообразования, составлению толковых и словообразовательных словарей по таджикскому и английскому языкам. Теоретический материал диссертации может быть использован в качестве пособия при написании учебников по морфологии современного таджикского и английского литературных языков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы при составлении учебных пособий для студентов таджикской и иностранной филологии ВУЗов, спецкурсов и спецсеминаров, на практических занятиях по словообразованию, анализу текста, написании курсовых и дипломных работ по указанным дисциплинам в области особенностей языковой системы художественной литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе анализа теоретических основ процесса образования сложных слов и других лингвистических и деривационных проблем установлено, что сложное слово в качестве продукта вторичной номинации представляет собой соединение двух или более самостоятельных слов (основ). Для таджикского и английского языков важнейшими критериями получения статуса цельнооформленности являются соположение основ, аффиксация и наличие глагольной основы.

2. В данном исследовании сложного слова в рамках знаменательных частей речи таджикского и английского языков, опирающемся на оригинал и переводы «Воспоминаний» С. Айни, особое внимание уделяется деривационным возможностям этих языков по созданию новых лексических единиц, что способствует повышению их потенциала развития.

3. Установлены линейные и нелинейные модели образования сложных слов знаменательных частей речи как, в таджикском, так и английском

языках на материале оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни, их классификация, связи между компонентами.

4. Сопоставительный анализ сложных слов знаменательных частей речи в таджикском и английском языках на основе материалов оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни показал неоднородность семантико-позиционных отношений между составляющими компонентами данного лексического пласта.

5. Типологическое сопоставление сложных слов знаменательных частей речи в таджикском и английском языках на основе оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни представляет собой перспективное направление для дальнейшего исследования. Это неисчерпаемый источник, способствующий обогащению обоих языков новыми лаконичными словами, которые в состоянии отвечать актуальным требованиям носителей языка в условиях глобализации и предлагать адекватные решения для языкового развития.

Личный вклад диссертанта. Данная диссертационная работа является результатом самостоятельного исследования. Диссертантом проанализированы работы отечественных и зарубежных ученых по проблеме словообразования в таджикском и английском языках в сопоставительном аспекте. Определена роль продуктивных словообразовательных элементов в формировании сложных слов знаменательных частей речи рассматриваемых языков. Также впервые проведена классификация сложных слов на основе материала оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни; выявлены структурно-семантические особенности сложных слов знаменательных частей речи сравниваемых языков.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались автором на внутривузовских, республиканских и международных конференциях Таджикского государственного

педагогического университета имени Садриддина Айни (Душанбе, 2008-2024).

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры языкознания и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. Всего по теме диссертационного исследования выполнено 14 публикаций, в том числе 4 статьи опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации, остальные – в прочих изданиях.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВΟΣЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Слово как основная единица языка в лингвистике

Человеческий язык состоит из слов. Прежде всего, язык – это система слов, используемая как средство общения. Следовательно, таджикский и английский языки в качестве языков-средств коммуникации можно отнести к языкам слов. Не случайно этот термин на протяжении десятилетий привлекает внимание не только учёных, но и широкой общественности. Это не простое совпадение. Слово обладает замечательными качествами: служит средством выражения всего сущего. Слово — продукт длительных отношений между людьми и результат практической деятельности в обществе [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:7].

Образование слов, основанное на грамматических законах и правилах, позволяет создавать словосочетания и предложения. Таким образом, возникает вопрос о том, что же подразумевает слово. Неоспоримо то, что слово является фундаментальной единицей языка, отражающей отличительную природу самого языка. Сфера деятельности данной лингвистической единицы не ограничивается представлением объектов и понятий. По мнению В.В. Виноградова, словами выражаются «категории бытийных отношений» [Виноградов, 1947:30].

Несмотря на то, что слово является центральной единицей языка, современная лингвистика до сих пор не пришла к всеобъемлющему и непротиворечивому определению этого термина. Следовательно, все существующие определения охватывают лишь часть его определяющих характеристик. Пытаясь решить эту лингвистическую проблему, многие языковеды пытались найти альтернативу слову. В частности, французский

лингвист А. Мартине постулирует идею о том, что не слово заменяет собой основную единицу языка, а так называемая *монема*. По его мнению, монема может совпадать как со словом, так и с морфемой, в зависимости от обстоятельств [Мартине, 2004:14]. Такие предположения, конечно же, не находили должной поддержки со стороны научного сообщества.

Очевидно, что слово представляет собой фундаментальную единицу языка, комплекс составляющих, включающий звуковое и графическое оформление, значение и структуру.

Таким образом, слово — это не просто одна из центральных категорий языка, а универсальный инструмент взаимодействия людей. Мы формируем свои мысли и чувства, используя слова, активно слушаем окружающих, осваиваем новые и незнакомые термины, погружаемся в изучение других языков, расширяя границы познания. Следовательно, всестороннее понимание концептуализации слова зависит от осознания её многофункциональности и неотъемлемого статуса в языковой плоскости.

В попытке обозначить рамки значения термина *слово* С.С. Джаматов утверждает, что помимо лексического значения и грамматических характеристик, основополагающей функцией слова можно считать его универсальность и незаменимость при построении грамматических единиц. Эта способность, в свою очередь, определяет степень глубины понимания языка, его структуры и закономерностей [Джаматов, 2018:201].

Интригует тот факт, что многие лингвисты, отклоняясь от общепринятого понятия слова, применяют такие термины, как *лексема*, *вокабула* и *словоформа*, что ставит под сомнение общепринятое представление о слове как основополагающем элементе языка. Это связано с неоднозначностью определения термина *слово* в разных языках. Эти расхождения можно объяснить теми же несоответствиями, которые встречаются в фонетических признаках слов различных языков.

В англоязычной лингвистике этот термин не рассматривается как самостоятельный лингвистический элемент. Например, в информативной книге «Введение в дескриптивную лингвистику» Г.Глисона нет ни одной главы, посвященной слову. Он считает, что слово — это не что иное, как фиксированная последовательность морфем [Глисон, 1959:93]. Кроме того, по его утверждению, слово наиболее устойчиво, в отличие от структуры выражения, содержания и словарного состава. Особого внимания, как считает ученый, заслуживает непосредственно словарный состав языка, в котором отражается вся глубина связей между графико-звуковым выражением и значением слов [Глисон, 1959:37]. Следовательно, слово – это и не выражение, и не содержание.

Относительно некоторых особенностей слова также высказывается Э. Сепир. Автор считает, что: «нет ни малейшей трудности в осознании слова как нечто реальное и неопровержимым доказательством этого может послужить тот факт, что у наивного индейца, совершенно непривычного к понятию написанного слова, никогда не чувствуется серьезного затруднения при диктовке ученому лингвисту текста на родном языке слово за словом...» [Сепир, 1934:27].

Следовательно, можно утверждать, что материальной основой языка является его звуковая оболочка. Однако в то же время звуковая оболочка сама по себе еще не является обозначением явлений или предметов. Каждая звуковая оболочка наделяется определенным смыслом и значением. Следовательно, слово – это сочетание двух критериев: звуковой оболочки (материального компонента или формы) и содержания слова (значения или смысла). Только благодаря сочетанию этих компонентов слово может считаться целостным. Это позволяет отличить его от других семиотических единиц, не обладающих тем же количеством признаков.

Определенно и недвусмысленно утверждая о реальности слова как самостоятельного языкового явления, также стоит отметить проблему его

определения. Касательно данного вопроса, Ф. де Соссюр, говоря о сложностях в определении понятия слова, отмечает непоколебимость статуса *основополагающей составляющей языка* [Соссюр, 1933:11]. В данном определении, следует заметить, сходятся в оценке статуса слова в речи два противоборствующих лингвистических лагеря – номинализм и реализм.

Вопрос о самостоятельности слова как ключевой единицы языка особенно важен при анализе речи. Это позволяет выявить специфические особенности языка в качестве средства коммуникации и пролить свет на проблемы, связанные с разделением слов в речевом потоке. Особое внимание следует уделить принципам разделения слов и вопросу идентификации слов в различных контекстах их употребления [Левковская, 1962:52].

Проблема определения понятия *слово* связана с целым рядом факторов, в том числе с разнообразием слов по структурно-семантическим и грамматическим характеристикам. Это свидетельствует о том, что, несмотря на многочисленные попытки определить природу слова под разными лингвистическими и идеологическими углами зрения, в лингвистике до сих пор отсутствует исчерпывающее определение, которое могло бы полностью охватить и детально описать все особенности понятия *слово*.

Один из существенных недостатков имеющихся определений слова, по мнению Н.М. Шанского, состоит в их «односторонности и неопределённости» [Шанский, 2009:20]. Он считает первым таким недостатком попытку определения лишь на основе свойств как грамматической и структурной оформленности, самостоятельного употребления и фразеологичности. Второй же проявляется в стремлении «в краткой формулировке обойти наблюдающиеся исключения» [Шанский, 2009:20].

Определение слова можно считать точным, если оно охватывает все существенные характеристики слова, которые позволяют отличить его от

других языковых единиц. Следовательно, слово в языке должно выполнять номинативную функцию, т.е. обозначать.

А. Шанский выделяет следующие основные характеристики слова как языковой единицы: «фонетическая оформленность, семантическая валентность, непроницаемость, недвуударность, лексико-грамматическая отнесенность, постоянство звучания и значения, воспроизводимость, целостность и единооформленность, преимущественное употребление в сочетаниях слов, изолируемость, номинативность, фразеологичность» [Шанский, 2009: 21].

Значения слов в языке взаимосвязаны способностью создавать сложную сеть ассоциаций. Любое слово представляет собой смысловое единство своих значений, которое в лингвистике называют семантической структурой слова. Даже при наличии у каждого слова нескольких значений, все они связаны между собой. Это позволяет нам видеть тождество или смежность явлений при их использовании.

Содержательная составляющая слова – его значение, формируется в процессе функционирования языкового знака. Так, по мнению А.Н. Леонтьева, под значением слова понимается то, что открывается в предмете или явлении объективно, в системе объектных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается и фиксируется в языке и благодаря этому приобретает устойчивость [Леонтьев, 2003: 387].

Значение слова не ограничено определёнными рамками. Следовательно, подвержено расширению в зависимости от внутренних и внешних языковых ресурсов.

С точки зрения природы значения, слово изначально противопоставляется предложению. Традиционно предложение определяется как полная и связная языковая единица, в которой слово отвечает за передачу смысла. Тем не менее значение слова не всегда сводится к понятию. Прежде всего, к этой категории относятся имена собственные: такие слова не

обладают денотативными признаками и служат исключительно для обозначения предметов или лиц. Во-вторых, это указательные слова, прежде всего местоимения, которые служат в основном лишь для указания на говорящего.

Согласно приведённому анализу, слово не может считаться минимально-значимой единицей языка. Таковой является морфема, которая несёт определённое значение.

1.2. Место словообразования в системе лингвистических дисциплин

Словарный состав языка находится в состоянии постоянной эволюции. Он постоянно претерпевает изменения, исправления и дополнения. Некоторые слова устаревают и заменяются другими, выполняющими ту же функцию. Очевидно, что расширение словарного запаса языка происходит преимущественно за счет включения в него языковых элементов из других языков. Это явление объясняется развитием технологий и ростом межкультурных отношений, но не ограничивается только этими факторами. К одному из направлений эволюции лексического состава относится омонимия, когда различные части речи имеют одну и ту же форму. Тем не менее образование новых слов на основе уже существующих представляет более продуктивный и плодотворный подход к естественному обогащению лексического состава языка. В лингвистике этот процесс называется словообразованием.

Обзор литературы по словообразованию с точки зрения современной лингвистики показывает, что позиция лингвистов в отношении этого процесса на протяжении значительного периода времени оставалась неоднозначной. Эта неоднозначность неразрывно связана с другими отраслями языкознания, а именно с морфологией, синтаксисом и

лексикологией. Вышеупомянутые грамматические отношения были подвергнуты детальному изучению и представлены в работах В.В. Виноградова, Е.С. Кубряковой и Г.В. Винокура [Виноградов, 1952; Кубрякова, 1965; Винокур, 1959].

Стоит упомянуть и Ф.Ф. Фортунатова, который разграничил формы словоизменения и словообразования [Фортунатов, 1956:133]. Н.М. Шанский же одним из первых отграничил словообразовательный анализ отношений между словами от этимологического и морфологического анализа слов [Шанский, 1959]. Было бы неправильно игнорировать взгляды таких выдающихся лингвистов, как Н.Д. Арутюнов, Г.О. Винокур, В.В. Лопатин, А.А. Реформатский и Н.М. Шанский, на морфологическую подоплеку словообразования. Эти ученые утверждают, что данный процесс лучше всего понимать в контексте морфологии, и в качестве основного обоснования такой точки зрения приводят морфологическую природу способов, используемых в словообразовании. По их мнению, разграничение между словообразованием и морфологией несостоятельно, поскольку морфологические процессы являются неотъемлемой частью образования слов, так как предполагают использование морфологических элементов – морфем.

По данному вопросу Л.В. Щерба придерживается следующей точки зрения: «Словообразование вовсе может вполне рассматриваться как часть ономазиологии, так как в данном аспекте также подразумевается процесс производства слов» [Щерба, 1962:100].

Одновременно с этим противоборствующий фронт провозгласил *словообразование* самостоятельным разделом современной лингвистики, не отрицая при этом его связи с другими разделами языкознания. В частности, А.Н. Тихонов, Г.А. Николаев, Е.А. Земская рассматривают словообразование как самостоятельную дисциплину в рамках широкой лингвистики. Аргументируется это тем, что позиция словообразования в лингвистике не

ограничивается учением о структуре слова, а расширяется до самостоятельного языкового процесса образования новых слов. В частности, в статье «О парадигматических отношениях в словообразовании» Е.А. Земская отмечает: «специфика словообразования заключается в том, что оно тесно связано с соседними подсистемами» [Земская, 1978:71-73]. Следовательно, процесс словообразования неразрывно связан с лексикой, так как он дает начало формированию номинативных единиц языка.

В соответствии с точкой зрения Е.А. Земской и Е.С. Кубряковой об автономности словообразования в лингвистической теории, мы признаем взаимосвязь этого процесса со смежными разделами науки о языке. Соответственно, мы согласны с утверждением упомянутых лингвистов о том, что «в словообразовании сходится проблематика таких разных дисциплин, как синтаксис и морфология, морфонология и фонология, лексика и семантика, и само оно вбирает в себя и преломляет через свои нужды и задачи закономерности всех указанных подсистем» [Земская, Кубрякова, 1978:113]. При первом рассмотрении эта особенность кажется идентичной той, которую предлагают сторонники неотделимости словообразования от других областей лингвистической теории. Однако мы считаем необходимым провести различие. Слово как объект словообразовательного анализа сохраняет статус наиболее многогранной единицы языковой системы. Поэтому неудивительно, что оно является предметом изучения практически во всех отраслях лингвистики, хотя и с разных подходов.

Свойства слова, будь то фонетические, лексические или грамматические, неразрывно связаны друг с другом. Всякая материальная оболочка слова невозможна без соответствующего лексического и грамматического наполнения, точно так же, как конкретное лексическое и грамматическое содержание не может быть полноценным без определённой звуковой формы. Следовательно, процесс формирования грамматической и

лексической системы языка непрерывно происходит под воздействием слов, создаваемых в ходе словообразования. В свете этого неудивительно, что все известные способы словообразования (включая слияние) и классификация различных словообразовательных единиц напрямую зависят от фонетики, лексики и грамматики языка. Отсюда следует очевидный вывод: вопросы теории словообразования выходят за рамки самого процесса словообразования и требуют изучения других аспектов лингвистических систем.

Положение словообразования в лексической системе других лингвистических наук неоднозначное. Оно занимает промежуточное положение между морфологией и лексикологией, но в то же время считается отдельным разделом лексикологии.

Таким образом, время становления словообразования как особого раздела лингвистики датируется 60-70 годами XX века. Это связано с тем, что в конце XIX и на рубеже XX веков общая теория словообразования ещё не была сформирована, так как лингвисты сосредоточивали свои усилия на изучении структуры и семантики языка. В рамках лингвистики проводились лишь изолированные исследования отдельных аспектов словообразовательных процессов, что не предполагало систематического описания. Примерами таких исследований являются работы дореволюционных русских учёных Н.В. Крушевского, А.А. Потебни и Ф.Ф. Фортунова. В этих работах были заложены основополагающие принципы словообразования, которые впоследствии развивались последующими лингвистами в теоретических трудах.

Первые же зародыши общей теории словообразования начали проявляться лишь в 40-50-е годы прошлого столетия в работах А.И. Смирницкого, В.В. Виноградова и Г.О. Винокура. В частности, В.В. Виноградов выдвинул тезис о неразрывности словообразования с грамматикой. Таким образом, в трудах А.И. Смирницкого и В.В.

Виноградова подчёркивалось своеобразие семантики и структуры производных слов. В.В. Виноградов [Виноградов, 2001:154] и А.И. Смирницкий [Смирницкий, 1954:37] на примере имен существительных утверждают, что вид и число имеют словообразовательный характер, поскольку образование производных слов осуществляется за счет словообразовательных моделей.

Работы Г.О. Винокура можно считать настоящим прорывом в развитии современного словообразования. Он является основоположником учения о продуктивных и непродуктивных, регулярных и нерегулярных моделях русского словообразования. Его статья «Заметки по русскому словообразованию» [Винокур, 1946:31-53], опубликованная в 1946 году, вызвала оживление и послужила своеобразным катализатором в процессе становления науки о словообразовательных отношениях в языке. Это послужило толчком для таких лингвистов, как Е.С. Кубрякова, Е.А. Земская, Н.М. Шанский, И.С. Улуханов и др. В частности, в работах Е.С. Кубряковой затрагивались вопросы выделения значимых единиц в слове и определялись степени членения слова. В.В. Лопатин изучал вопрос о наличии морфологических признаков в словообразовании и определил закономерности сочетаемости морфем. Работы другого языковеда, Е.А. Земской, чаще всего были посвящены изучению парадигматических и синтагматических отношений между компонентами словообразовательной системы. Одна за другой выходили работы А.Н. Тихонова и И.С. Улуханова, посвященные вопросам связи слов в словообразовательных гнездах и углубленному исследованию словообразовательной мотивации.

Начиная с этого словообразовательного взрыва в истории развития лингвистики процесс формирования научных концепций, методов исследования и постановки задач достиг своего апофеоза. Интенсивное изучение словообразования привело к формированию того научного

арсенала, который существует сегодня, что, в свою очередь, обеспечивает самостоятельность каждого отдельного раздела языкознания.

Вся эта проделанная работа имела цель создать последовательную в своем построении теорию словообразования, что в результате позволило отграничить словообразование от других лингвистических дисциплин.

Резюмируя, важно признать влияние лингвистических теорий середины XX века на эволюцию словообразования как зрелой и самостоятельной отрасли науки о языке.

В настоящее время словообразование является одним из основных направлений современной лингвистики, которое даёт определение процессу создания новых слов в языке и занимается изучением его закономерностей.

Таким образом, предметом изучения словообразования является деривация слов от родственных и однокоренных слов. Между тем, по мнению российских ученых, словообразование представляет собой формально-смысловое соотношение между производящим и производным, а также систему словообразовательных отношений в языке [Андреева, Шагдаров, 2014:24].

Что же касается отечественного словообразования, оно приобрело статус самостоятельного раздела лингвистики относительно недавно. В связи с этим до сих пор продолжаются научные изыскания в области его определения и выявления универсального и всеобъемлющего описания. Сведения о словообразовании в таджикском языке, в том числе об эндогенных закономерностях словообразования, их этимологических характеристиках, можно найти в ранних классических толковых словарях.

Проявление живого интереса к изучению вопросов словообразования в таджикском языке можно проследить в работах 40-50 гг. прошлого столетия. Среди наиболее заметных работ в этой области следует отметить труды В.С. Расторгуевой, которая первой предложила рассматривать суффиксы как самостоятельные словообразовательные элементы.

Говоря о системном исследовании словообразования таджикского языка, нельзя не упомянуть работы Ш.Н. Ниёзи [Ниёзӣ, 1949:12-19; 1950] и М. Мухаммадиева [Мухаммадиев, 1967: 37-45]. Исследование словообразования таджикского языка неразрывно связано с именем Ш. Рустамова, работы которого занимают определенное место в отечественном языкознании и признаны фундаментальными. Так, в своей работе «Словообразование имен существительных в современном таджикском литературном языке» автор подвел итоги по вопросам исследования процесса словообразования в таджикском языке. Учёный акцентирует внимание на том, что большая часть научных исследований сосредоточена на изучении морфологической структуры слов и даёт ограниченные данные о самом процессе словообразования, основных моделях сложных существительных и их компонентов [Рустамов, 1972:11]. Кроме того, Ш. Рустамов одним из первых приводит научно обоснованные определения и пояснения по вопросам отечественного словообразования с учётом его специфических закономерностей. В частности, в работе рассматриваются способы слияния основ, анализируются их внутренние отношения и роль аффиксов в этом процессе.

В диссертации О. Касимова «Суффиксальное словообразование имен существительных в «Шахнаме» Абдулкаси́ма Фирдоуси» [Касимов, 1987] глубоко освещается вопрос словообразовательных омоморфем, классифицируются производные, исходя из семантики аутентичных основ, и подробно описывается суффиксальное словообразование существительных.

Продолжая тему исследования аффиксального словообразования в таджикском языке, следует также отметить работу Ф. Амоновой «Именное аффиксальное словообразование в современном таджикском языке (в сопоставлении с персидским)» [Амонова, 1982], где описываются универсальные и индивидуальные особенности аффиксов в таджикском и персидском языках. Примечательно, что автор при анализе опирается на

метод моделирования, считая его единственной единицей словообразования. В работе автором подробно рассматриваются свойства моделей, а также определяется роль аффиксов в них.

Что же касается отношения к словообразованию в английском языке, данный вопрос детально рассмотрен Г. Марчандом в его работе «The categories and types of present-day English word-formation» [Marchand, 1969]. Он считает, что фундаментальной функцией словообразования является изучение моделей порождения новых лексических единиц [Marchand, 1969:3]. Таким образом, автор представляет закономерности и модели, лежащие в основе формирования английской системы дериватов. Он дает исчерпывающее описание моделей синхронно разделенных слов и определяет принципы продуктивности каждой из них. Резюмируя, такой подход можно отнести к структуралистическому. Между тем, не только Г. Марчанд придерживался подобного подхода в отношении английского словообразования. Прегенеративный подход прослеживается и в работах других выдающихся английских лингвистов, таких как Л. Бауэр и А. Хэтчер [Bauer, 1983, Hatcher, 1951].

Основной задачей словообразования является исследование формальных, семантических, доминантных и других закономерностей и особенностей, связанных с созданием новых лексических единиц и сопровождающих его на всех этапах развития языка. Словообразование является своеобразным индикатором развития языка, чутко реагирующим даже на незначительные детали в научной, политической и других общественных сферах. Вместе с тем правила словообразования ограничены, и некомпетентный подход к анализу этих самых ограничений может усложнить процесс решения вышеуказанных задач. И наоборот, понимание факторов, сдерживающих развитие одной или нескольких функциональных областей модели, позволяет превратить изучение словообразования не просто в науку о фиксации и инвентаризации, а в науку об объяснении и

перспективе. Это даёт возможность точного предсказания общего развития исследуемых объектов.

Кроме того, словообразование можно рассматривать как специфический процесс моделирования вторичных лексических единиц. Новые лексические единицы образуются из уже известных слов на основе определенных моделей, сложившихся в течение времени и представляющих собой фиксированные закономерности, вытекающие из лексико-категориального наполнения. Важным аспектом этого процесса является способность этих моделей адаптироваться к изменяющимся структурным отношениям.

Словообразовательная система большинства языков изучается с точки зрения словообразовательного анализа. Словообразовательный анализ вполне справедливо считается ведущим в области изучения строения того или иного языка [Андреева, Шагдарова, 2014:24].

В ходе словообразовательного анализа определенным словообразовательным конструкциям приписываются определенные модели. Это делается для того, чтобы определить деривацию конструкций и их идентификацию.

Одновременно с этим устанавливаются словообразовательные отношения между конкретными единицами, тем самым определяя направление и характер этих отношений [Карашук, 1977:10].

В этом контексте процесс словообразования сталкивается с проблемой деривации.

Основные характеристики деривации можно определить как выведение слов на основе их формы, а их мотивацию на основе их содержания. Вопрос о единстве формы и содержания в словообразовании стал предметом анализа сравнительно недавно, учитывая, что сама дисциплина *словообразование* находится в зачаточном состоянии. В последнее время этот вопрос получил пристальное внимание, поскольку любой процесс словообразования

приводит к смещению семантического поля вторичной единицы по отношению к первичной [Карацук, 1977:10].

Э. Бенвенист, рассматривая отношения между формой и содержанием, утверждает: «Что только ни делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасны попытки — оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто ее созерцает» [Бенвенист, 1965:443]. Такое меткое замечание обосновано тем, что ни одному лингвисту, несмотря на попытки, не удалось при соотношении формы и содержания лексической единицы исключить из цепочки её значение и свести всё только к понятию формы.

Чтобы сохранить связность аргументации о единстве формы и содержания в словообразовании, необходимо подчеркнуть, что семантика является неотъемлемой частью словообразования. Это связано с тем, что именно семантика производных компонентов выступает фундаментальной составляющей значения новой лексической единицы.

Закономерности и особенности образования новых лексических единиц выявляются с помощью словообразовательного анализа. В процессе словообразовательного анализа лексические единицы подвергаются комплексному морфологическому, семантическому, генетическому и функциональному анализу. Это связано с тем, что структурно сложное образование — это не только механическое соединение морфем, но и единица, которая должна быть проанализирована целиком. Это предполагает изучение этимологии образования, сочетаемости словообразовательных компонентов и установление семантических связей между ними. Следовательно, выявляется и определяется место словообразовательного анализа в рамках существующей структурно-семантической классификации дериватов. Это влечёт за собой определение деривационных отношений и установление формально-семантических признаков компонентов.

Учитывая, что процесс словообразования характеризуется формальными и семантическими изменениями, следует, что в основе словообразовательного анализа лежат эти же отношения. Следовательно, словообразовательный анализ включает в себя анализ морфологической структуры производных слов (морфемный анализ) и анализ семантических отношений между исходными и производными словами или между исходными компонентами и словообразующими элементами (семантический анализ). Генетический анализ представляет собой вторичный компонент словообразовательного анализа. Он применяется только в тех случаях, когда необходимо провести диахроническое исследование или установить некоторые структурные и семантические особенности производных слов.

Многогранный словообразовательный анализ позволяет выявлять закономерности и особенности, характерные для развития языка, которые активно и плодотворно используются для создания новых производных слов.

По сути, задача словообразования заключается в исследовании структурных характеристик слов, включая их форму и содержание, с целью предсказания способов образования производных слов от исходных. Иными словами, словообразовательные принципы позволяют эффективно управлять процессом создания новых слов, что напрямую связано со структурными типами исходных лексических единиц [Шанский, 1968:25].

На современном этапе развития лингвистики словообразование прочно утвердилось среди других лингвистических наук. Таким образом, вопрос о его месте в науке о языке уже снят с повестки дня. И на сегодняшний день словообразование, как особая отрасль языкознания, представляет собой сложную по своей организации систему со своими задачами и целями.

1.3. Производное слово как объект изучения словообразования

В традиционной лингвистике словообразование делится на две категории: *словосложение* и *словопроизводство*. Соответственно, вторичные образования делятся на *производные* и *сложные слова*.

С точки зрения словообразования весь лексический материал языка можно разделить на два класса: *производные* и *непроизводные слова*. Структурная морфология, однако, отрицает существование двух отдельных категорий такого деления и объединяет их в одно понятие – сочетание морфем.

Исходя из этого, выделяются два типа слов: простые слова и словообразовательные конструкции. В свою очередь, последняя группа возникла на основе определенных закономерностей путем комбинации имеющихся в языке лексических единиц. Лингвисты, изучающие немецкое словообразование, включают в него составные, суффиксальные и префиксальные слова. [Степанова, Фляйшер 1984:98]. Анализ непосредственных составляющих показывает, что словообразовательные конструкции обладают бинарным признаком, состоящим из двух непосредственно независимых элементов. Производные слова, напротив, не делятся на непосредственные составляющие и образуются без словообразовательной морфемы.

По поводу источника деривации и ее результата Е.С. Кубрякова дает следующий комментарий: «Производное слово, в отличие от простого слова, передает свое значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова» [Кубрякова, 2005:9]. Следовательно, производное слово (дериват) представляет собой первичное понятие словообразования, обозначающее слово, образованное от существующего в языке слова или словосочетания.

Придерживаясь традиционной лингвистики, производное слово представляет собой сложный комплекс структурно-семантических особенностей единицы языка. К производным словам, кроме аффиксальных и конверсионных образований, сложных слов, аббревиатур, также относятся все виды вторичных словообразовательных конструкций.

Анализируя словарный состав таджикского и английского языков, можно констатировать, что количественно дериваты значительно превалируют над непроизводными словами. Объясняется это тем, что, будучи главным участником процесса словообразования, производная единица представляет собой некую высокоэкономичную оболочку, которая вмещает в себя более емкую, легкоопределяемую информацию.

Производные слова отличаются от непроизводных своими индивидуальными характеристиками. Эта специфичность проявляется в формальных и семантических связях внутри производных слов. Семантическая и фонетическая составляющие производных слов всегда обоснованы и выражаются через определение значения деривата посредством отсылки к исходному слову. Подобная методика определения значений производного слова в большинстве случаев успешна, поскольку лексическая семантика деривата обычно базируется на значении его составных частей. В качестве примера приведем слова *чай* – *tea* (*чай*) и *хона* – *house* (*дом*). Очевидно, что между этими парами слов отсутствует связь значения и материальной формы. Возникает логичный вопрос: почему душистый напиток называется чаем, а место проживания или жилище — домом? Ответить на такие вопросы без специальных этимологических исследований невозможно. Следовательно, в сопоставляемых языках значение этих слов не мотивировано и определяется лишь путем описания и раскрытия заключенных в них понятий.

Ситуация приобретает иной характер, когда анализируются такие слова, как *чайфуруш* – *tea-seller* (*человек который продаёт чай*) и *хонадор* –

household (хозяйство). В этом случае значение приведенных слов обусловлено их строением, т.е., опираясь на значение однокоренных слов, мы можем определить семантику композита.

Значение слов *чайфурӯш* – *tea-seller* и *хонадор* – *household* распадаются на смысловые части. Смысловая часть слова *чайфурӯш* и его английского эквивалента *tea-seller* соотносится со значением таджикского существительного *чай* — *чай* и глагола *фурӯхтан* – продавать (аналогично и семантическое деление английского его эквивалента *tea* и *sell*). Таким же образом складывается значение второй цепочки слов. Роль смысловых компонентов слов *чайфурӯш* — *tea-seller* и *хонадор* – *household* не одинакова, и это касается всех производных слов в целом. Таким образом, общие для производного и исходного слова семантические компоненты имеют центральную мотивирующую роль. Благодаря им прослеживается семантическая и формальная связь между словами *чай* — *tea* и *чайфурӯш* — *tea-seller*, *хона* – *house* и *хонадор* – *household*. Семантические компоненты производного слова отличают его от исходного и при этом имеют дополнительный характер. Именно этим определяется то, что семантические компоненты указанных производных слов определяют их в группу новых лексических единиц и ставят на один уровень со всеми теми словами, значение которых включает тот же семантический компонент. В качестве подтверждения приведем следующие примеры: *рег* (*send* – *песок*), *духтар* (*girl* – *девочка*), *регзор* – место, где много песка, *киштзор* – место посева, *гулзор* – территория, где посажены цветы, *духтарона* – что-то относящееся к девочкам, *камбагалона* – не имеющий средств для существования, *магрунона* – выражающий высокомерие и т.д. В данных примерах семантическим компонентом служат суффиксы *-зор* и *-нок*, являющиеся отличительной чертой всех составных слов с данным семантическим элементом в составе.

Членение семантики слов *чойфурӯш*, *хонадор*, *духтарона* и *киштзор* на составные смысловые части всецело соответствует их структурному делению. Основные мотивирующие смысловые компоненты выражаются теми фонетическими отрезками, которые обобщают эти слова. Эти отрезки можно смело назвать *словообразовательными средствами*, которые образуют новые слова в языке.

Таким образом, слова *чойфурӯш*, *хонадор*, *духтарона* и *киштзор* отличаются от своих слов-исходников не только структурой, но и характером выражения значения.

Тем не менее, процесс образования составных слов наименьшей степени представляет собой *наложение* или *соединение* морфем. Есть, по крайней мере, три разных типа словообразовательных процесса создания производных слов. Первое, это словообразовательный процесс по аналогии (*киштзор* и *гулзор*). Второе, это по ассоциации, т.е. образование одного слова на основе значения другого или заполнение словообразовательной парадигмы. И третий тип, это синтаксическое словообразование, или универбализация синтаксической мотивирующей конструкции в однословное наименование [Кубрякова, 2005:9-10].

В целом все производные слова словарного состава языка являются вторичными единицами, образованными от других слов, имеющих тот же корень. В результате они проявляют определенную номинативную специфику. Лексическая семантика в данном случае всегда основывается на определенном образе или признаке, который составляет основу наименования.

Следует отметить, что производное слово не может существовать без внутренней формы. Внутренняя форма является производной от соотнесения деривата с другой лексической единицей, которая на выходе обеспечивает мотивирующую роль в семантической структуре производного слова.

Резюмируя, к отличительной черте деривата от других слов можно причислить его семантическую мотивированность, т.е. значение производящего слова отражается в значении производного им слова. Вместе с тем слова, мотивирующие производное слово, называются производящими.

В свою очередь, каждое производное слово и производящее состоят из основ, которые называются *производной* и *производящей основой*: *чай* (производящая основа) – *чайник* (производная основа).

Что же касается сложных слов, в них обычно две или более производящих основ, т.е. структурно производные слова чаще всего бывают усложненными: *хат навистан* – *хат-навист-и*, *сайругашт* – *сайр-у-гашт* и т.д. В данных словах производящая основа включена в производную в полном своем виде.

Не всегда производящее слово может иметь непроизводный характер (непроизводные слова – это те, которые не образованы от какого-либо другого однокоренного слова, существующего в языке), те же *чай*, *хат*, *сайр*. Например, мотивирующим компонентом в производном слове *хушнамотар* выступает еще одно производное слово *хушнамо*, так как оно образовано от прилагательного *хуш* и составляет с прилагательным словообразовательную пару, т.е. *хуш* – *хушнамо*.

Группу всех однокоренных слов называют словообразовательным гнездом. Возглавляет гнездо исходное слово, или вершина словообразовательного гнезда. К нему относится непроизводное слово, на основе которого образовались остальные однокоренные слова: *чай* (вершина словообразовательного гнезда) – *чайник*, *чайнуший*, *чайхона*. Таким образом, словообразовательная пара (производящее слово и производное слово) составляет минимальную единицу словообразовательного гнезда.

В заключение, есть несколько веских причин рассматривать производное слово как основную единицу словообразовательной системы языка. Производное слово способно обеспечить всестороннее представление

всего спектра отличительных особенностей словообразовательной системы. В настоящее время можно идентифицировать все более крупные единицы в группе производных слов. Следовательно, словообразовательное гнездо, которое охватывает все производные от общего корня, дает наглядную иллюстрацию возможностей сигматического развёртывания этого корня.

1.4. Словосложение как продуктивный способ словообразования в исследуемых языках

Лексический состав каждого языка претерпевает непрерывный процесс развития, который естественным образом приводит к обогащению языка. Это, в свою очередь, является требованием современного развивающегося общества. Важнейшим и определяющим критерием в эволюции словарного запаса языка является введение новых единиц, происходящее двумя способами: 1) образование новых слов (это основной предмет нашего исследования); 2) заимствование слов из других языков. Из вышеизложенного следует, что образование новых слов на основе существующих играет ключевую роль в эволюции и расширении лексических ресурсов языка. В этом контексте, словосложение является одним из самых древних и универсальных методов. Данный раздел имеет не только глубокие исторические корни, но и сохраняет актуальность среди ученых до сих пор, так как уже на начальной стадии развития языка был широко распространён. Примечательно, что более трети лексического запаса любого языка составляют сложные слова.

Анализируя языкознание на современном этапе развития, можно прийти к выводу, что словосложение — это один из основных способов словообразования. Этот процесс предполагает установление связей, имеющих морфологический характер, между двумя или более основами.

О.С. Ахманова определяет понятие *словосложение* следующим образом: «СЛОВОСЛОЖЕНИЕ (основосложение) англ. composition, compounding, фр. composition, нем. Zusammensetzung, исп. composiciön. Цельноформленное соединение двух и более морфем, выступающих в качестве корневых в отдельных словах» [Ахманова, 1966:416].

Т.В. Жеребило предлагает следующее определение понятию *словообразование*: «Образование (деривация) производных слов (или дериватов) от однокоренных слов и установившееся в результате этого формально-смысловое соотношение между дериватом и его производящей базой» [Жеребило, 2010:45].

В словаре Д.Е. Розенталя и М.А. Теленковой дается следующее определение термина *словообразование*: «Образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем либо безаффиксным способом по определенным моделям, существующим в данном языке» [Розенталь, Теленкова, 1976:89].

Термин *словосложение* по своей сути неоднозначен. В традиционном смысле он относится к процессу создания новых слов на основе единиц, доступных в языке. Аналогично данный термин используется для обозначения области лингвистики, которая изучает формирование и структуру сложных слов.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в современной лингвистике существует несколько определений словосложению. В данной работе мы приняли определение, предложенное Д.Е. Розенталем и М.А. Теленковой, которое полностью раскрывает смысл этого термина. Кроме того, нас впечатляет тот факт, что Д. Е. Розенталь и М.А Теленкова указали на словообразовательные модели, присущие процессу словообразования, которые являются важным фактором, требующим детального изучения в рамках данного исследования. Следовательно, при изучении

словообразовательного процесса мы, несомненно, будем отталкиваться от формулировки, предложенной ими.

Словосложение было и остается эффективным средством обогащения языка, что, в свою очередь, оказывает влияние на совершенствование языковой системы. Этот метод образования слов оставался активным на протяжении всего периода формирования древних первичных форм языков. На фоне ускоряющихся темпов научно-технического прогресса, который требует точного и всестороннего определения новых явлений в различных областях человеческой деятельности, роль словообразования становится все более важной. Очевидно, что сложные и новейшие явления требуют введения новых и сложных концепций. В то же время, в контексте краткости и мобильности, сложные слова, которые способны наиболее полно передать необходимую информацию, являются важной составляющей лексического ресурса языка.

В таджикском языке словосложение также является одним из универсальных способов словообразования и имеет богатую историю развития. Таким образом, история словосложения и его продукта – сложного слова берет свое начало со времен развития древнеперсидского языка. К месту будет упомянуть профессора Д. Саймиддинова, по мнению которого словосложение как способ образования сложных языковых единиц в древнем персидском языке занимало главенствующую позицию [Саймиддинов, 2008:52]. Несмотря на античность этого метода, его продуктивность остается неизменной. С точки зрения формирования частей речи, наблюдается заметная вариативность в производительности. Этот метод наиболее эффективен при формировании существительных, глаголов и прилагательных. Для сравнения, в других частях речи наблюдается относительно более низкий уровень производительности.

Словосложением также активно обогащается словарный запас английского языка. Н.Н. Амосова считает, что наряду с другими

индоевропейскими языками, в английском языке особенно широко применяется расширение лексического состава за счет словосложения. Этот способ словообразования полностью удовлетворяет сегодняшнюю потребность в создании названий для новых и новых явлений, возникающих ежедневно под влиянием активного развития различных областей человеческой деятельности. Это укрепляет статус словообразования как наиболее продуктивного способа пополнения словарного состава английского языка [Амосова, 1961:54].

Словосложение как автономный раздел науки весьма молод. Его становление и развитие приходится на начало и преимущественно, на середину XX века.

В русском словообразовании статус первоучителя справедливо принадлежит Г.О. Винокуру, который внес основополагающий вклад в развитие словосложения и признания его как целостной и самостоятельной дисциплины.

К исследователям-русистам, которые определили дальнейшее развитие русского словообразования, смело можно отнести В.В. Виноградова, чей плодотворный вклад в развитие общей теории словообразования нельзя не заметить. В целом, в период с 50-х по 90-е годы наблюдался рост числа работ и исследований в этой области, о чем свидетельствует значительное число статей и монографий, опубликованных в этот период.

Одними из первых работ, рассматривающих вопрос словосложения в таджикском языке, можно считать работы Ш.Н. Ниёзи. В его работах еще в 40-е и 50-е годы прошлого столетия затрагиваются такие вопросы словосложения, как композито-образование таких частей речи, как существительные и прилагательные [Ниёзӣ, 1949].

60-ые годы прошлого столетия знаменовались периодом проработки принципов таджикского словообразования. Этот вопрос нашел свое решение в работах М. Мухаммадиева [Мухаммадиев, 1967].

Таким образом, вторая половина XX века, точнее 60-80-е годы, считаются временем формирования таджикского словообразования и, в частности, словосложения.

Констатации заслуживает тот факт, что в таджикском и русском языкознании (в целом на советском этапе) 40-90-е годы XX века традиционно считаются рубежом зарождения и становления словосложения как общепризнанной лингвистической дисциплины.

Что нельзя сказать о месте словообразования в ряду самостоятельных лингвистических дисциплин английского языка.

Совсем недавно словосложение в английском языке попадало под раздел грамматики или же лексикологии. Зарубежных языковедов вполне устраивал его статус как раздела грамматики или лексикологии. Становление же словосложения как особого раздела в науке о языке приходится на 70-е годы прошлого века. Этому вопросу посвящен ряд работ известных советских лингвистов, таких как Е.С. Кубрякова, Е.А. Земская, Н.Д. Арутюнова и О.Д. Мешков. В частности, О.Д. Мешков внес значительный вклад в развитие английского словосложения, проанализировав проблемы деривации в английском языке.

Промежуточная позиция словосложения между грамматикой и лексикой является основным препятствием к развитию в области дериватологии, поскольку такая ситуация сильно задерживает процесс обретения этой областью лингвистики самостоятельности. Отсутствие единства мнений ограничивало развитие собственно проблемы словообразования как таковой. При изучении словообразовательных процессов в рамках грамматики, особенно с акцентом на морфологию, делается упор на формальные способы образования слов. Однако содержательные аспекты и функциональная сторона часто остаются недооценёнными у исследователей. Это объясняется тем, что грамматический анализ сосредоточен преимущественно на вопросах

формирования частей речи, тогда как морфологический подход позволяет глубже изучить структуру слов. В рамках лексикологии словосложение часто остаётся в тени: акцент смещается на выделение и описание лексико-семантических групп производных слов. Это приводит к недостаточной проработке вопросов генерации новых словарных единиц неграмматическими способами. Можно с полным основанием утверждать, что более глубокое понимание этих ключевых аспектов существенно расширит представления о языке и его внутренней динамике.

Таким образом, несмотря на хаотичное развитие словосложения в мировой лингвистике, очевидно то, что его *твёрдость и автономность* наряду с другими разделами лингвистики является фактом, который нельзя отрицать.

В современной лингвистике значительная часть исследований посвящена изучению словосложения. Среди них можно выделить множество различных точек зрения и формулировок, что указывает на наличие нерешенных проблем в этой области. В данной работе речь идет не о рассмотрении всех вопросов, которые были определены как проблемные. Однако основные из них будут затронуты. В первую очередь будет рассмотрена проблема определения композита и его характеристик.

Словосложение можно отнести как к морфологическому, так и к синтаксическому способу сочетания языковых единиц, поскольку в нём прослеживаются черты обоих. Оно отражает специфику языка и проявляет национальные особенности, присущие данному языку. Иначе говоря, лексический запас каждого языка неразрывно связан с культурой и историей народа, на котором он говорит, служа отражением уникальных отличительных черт этого языка.

Предполагается, что словосложение основано на синтаксических принципах. Действительно, ряд лингвистов считают, что процесс образования слов через сложение является лишь одним из методов

синтаксического словообразования. Тем не менее, сомнительно утверждение о том, что данный термин может быть использован для обозначения образования слов путём сложения основ, учитывая, что композиты не всегда формируются на основе синтаксических комбинаций. Значительное количество известных сложных слов было создано и продолжает создаваться в соответствии с уже существующими шаблонами. Кроме того, обычно синтаксическая связь между компонентами таких слов отсутствует или является несущественной для их понимания как самостоятельных единиц. Если такая связь и присутствует, то она относится скорее к синтаксическим конструкциям, а не к сложным словам в узком смысле этого термина.

Ф.А. Ганиев принадлежит к числу тех, кто считает, что термин *синтаксический метод словообразования* не должен использоваться для описания процесса словообразования путем сложения основ. Он считает, что: «использование термина *основосложение* является более корректной, так как при деривации сложных слов слова-компоненты выступают в качестве основы или корня, тем самым теряя свою цельнооформленность» [Ганиев, 1976:32].

По данному вопросу Ш. Рустамов пишет: «Есть языки, например, русский язык, в которых морфологические формы демонстрируются вполне ярко, а при классификации частей речи проявляется косвенная и несущественная роль синтаксиса. Однако в отношении таджикского языка такой расклад является в корне не правильным, так как морфологические формы частей речи, имея аморфный характер, не развиты должным образом» [Рустамов, 1981:39].

Процесс словообразования, основанный на принципе сложения основ, оснащен рядом моделей словообразования. Вполне возможно, что эти модели могут отличаться друг от друга. Таким образом, существуют тысячи слов, образовавшихся на основе одной модели, и есть также модели, на базе которых образовались лишь несколько десятков лексических единиц.

Различные модели словообразования характеризуются ярко выраженным семантическим значением, которое определяется разнообразием семантических типов и отношений между их компонентами. В некоторых моделях допускается взаимодействие различных семантических типов, в то время как в других – только определенных. Одновременно с этим словообразование может демонстрировать и такие модели, продуктом которых является всего лишь несколько слов в рамках всего словарного состава языка.

Как уже говорилось, формирование новых слов — это всего лишь процесс обогащения языка в соответствии с установленными правилами и моделями внутри него. Объектом этого процесса является слово или, скорее, производное слово. Отсюда следует, что область изучения словообразования охватывает не только отдельные производные слова, но и целые категории таких слов. В традиционном понимании изучение производных слов влечет за собой анализ их формальной, материальной и семантической структуры. Примечательно то, что образование деривационных связей без наличия семантической общности между словами невозможно. Следовательно, необходимо рассмотрение именно семантического аспекта в исследовании словообразования.

В свете изложенных соображений основная цель словообразования может быть определена как изучение закономерностей и особенностей словообразовательного процесса, включающего формально-содержательные, структурно-функциональные аспекты.

Сегодняшняя самодостаточность словообразования не отрицает его неотъемлемую связь с соседними разделами языкознания, такими как грамматика и лексикология. Эта связь обусловлена, в первую очередь, объектом исследования – словом. По мнению М.Д. Степановой и В. Фляшер, «Слово представляет собой, во-первых, совокупность словоформ, тождественных по лексическому значению (морфологическая

парадигма), во-вторых, совокупность различных значений (лексическая парадигма); в-третьих, организованную последовательность морфем различного качества (морфологическую структуру слова)» [Степанова, Фляшер, 1984:3].

Связь между морфологией и словосложением подтверждается существованием морфем, которые одновременно несут двойную функциональную нагрузку и сочетают в себе как словообразовательные, так и грамматические значения. Между тем сепарация слов как простых, так и производных между частями речи является фундаментальным аспектом морфологии.

Несмотря на тесную связь этих двух дисциплин, существуют также расхождения: к одним из таких различий можно отнести технику построения моделей словообразования.

Связь словосложения с синтаксисом отражается, как и было ранее отмечено, наличием синтаксической базы исходных форм дериватов, т.е. на основе большого числа производных слов лежат словосочетания или, другими словами, синтаксические единицы. В частности, эта связь особенно очевидна в таджикском языке.

Связь между словосложением и лексикой может быть объяснена тем, что в обоих разделах изучение слова происходит с учетом его лексической семантики: без неё процесс исследования словообразования сводится к нулю. Только через призму лексической семантики можно разглядеть связь между словами и определить производную основу, не игнорируя средства, способы и модели словосложения.

Таким образом, словосложение – относительно молодой раздел словообразования, который получил статус самостоятельного лишь недавно. При этом, будучи частью других областей (грамматики и лексикологии) оно активно участвует в образовании новых языковых единиц. Следовательно, по

праву считается одним из продуктивных средств обогащения словарного состава языка.

ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

По итогам рассмотрения разделов первой главы нами были сделаны следующие выводы:

1. Слово наряду со словосочетанием и предложением является основной единицей языка, на базе которой образуются остальные языковые единицы. Относительно дефиниции слова отечественными и зарубежными учёными было сказано многое. Однако единственное определение, к которому придерживаются лингвисты сейчас, состоит в том, что слово — это продукт взаимоотношений между людьми как результат практической деятельности общества.

2. Производное слово – это вторичная единица, образованная от других слов, имеющих тот же корень. В результате проявляется определенная номинативная специфика. Лексическая семантика в данном случае всегда основывается на определенном образе или признаке, который составляет основу наименования.

3. Значительную роль в обогащении лексического состава каждого языка играет процесс словообразования. Среди учёных и лингвистов до сих пор продолжаются дебаты о независимости словообразования как раздела лингвистики. В процессе анализа лексических единиц с помощью словообразовательного подхода той или иной структуре приписывается принадлежность к конкретным моделям, цель которых — определение производных конструкций и выявление их сходств.

4. Одним из продуктивных способов словообразования является словосложение, которое уже не одно десятилетие активно участвует в

порождении новых языковых единиц, тем самым расширяя лексический состав исследуемых языков.

ГЛАВА 2.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В СРАВНИВАЕМЫХ ЯЗЫКАХ

2.1. Понятие «сложное слово» в лингвистике

Словосложение играет ключевую роль в системах словообразования как таджикского, так и английского языков. Оно является определяющей чертой современного словообразования. Это объясняет особый статус сложных слов в лингвистической структуре современных языков. Одновременно с ускоренной эволюцией различных сфер человеческой деятельности возникает необходимость в появлении новых языковых единиц – композитов, которые благодаря своей семантической насыщенности и информативности могут более точно и полно выражать новые явления и понятия в области науки, техники, социальной и профессиональной деятельности. Следовательно, для современной лингвистики вопрос изучения и классификации новообразований остаётся актуальным.

Сложное слово, как и слово вообще, рассматривается как многомерная единица. Его структурный характер позволяет лингвистам предлагать различные классификации данной группы слов. На протяжении многовекового периода развития лингвистики процесс классификации сложных слов всегда представлял ряд трудностей, связанных с многообразием типов и различий между ними.

Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова описывают *сложное слово* следующим образом: «Сложное слово – это образованное соединением двух или нескольких основ в процессе морфологического словопроизводства» [Розенталь, Теленкова, 1976:314]. По их мнению, сложные слова могут образовываться как с помощью соединительных гласных, так и без них. К числу сложных слов также можно отнести слова, образованные удвоением

основ (в таджикском языке): *баланд-баланд* (*высоко*), *андак-андак* (*понемногу*), *порча-порча* (*на части*). К сложносоставным композитам относятся также слова, образованные путем сращения, т.е. лексико-семантическим способом словообразования: *хазонрезӣ* (*листопад*), *ҷувориғундорӣ* (*собирать кукурузу*), *story-teller*, *woodworking*. Упомнутые лингвисты считают, что: «Отношения между компонентами сложного слова в одних случаях соотносительны с сочинительными отношениями синтаксически равноправных единиц, в других – соотносительны с подчинительными отношениями синтаксически неравноправных единиц» [Розенталь, Теленкова, 1976:315].

Согласно определению Т.В. Жеребило, *сложное слово* это: «Слово, которое образуется при помощи сложения, представляющего собой безаффиксные способы словообразования, при которых производящая база представлена двумя или более основами, а словообразовательным формантом считается строго фиксированный порядок расположения компонентов в структуре дериватов и единое основное ударение. Разновидностями сложения, в результате которого возникают сложные слова, являются: чистое сложение, аббревиация, сращение, сложносоставной способ словообразования» [Жеребило, 2010:341].

Приведенные выше определения позволяют сделать вывод о том, что с точки зрения структуры *сложные слова* – это слова, состоящие из двух и более основ (точнее, корневых морфем). Иными словами, *сложные слова* – это сочетание как минимум двух бессуффиксных морфем или одной независимой и одной подчиненной основы. Например, таджикское сложное прилагательное *серобталаб* – *require a great deal of water* (*требующий много воды*) состоит уже из трех основ: *сер* в своей традиционной форме имеет значение *сытый* или *насытиться*, но в данном слове, как первая часть сложного слова, передает значение *много*, (*many, much*), *об* (*вода, water*) и *талаб* (от сложного глагола *талаб кардан* – *to require* – *требовать*):

киитҳои серобталаб // *require a great deal of water* // *требующих много воды* [Айни, 1990:8; Аynи, 1998:31; Айни, 1960:11]. По приведенным примерам на трех языках очевидно, что эквивалентом таджикского сложного слова *серобталаб* в английском языке является отнюдь не сложное слово, а словосочетание *require a great deal of water*. Напрашивается вывод, что сложные по структуре своей слова одного языка не могут быть структурно-аналогичными со своими эквивалентами в другом.

Целесообразно заметить, что в значительном количестве случаев, сложные слова, или *аналитические слова* представляют собой соединение двух бессуффиксных морфем: *корхона* (*предприятие*), *ошпаз* (*повар*), *нимханда* (*усмешка*), *ширбиринҷ* (*рисовая каша*), *everything* (*каждый*), *supernatural* (*сверхъестественный*) и т.д. Встречаются и трехкомпонентные композиты, но крайне редко: *сарпаноҳковӣ* (*поиск жилья*), *байтбаракбозӣ* (*сопоставляться в знании стихов*), *навдарсгӯй* (*новичок в преподавании*) или *quarters-cum-guestroom* – трехкомпонентное сложное слово, состоящее из *quarters* – *жилье*, *cum* – компонент сложного слова, со значением *совмещенный* и *guestroom* – *гостиная*.

2.2. Цельнооформленность композитов

В соответствии с наблюдениями О.Д. Мешкова о словообразовании, сложное слово определяется как лексическая единица, созданная путем соединения двух или более компонентов, в результате чего она становится целостной, морфологически оформленной единицей. Этот процесс известен как словосложение [Мешков, 1976:172].

Определяющим признаком этой группы слов является цельнооформленность сложного слова. Этот признак позволяет легко отличить сложное слово от других сложных словообразований, а также от свободных словосочетаний.

Для разграничения этих двух типов сложных образований О.Д. Мешков [Мешков, 1976:38] выделяет внутренние и внешние признаки цельнооформленности сложного слова. К внутренним признакам лингвист относит фонетические и орфографические показатели. Кроме того, он отмечает отсутствие морфологического оформления компонентов в отдельных сложных словах. Для сложных слов характерно наличие объединяющего ударения, которое, как правило, является вторым компонентом соединения. В значительном числе примеров этот компонент является слабым звеном в связке компонентов, составляющих сложное слово: *ошпаз (повар)*, *меҳмонзанон (гости женского пола)*, *gateway (ворота)*, *tablecloth (скатерть)* и т.д.

Затрагивая орфографический показатель целнооформленности сложного слова, необходимо указать на то, что в современном английском и таджикском языках образование сложных слов никоим образом не однообразное. Таким образом, они пишутся: слитно (*гуряолуд – заплаканный*, *софдил – искренний*, *millstone – мельница*, *woodworker – плотник* и т.д.); раздельно (*зарар кардан – навредить*, *намоиш додан – показывать*, *water pipe – водопроводная труба* и т.д.); через дефис (*кӯрпа-болиш – одеяло и подушки*, *гоҳ-гоҳ – иногда*, *night-watch – ночной дозор* и т.д.). Следует также отметить, что слитное написание сложных слов свидетельствует о более тесной связи между компонентами и семантической структурой сложного слова. Тем самым, этапы относительного возрастания смыслового и структурного единства между компонентами композитов выглядят следующим образом: раздельное написание – написание через дефис – слитное написание [Мешков, 1976:40].

Говоря о морфологическом признаке цельнооформленности компонентов композита, следует указать на отсутствие словоизменительного элемента, присущего слову в заданной грамматической форме – это лишний раз подтверждает тот факт, что мы имеем дело с основами-компонентами

сложных слов: *коҳхона* (*barn for hay, сарай для соломы*) и *teapot* (*чайник, чайник*). Первые компоненты данных слов (*коҳ* и *tea*) морфологически не оформлены, т.е. в данной связке они не являются словами, а считаются основами.

Что же касается внешних признаков цельнооформленности сложных слов, О.Д. Мешков к ним относит порядок следования элементов композитов и порядок слов в словосочетаниях. В сложном слове чаще всего наблюдается обратный порядок элементов, место служебным элементам не отводится.

Что же касается других лингвистов, И.В. Арнольд и Е.Б. Черкасская, говоря о морфологических и синтаксических признаках целостности композитов, также выделяют другие характерные отличия. В частности, И.В. Арнольд к таковым относит неразрывность компонентов сложного слова и их фиксированную последовательность [Арнольд, 1973:174].

Е.Б. Черкасская же отмечает, что отдельные компоненты сложного слова не способны устанавливать самостоятельные синтаксические связи [Гальперин, Черкасская, 1956:139]. Это возможно только в составе всего сложного слова. Например, слово *писарбача* (*boy, мальчик*) и словосочетание *писарбачаи бепадар*. В данном примере с помощью изафета было получено словосочетание. Однако внести какой-нибудь языковой элемент между *писар* и *бача* не получится, так как в этом случае нарушится структурная целостность композита.

Семантическая целостность сложных слов часто выражается их идиоматичностью, т.е. значение целого слова не всегда следует из смыслового значения его составляющих. Во многих случаях нельзя точно определить значение слова, опираясь лишь на смысл отдельных компонентов. Например, таджикское слово *ҳочихонӣ*, (*ҳочӣ – паломник*) и *хонӣ* (от глагола *хондан – читать*) не означает *читающий паломник*, а именуется *сорт яблок*, или английское *riverbed* – не *кровать реки*, а *русло реки* (*маҷрои дарё*).

Из чего можно заключить, что структурное единство и целостная оформленность композита определяются рядом факторов, среди которых единство ударения, написание (слитное или дефисное), семантическая общность, целостность морфологической и синтаксической функций, а также единство фонетических, графических, семантических и морфологических характеристик.

2.3. Способы образования сложных слов

Словосложение играет ключевую роль в системах словообразования как таджикского, так и английского языков. Оно является определяющей чертой современного словообразования. Это объясняет особый статус сложных слов в лингвистической структуре современных языков.

В своем анализе сложного слова Л. Блумфилд и Г. Марчанд различают сложные синтетические слова [Блумфилд, 1968:250; Marchand, 1969:12]. Этим термином они называют сложные слова, компоненты которых отличаются своими словообразовательными признаками от самостоятельного слова. По мнению Г. Марчанда, отличительной особенностью композитов, относящихся к синтаксическому способу образования, является то, что второй компонент неразрывно связан с первым и не может использоваться самостоятельно [Marchand, 1969:12].

В качестве практического обоснования можно привести примеры таких таджикских слов, как *қиморбоз* (*gambler, азартный игрок*) и *пургӯйӣ* (*voluble, многословный*). В вышеупомянутых словах и их эквивалентах наблюдается отсутствие материального сходства, что вполне ожидаемо при учете того, что они принадлежат к разным языковым группам. Что касается структуры, то здесь также прослеживаются различия: понятия *азартный игрок* и *многословный* в таджикском языке имеют форму сложного слова, в то время как в английском языке, первое понятие обозначается в форме составного

слова (*gamble*— гл. *играть в азартные игры+er* – существительно-образующий суфф.), а второе — имеет форму простого слова (*voluble*).

Первый пример, сложное слово *қиморбоз* состоит из *қимор* (*азартная игра*) и *боз* (*от глагола бозидан — играть*), которая не имеет самостоятельного использования в данной форме. Что же касается второго слова, составные части композита *пургүйі* – это прилагательное *пур* (*полный или много*), *гүйі* (*гуй* от глагола *гуфтан — говорить*) и существительно-образовательный суффикс *-і*. Целесообразно добавить, что форма повелительного наклонения в единственном числе начальной формы глагола *гуфтан* (*говорить*) *гуй*, разумеется, имеет самостоятельное употребление. Но поскольку в составе сложного слова *пургүйі* она является составным словом *гүйі* (*гуй+существительно-образующий суффикс -і*) то в такой именно форме оно самостоятельно в языке не употребляется.

Структурно-семантический анализ примеров показывает, что компоненты составных слов полностью отражают значение новых языковых единиц. Иными словами, в процессе формирования значения композита участвуют оба компонента.

Что же касается английского языка, к данной группе слов можно отнести слово *halva-buying* (*ҳалвохарӣ, покупать халву*): *Off we set for Boloï Rudon our halva-buying expedition* [Ауні, 1998:48] // *Мо барои ҳалвохарӣ ба деҳаи Болои Рӯд равон шудем* [Айнӣ, 1990:24]. Здесь также наблюдается отсутствие материального сходства. Чего нельзя сказать о структуре слов. В обоих языках понятие *купить халву* выражается в виде сложных двухкомпонентных слов. При этом вторые компоненты в обоих случаях являются составными словами, т.е. *buying* состоит из глагола *buy* и суффикса *-ing* (герундия-образовательный), и *харӣ* от глагола *харидан* (*покупать*) и существительно-образовательного суффикса *-і*. При этом не *buying* и не *харӣ* не используются вне состава сложного слова. Таким образом, тип образования слов *halva-buying* и *ҳалвохарӣ* один.

В качестве заключения вышесказанного можно констатировать, что вторые элементы приведенных композитов (*боз, зӯйӣ, buying*) не имеют самостоятельного употребления в изучаемых языках. Иными словами, они имеют семантический признак лишь в составе сложного слова.

Другие же лингвисты, такие как Т.И. Арбекова, И.В. Арнольд, выделяют сложнопроизводные слова [Арбекова, 1977; Арнольд, 1959]. К таким композитам они относят сложные слова, в которых хотя бы один из компонентов является аффиксальным. Слова, принадлежащие к этой группе, встречаются в обоих языках. В качестве примеров можно привести таджикское слово *чархиосиётарошӣ* (*making millwheels, тесание мельничных колес*) и английское *landowners* (*заминдорон, крестьяне, имеющие землю*). Материального сходства между первым словом и его эквивалентом в английском языке нет. Что касается структурного аспекта, то можно сделать следующее наблюдение: понятие в первом языке принимает форму сложного слова, а во втором языке – форму словосочетания. Во втором случае английское слово *landowner* и его таджикский эквивалент *заминдорон* являются сложными словами, идентичными по структуре. Более того, оба слова относятся к группе аффиксальных композитов, один из компонентов которых является производным словом. В случае со словами *landowner* и *заминдорон* производными являются вторые компоненты. Касательно семантики, значения компонентов этих композитов полностью передают значение новых образовавшихся слов (*чархиосиётарошӣ // making mill wheels // тесанием мельничных колес*).

Кроме того, при классификации сложных слов можно исходить из соотношения их компонентов. Следовательно, сложные слова можно разделить на две категории: синтаксические и асинтаксические [Блумфилд, 1968: 249; Arnold, 1973: 65].

К синтаксическим композитам лингвисты относят сложные слова, в которых порядок компонентов идентичен с порядком слов в синтаксических

словосочетаниях. Например, таджикское сложное существительное *ҳикоягӯӣ* (*to tell stories, рассказывать истории*) соответствует словосочетанию *ҳикоя гуфтан*. Очевидно, что словосочетание было объединено в одно сложное слово, точнее, сложное существительное без потери семантического багажа.

Ко второй группе сложных слов Л. Блумфильд и И.В. Арнольд относят композиты, в которых компоненты находятся в комбинациях не присущих синтаксису данного языка [Блумфильд, 1968:249; Arnold, 1973:65]. Таджикское слово *гамолудона* (*gloomy, невеселый*) и английское *handwriting* (*хат, очерк*) могут стать примерами слов данной группы: *сӯҳбатҳои гамолудонаи падару модарам // their gloomy late-night conversation // по невеселым разговорам, которые обычно вели родители* [Айнӣ, 1990:19; Аюни, 1998:42; Айна, 1960:24]. *When I begged my father to teach me how to write, he told me, my own handwriting is not good ...* [Аюни, 1998:117] // *Хаму ман бад аст, агар дар пеши ман хат машқ кунӣ, бадхат мешавӣ* [Айнӣ, 1990:98] (*У меня неразборчивый почерк, если я начну тебя учить, то ты будешь писать плохо* [Айна, 1960:109]).

Касательно компонентов таджикского слова *гамолудона* (*гам* – печаль, *олуд* – от глагола *олудан*, *-она* – прилагательно-образовательный суффикс) можно сказать, что при сепарации на составные части с целью получения словосочетания обнаруживается, что в качестве самостоятельного связного словосочетания оно не встречается. Можно утверждать, что сложное слово *гамолудона* не является трансформацией какого-либо словосочетания. Что же касается образования данного композита, то можно предположить, что второй компонент *-олуд* скорее выполняет функцию прилагательно-образовательного суффиксоида, исходящего от глагола *олудан* (пачкаться). При этом с точки зрения семантики понятие *пачкаться* не отражается в значении образованного композита, так как не используется в своем первоначальном значении. Суффиксоид *-олуд* в составе композита *гамолуд*, скорее свидетельствует о наличии печали. Что касается его английского

эквивалента слова *gloomy*, то оно является производным, что с точки зрения структуры и материального сходства делает два этих слова не идентичными.

Что же касается английского слова, составные части композита *handwriting* также не сепарируется на составные части одного словосочетания. Совместное использование компонентов допустимо лишь в составе сложного слова.

Из приведенного выше анализа следует, что асинтаксические композиты не являются типом трансформации словосочетаний, в отличие от синтаксических.

В контексте системы классификаций сложных слов, предложенной И.В. Арнольд, стоит отметить, что этот лингвист также выдвинула [Арнольд, 1973:71-72].

К первому типу сложения относятся следующие группы:

1) Сложные слова без связующих элементов.

Данный тип преобладает как в таджикском языке, так и в английском: *чоркунца –square-built* (четырёхугольный), *масқидшакл – like a mosque* (похожая на мечеть), *хонавайрон –destitute* (разорение), *snowball* (яхмолак, снежки) *vineyard* (ангурбоғ, сад или же виноградник), *lifetime* (зиндагӣ, продолжительность жизни). Все слова образованы путём чистого словосложения, причем словообразовательное значение соединений полностью соответствует значениям основ. По семантическому соотношению мотивирующих основ таджикские слова *хонавайрон* и *чоркунца*, а также английское *lifetime* относятся к сложным словам с сочинительным отношением компонентов, поскольку они совмещают в себе признаки предметов и явлений, обозначаемых мотивирующими словами.

Что же касается слов *масқидшакл*, *vineyard* и *snowball*, отношение основ в них имеет подчинительный характер, т.е. данные слова содержат опорный компонент чаще всего в виде существительного (*шакл*, *yard*, *ball*), и основу с уточнительной функцией (*масқид*, *vine*, *snow*).

Типологическое сравнение слов с их эквивалентами показывает отсутствие сходства по материальным признакам. По структуре же все слова, кроме английских композитов *snowball* и *square-built*, а также их эквивалентов *яхмолак* и *чоркунчаишакл* относятся к разным группам. Точнее, понятие *похожее на мечеть* в таджикском языке имеет форму сложного двухкомпонентного слова. Однако в английском языке данное понятие выражается в форме словосочетания *like a mosque*. Другое, *хонавайрон (разрушенный)* – сложное двухкомпонентное слово, состоящее из существительного *хона* — дом (в составе этого композита данное слово скорее имеет значение *семьи*) и прилагательного *вайрон (разрушенный)*, что в результате отражает понятие *разрушенной семьи*. Его английский эквивалент *destitute* же имеет форму простого слова. Аналогичную ситуацию можно наблюдать с английскими словами *vineyard* (*бог, сад* или *виноградник*) и *lifetime* (*зиндагӣ* или *дар давоми ҳаёт*, продолжительность жизни), т.е. сложное слово в одном языке имеет форму словосочетания в другом: *меҳмонхонаи ... масҷидшакл* [Айнӣ, 1990:38] // ... *a square-built mehmonkhona with slender, carved pillars, like a mosque* [Ауни, 1998:58] // *четырёхугольная мехмонхона со столбом посередине, похожая на мечеть* [Айни, 1960:43]; *My grandfather's fields and vineyards lay at the very edge of the Qo-Qo Steppe* [Ауни, 1998:54] // *Бог ва киштори бобоям дар охиртарини ёбони Қо-қо буд* [Айнӣ, 1990:33] (*Сад и поле моего дедушки находились на самом краю равнины Ко-Ко* [Айни, 1960:38]); *One must see each of these in his lifetime* [Ауни, 1998:54] // *Дар зиндагӣ ҳар кадоми инҳоро дидан даркор аст, – гуфт падарам* [Айнӣ, 1990:33] (*В жизни все нужно видеть, – сказал отец* [Айни, 1960:37]).

2) Сложные слова, корни которых связаны между собой связующим элементом – специальной морфемой в виде гласной буквы. Традиционно считается, что соединительных гласных в таджикском языке две: *и* и *о* <*нӯғирӯймоли* (*head-scratchers, все для словесного состязания*).

Применительно к английскому языку соединительными морфемами являются гласная *i* и согласная *s*: *handicraft* (хунармандӣ, ремесло), *craftsman* (хунарманд, мастер).

Связующим элементом в таджикском слове *нӯғирӯймоли* выступает гласная *и*, что, в свою очередь, может рассматриваться как изафет. Можно предположить, что на основе возникновения данного композита лежит словосочетание *нӯғи рӯймол* (кончик платка), а существительно-образовательный суффикс *-ӣ* здесь указывает на отношение слова к существительному. Следовательно, изафетная морфема не была опущена при преобразовании словосочетания в сложное слово. Это объясняет наличие изафетной морфемы в составе композита. По своей структуре это слово аналогично английскому эквиваленту *head-scratchers*, т.е. оба слова являются двухкомпонентными синтаксическими композитами, при этом вторые компоненты которых, будучи составными, не имеют самостоятельного употребления в языке. Отличие заключается лишь в том, что в таджикском слове между компонентами стоит изафет, а в английском – дефис (–). С семантической точки зрения значение отдельных частей слов при сравнении языков теряется в композитах. Другими словами, значение первичных компонентов не отражаются в получившемся композите, который имеет самостоятельное значение, независимое от значений составляющих его элементов.

Что касается английских слов *handicraft* и *хунармандӣ*, то следует отметить, что между ними нет ни материального, ни структурного сходства. Первое слово является сложным, компоненты которого соединены инфиксом в виде гласной буквы *i*. Слово *хунармандӣ* – это составное слово, состоящее из морфемы *хунар* (мастерство) и суффикса *-манд*. Этот суффикс образует качественное прилагательное от существительного и указывает на наличие у объекта определённых качеств или признаков. По сути, он обозначает владение, в данном случае – человека, обладающего необходимыми

навыками: ... *handicrafts were practiced in Mahallai Bolo* [Ауни, 1998:33] // ... *саноати хунармандӣ гӯё ҳеҷ набуд ...* [Айнӣ, 1990:10] (*В Махаллаи Боло настоящих ремесленников почти не было* [Айни, 1960:14]).

В тоже время в качестве соединительных элементов могут использоваться другие языковые единицы. Речь идет о сложных словах, состоящих из двух или более компонентов, соединённых связующими элементами в виде предлогов или союзов. В случае таджикского языка инфикс **-у-** функционирует как соединительный элемент в этой группе слов: ... *ба киштзорҳо баромада сайругаиш намоям* [Айнӣ, 1990:27] //...*and decided to go out* [Ауни, 1998:50]; *Беиштарини тоҷикон заминҳои амлок, яъне заминҳои подшоҳиро киштукор мекарданд ва беиштарини урганҷиён майдабаққолӣ доштанд* [Айнӣ, 1990:9] // *Most of the Tajiks worked on the Emir's estates, and the Urgenchis were mostly retail grocers* [Ауни, 1998:32] (*Таджики обычно обрабатывали казенные земли, а ургенчцы вели мелкую бакалейную торговлю* [Айни, 1960:12]).

В английском языке группа связующих элементов шире: *son-in-law* < *That will make you my son-in-law, and all my wealth and property will be yours when I die* [Ауни, 1998:62] (*Если ты будешь жить у меня в доме и помогать мне, я буду к тебе относиться, как к родному сыну, и отдам со временем тебе в жены мою дочь; ей сейчас пять лет, и она мой единственный ребенок, ты же станешь хонадомодом – зятем при доме* [Айни, 1960:47]); *nevertheless* «*Nevertheless my father went straight to where the mill had been*» [Ауни, 1998:57] // «*Бо вучуди ин падарам то ҷои бинои осӣҳона рафт*» [Айнӣ, 1990:36] («*Тем не менее, отец подошел к тому месту, где она раньше стояла*» [Айни, 1960:41]).

При структурном разборе таджикских слов *сайругаиш* и *киштукор* можно отметить, что слова состоят из двух корней: первое *сайр* и *гаиш*, второе – *кишт* (посев) и *кор* (работа). Семантически компоненты первого слова (*сайругаиш*) обозначают одно и то же – гуляние. Чаще всего *сайр* и

гаит в таджикском языке используются как словосочетание *сайру гаит*, где союз *у* является соединительным элементом. Но в «Воспоминаниях» данное словосочетание преобразовано в двухкомпонентный композит со связующим элементом *у*. Этот анализ позволяет сделать вывод, что рассматриваемое сложное слово можно отнести к сложным синтаксическим словам. Кроме того, этот композит относится к парным словам, компоненты которых являются синонимами друг друга. Что касается второго слова – *киштукор*, то здесь также налицо двухкомпонентный композит, компоненты которого связаны между собой соединительным союзом *у*. Со структурной точки зрения этот композит можно отнести к сложным синтаксическим словам. С точки зрения семантики компоненты перечисленных слов полностью отражают значение нового сложного слова.

Что касается структурных характеристик английских слов, относящихся к этой группе, а именно *son-in-law* и *nevertheless*, а также их эквивалентов *хонадомод* и *бо вуҷуди ин*, то можно отметить, что между сложными существительными *son-in-law* и *хонадомод* существует структурное сходство. Об этом свидетельствует тот факт, что в обоих случаях мы имеем дело со сложными словами. Однако очевидны и индивидуальные особенности: первое — это сложное слово, состоящее из двух компонентов, соединённых связующим элементом в виде предлога *in*. В отличие от этого, композит *хонадомод* относится к категории сложных слов без связующих элементов. По семантическому соотношению мотивирующих основ оно относится к сложным словам с сочинительным отношением компонентов, т.е. слово отображает признаки предмета, обозначаемые мотивирующими словами. По структурному признаку слово *son-in-law* относится к группе асинтаксических композитов, в то время как слово *хонадомод* является примером сложных синтаксических слов.

По структуре И.В. Арнольд различает следующие сочетания:

1. Сложные слова, образованные от простых основ [Арнольд, 1973:71-72]. Р.С. Гинзбург и С.А. Хидекел такие слова называют собственно-сложными словами [Ginsburg, Khidekel, 1979:174]. В эту группу слов можно причислить такие композиты, как: *кисабагал* (*purse*, карман), *чорсад* (*four hundred*, *четыреста*), *twenty-five* (*бисту панҷ*, *двадцать пять*), *knee-high* (*ба қади зону*, *по колено*), *guestroom* (*меҳмонхона*, *гостевая комната*): *Қозӣ маро баробари сараи бардошта, баъд аз он ба замин гузошт ва: – илоҳӣ калон шавӣ, мулло шавӣ, доно шавӣ! – гӯён аз **кисабағалаи** як дона конфети ҷойдорӣ, ки ба коғази сурх печондагӣ буд, бароварда дод ва аз падарам пурсид: – писарча мехонад?* [Айнӣ, 1990:73] // *He took out from his **purse** a piece of locally-made candy wrapped in red paper and gave it to me, asking my father, «Does the lad read?* [Ауни, 1998:93] (*Из **кармана** на груди он вынул конфетку в красной бумажке, дал ее мне* [Айни, 1960:82]); «...*тахминан **чорсад** метр роҳ буд»* [Айнӣ, 1990:49] // *Some **four hundred yards** ...*[Ауни, 1998:70] (... *не более **четырёхсот** метров»* [Айни, 1960:56]); *In the place of honor sat a young man of about **twenty-five** with a fair complexion and dark brown hair* [Ауни, 1998:191] // « ... *ҷавони сафедрӯи хурмоимӯи тахминан **25-сола** менишаст* [Айнӣ, 1990:163] (*На почетном месте сидел юноша лет **двадцати пяти**, белолицый, с рыжеватыми волосами* [Айни, 1960:188]); ... *дар охирҳои ин майдон то **ба қади зонуи** одам рег паҳн шуда мехобид* [Айнӣ, 1990:34] // ... *а на окраине степи песок доходил лишь **до колен*** [Айни, 1960:38] // ... *and to the southwest the sands gradually diminished until a the nearest extremity of the plain it lay no more than **knee-high*** [Ауни, 1998:54].

Деривация собственно-сложных слов происходит путем соединения компонентов на основе атрибутивной или предикативной связи, при этом опускается синтаксическую связь. Два слова-компонента тесно связываются и при этом теряют некоторые морфологические признаки. Компоненты собственно-сложных слов наиболее тесно связаны друг с другом, и чаще

всего новое понятие свободно от семантических свойств исходных компонентов: «*Miserable blackguard*», *my father muttered to himself* [Ауни, 1998:54] // *Сиёҳдиди бадботин, – гуфт падарам худ ба худ гур-гуркунон* [Айнӣ, 1990:33] (*Черное сердце, черное нутро! — проворчал про себя отец* [Айни, 1960:37]).

Как мы видим, компоненты сложного слова *blackguard* не имеют ничего общего с понятием *подлец*. Что касается его эквивалента *сиёҳдил*, то семантический аспект этого слова полностью раскрывается через значение составляющих его основ.

Как правило, первым компонентом собственно-сложных слов в таджикском языке является существительное и прилагательное, реже — наречия, числительные и местоимения, которые связаны со вторым компонентом-существительным с помощью атрибутивной связи: *мардикор* (*laborer, рабочий*). Типологическая схема: сложное слово – составное слово; *майдабаққолӣ* (*retailgrocer, мелкая бакалейная торговля*) – типологическая схема: сложное слово – словосочетание; *поёноб* (*low water level, ниже уровня воды*) – типологическая схема: сложное слово – словосочетание; *себарга* (*clover, клевер*) – типологическая схема: сложное слово – простое слово; *онвақта* (*those days, те времена*) – типологическая схема: сложное слово – словосочетание. С точки зрения семантики значения представленных сложных слов сложились из значений их компонентов: ... *устову мардикорҳо ба ҳар тараф пароканда шуда рафтанд* [Айнӣ, 1990:160] // ... *builders and laborers went their separate ways, and the yard and rooms were strewn with bricks, plaster, paint, and all sorts of construction materials* [Ауни, 1998:186] (*Постройка дворца замерла, рабочие и мастера разошлись в разные стороны* [Айни, 1960:185]); *Ин деҳа бинобар поёноб буданаш камоб буд* [Айнӣ, 1990:9] // *Because of the low water level, this village was poorly irrigated* [Ауни, 1998:9] (*Новый канал на юге был прорыт в более низком месте, чем стояла деревня, и вода до нее не доходила* [Айни, 1960:13]);

Сабза ва **себаргаҳои** лаби чӯй... [Айнӣ, 1990:28] // *The young grass, clover, and other wild plants...* [Ауни, 1998:51] (*Дикие травы и клевер, росшие по берегам канала...* [Айни, 1960:33]); ... **аҳволи онвақтаи** худ ... [Айнӣ, 1990:152] // *A recollection of my life in those days ...* [Ауни, 1998:176] (*Этот отрывок — элегия, которую спустя шестьдесят лет я посвятил своей матери* [Айни, 1960:175]).

Относительно английского языка, в качестве первых компонентов собственно-сложных слов также могут выступать существительные (*mud-brick* – **нохса, пахса**), прилагательные (*wasteland* – **харобазор, развалины**), числительные (*twelfefold* – **дувоздаҳгиреҳ, двенадцать узлов**), местоимения (*sometimes* – **баъзан, иногда**) и наречия (*late-night* – **шаб, ночью перед сном**): *high mud-brick wall* [Ауни, 1998:37] // **чор нохса** девор [Айнӣ, 1990:13] // **стеной в четыре пахсы** [Айни, 1960:17]; *frightful wasteland* [Ауни, 1998:56] // **харобазори ваҳшатовар** [Айнӣ, 1990:35] // **жуткие развалины** [Айни, 1960:40]; *twelfefold knot design* [Ауни, 1998:77] // **дувоздаҳгиреҳ** [Айнӣ, 1990:57] // **двенадцать узлов** [Айни, 1960:65]; *Sometimes he would take ...* [Ауни, 1998:68] // **Баъзан болишҳои зер...** [Айнӣ, 1990:48] (**Иногда он, схватив ...** [Айни, 1960:54]); *gloomy late-night conversation* [Ауни, 1998:42] // **ҳар шаб то вақти хоб** [Айнӣ, 1990:19] (**по невеселым разговорам** [Айни, 1960:24]).

В собственно-сложных словах, компоненты которых соединяются с помощью предикативной связи, первым компонентом чаще всего является существительное, а вторым – глагол. В качестве примера можно привести композит *нақоранавозӣ* (*drumming, игра на барабане*), который образовался от предикативного словосочетания *нақора навохтан*: ... **ҷойгаҳи сеюм суффаи нақоранавозии** ман буд [Айнӣ, 1990:18] // ... *the third bed was my drumming sofa* [Ауни, 1998:41] (... **третья постель и была, очевидно, моей суфой для игры на барабане** [Айни, 1960:23]).

Слова такого типа встречаются и в английском языке. Например, слово *sunrise* (*баромадани офтоб, восход солнца*), которое образовалось от предикативного словосочетания *the Sun rises: He would always get up two hours before sunrise* [Ауни, 1998:76] (*В это время дядя никогда не спит, он встает всегда за два часа до восхода солнца* [Айни, 1960: 63]).

Можно выделить следующие собственно-сложные слова в сравниваемых языках:

а) Собственно сложные слова, образованные из словосочетаний с опущенным притяжательным показателем: *дарвозахона* (от словосочетания *дарвозаи хона*) – *gatehouse* (проход): *Се тарафи ин бино ҳам то лаби бом пур аз рег буда, танҳо тарафи ҷанубаи кадаре кушодагӣ дошт, дарвоза ва дарвозахона аз рег пур буда, аз ҳар ҷо — аз болои тӯдаҳои рег ба пеши он хона даромадан мумкин буд* [Айнӣ, 1990:36] // «*The gate and gatehouse were blocked by sand, and from no side was there any access except over piles of sand*» [Ауни, 1998:56] («*С трех сторон здание до самой крыши было полно песка, небольшое свободное пространство оставалось лишь с южной стороны; ворота и проход совсем исчезли под песком, к дому можно было пробраться только по зыбким на носам*» [Айни, 1960:40]); *sheepskin* (от *skin of sheep*) – *пӯстак* (овечья шкурка): «*The only furniture in her house was an old sheepskin that had lost much of its fleece, a torn felt carpet, and a few bedraggled bolsters*» [Ауни, 1998:59] («*Она носила ветхие итаны и платье с тысячей заплаток; из всех домашних вещей у нее была лишь старая шкурка для сидения с облезшей шерстью, кусок рваного войлока, одеяло и несколько круглых подушек, похожих на валики, из которых торчала старая вата*» [Айни, 1960:44]).

б) Сложные слова, где один из компонентов перестает использоваться в прямом значении и теряет самостоятельный характер. В таджикском языке к словам такого рода относятся имена собственные: ... *Муродбек ном касеро* ...

[Айнӣ, 1990:77] // ... *the human a certain Murodbek* [Ауни, 1998:97] (... *некоего Муродбека* [Айни, 1960:87]).

Кроме того, существуют композиты, в которых один из компонентов теряет свою самостоятельную значимость в составе композита. Таким образом, в слове *waistband*, состоящем из *waist* — *талия* и *band* — *пояс*, первый компонент «*глухо*» отражается в составе композита, в то время как второй компонент *band* всецело отражает значение слова. Такое же наблюдение верно для случая с *trouser-leg*, где «*leg*» — лишь часть материальной формы композита, а семантический багаж несет первый компонент, то есть «*trouser*». По структуре английское слово *trouser-leg* и его таджикский эквивалент *эзорпоча* идентичны, т.е. оба композита относятся к сложным двухкомпонентным словам. В первом случае между компонентами сложного слова стоит дефис, что характерно для большинства сложных слов английского языка. Во втором каких-либо элементов между корнями нет. Кроме того, обозначение понятия *штаны* в обоих языках осуществляется одинаковыми словами: это свидетельствует о том, что оба композита состоят из слов, обозначающих *брюки* и *ноги*.

Невзирая на то, что данный вид сложных слов в основном охватывает сочетание двух имен существительных или имени существительного с прилагательным, также можно встретить сочетание числительного с существительным: *чилчӯб* [Айнӣ, 1990:25] // *twigs bound together, called a chelchub* [Ауни, 1998:48]; *From the beginning of winter up to the present time-four months they had scarcely excavated half a sang (two miles) of the proposed channel* [Ауни, 1998:90] (*С осени до весны уже прошло шесть месяцев, за это время они с трудом сумели прокопать полсанга (четыре километра)* [Айни, 1960:78]).

С семантической точки зрения первый компонент сложного слова *чилчӯб* — количественное числительное *чил* не несёт своего прямого значения, а подразумевает множество. Иными словами, в составе данного

сложного слова числительное *чил* имеет смысл *много*. Следовательно, этот компонент в составе композита утратил своё первоначальное значение и лишь указывает на множественность. Слова такого типа редко встречаются в таджикском и английском языках.

в) Сложные слова, складывающиеся из имен существительных и глаголов настоящего времени: *household* — *семейство* (*house+hold*), *daybreak* — *рассвет* (*day+break*), *sunrise* — *восход* (*sun+rise*). В таджикском языке компонент-глагол собственно-сложных слов этой группы имеет форму настоящего времени, в повелительном наклонении, во втором лице и в единственном числе: *рангрез* — *красильщик* (рез от глагола *рехтан* — *лить*), *сартарош* — *парикмахер* (тарош от глагола *тарошидан* — *брить*), *тутафшонӣ* — *встряхивание с тутовника созревших плодов на специальную подстилку* (афшон от глагола *афшонидан* — *стряхивать*).

2. Сложные слова, одним из компонентов которых является производным: *коргармард* (*работник*), *ҳалвогархона* (*лавка, где изготавливают халву*), *чорбогнок* (*иметь палисадник*), *рӯидаричадор* (*иметь большой двор*), *moneylender* (*ростовщик*), *child-stealing* (*похищение детей*), *seven-headed* (*семиголовый*), *full-bearded* (*бородатый*).

3. Сложные слова, один из компонентов которых является сокращенным словом [Арнольд, 1973:71-72]. Более того, сложные слова этой группы Г.И. Арбекова называет сложносокращенными словами или аббревиатурами [Арбекова, 1977:25]. Композиты данного типа также широко распространены в изучаемых языках: *газаболуд* (*гневный*) и *midmorning* (*утренний*). В английском языке подвергается сокращению начальный элемент композита, что приводит к образованию сложных слов путём сложения сокращённой первой части с целой второй. Что касается таджикского языка, сокращается именно вторая часть, чаще всего прилагательные. Кроме того, анализ сложных слов «Воспоминаний» С. Айни

показал, что по сравнению с английским языком количество сложных слов с сокращенным компонентом в таджикском языке относительно невелико.

4. Сложные слова, в которых один из компонентов уже является композитом [Арнольд, 1973:71-72]: *серобталаб* — *требующий много воды* (соединение *сероб* — многоводный и *талаб*, который происходит от глагола *талаб кардан* — *требовать*), *чархиосиётароши* — *заточка жернового камня* (соединение *чархиосиё* — жерновой камень и *тарош*, происходящий от глагола *тарошидан* — *точить*), *great-grand-father* — *прадедушка* (*great+grand-father* — *дедушка*). Уместно подчеркнуть, что в таджикском языке к указанному виду собственно-сложных слов чаще всего относятся сложные глаголы, например, *ошкашонӣ кардан* (*относить тарелки с пловом*), который состоит из сложного существительного *ошкашонӣ* и вспомогательного глагола *кардан*.

Следует добавить, что помимо собственно сложных слов, относящихся к вышеупомянутым группам, в таджикском языке встречаются также составные и парные слова (как правило, относимые к категории композитов).

В отличие от собственно-сложных слов, составные слова нельзя сократить. Кроме того, не допускаются фонетические преобразования; недопустимо изменять порядковую последовательность компонентов или вводить дополнительные уточняющие слова. В таджикском языке к таким словам относятся глаголы.

Примечательно, что компоненты таких слов, объединенные для обозначения нового понятия, полностью равноправны. Об этом свидетельствует сочинительная связь между компонентами, которые также независимы друг от друга с грамматической точки зрения. В этом и заключается их отличие от тех же собственно-сложных слов, в которых компоненты находятся в подчинении.

Что касается синтаксической связи, первыми компонентами составных слов в таджикском языке являются имена существительные, прилагательные

и наречия. Причем вторым компонентом, безусловно, выступает глагол. В таджикском языке существует группа глаголов, обозначаемые как *вспомогательные глаголы*. К ним относятся такие глаголы, как *кардан*, *додан*, *будан*, *шудан* и т.д.

Что касается парных слов, то можно отметить, что это явление особенно характерно для таджикского языка в плане образования и распространения. В этой группе слов компоненты образуют единое целое, причем каждый элемент вносит равный вклад в общую структуру.

По характеру синтаксической связи компоненты парных слов соединяются между собой соединительным союзом *-у* или пишутся через дефис: *серхату саводтар* (*грамотные и образованные*), *курта-лозимӣ* (*рубашка со штанами*).

Исходя из семантических особенностей данной группы слов, можно выделить следующие разновидности парных слов в таджикском языке:

а) парные слова, компоненты которых являются чистыми или стилистическими антонимами друг другу: *надару модар* (*родители*), *боло-поин* (*вверх-вниз*).

б) парные слова, компоненты которых находятся в синонимической связи или принадлежат к одной тематической группе: *дегу табақ* (*посуда*), *давру пеш* (*давние времена*), *кӯрна-болишит* (*одеяло и подушки*), *салом-алейк* (*здороваться*).

в) парные слова, один компонент которого является фонетически измененным вариантом другого, который не имеет самостоятельного употребления: *майда-чуйда* (*мелочи*).

В некоторых случаях парное сочетание слов может расширить рамки исходных понятий, одновременно выражая многозначность или интенсивность. В таджикском языке это можно подтвердить следующими примерами: *дуру дароз* (*очень долго*), *оҳиста-оҳиста* (*очень медленно*). В первом примере оба компонента имеют приблизительно одинаковое

значение, т.е. относятся к одной тематической группе слов. Во втором примере мы видим повторение одного слова. Подобные примеры показывают, что в данных случаях один компонент усиливает значение второго несмотря на то, что оба обозначают одно и то же понятие, т.е. не просто *долго*, а *очень долго* и не просто *медленно*, а *очень медленно*. Рассмотрим также сочетания *суп-сурх* (*интенсивно красный цвет*) и *заб-зард* (*интенсивно желтый*). Примечательно, что первые компоненты парных слов *суп* и *заб* не имеют самостоятельного значения в языке, поскольку являются фонетической трансформацией своих пар (вторых компонентов), но в сочетании с *сурх* (красный) и *зард* (желтый) они указывают на интенсивность признака, обозначаемого прилагательным, т.е. не просто *красный цвет*, а *интенсивно красный*, не просто *желтый*, а *интенсивно желтый*.

Если парное слово является удвоением существительного, обозначающего единицу исчисления или измерения, то оно выполняет функцию числительного в словосочетании с определяемым словом. В таких случаях определяемое слово в таджикском языке не получает суффикса множественного числа, так как множественность уже обозначена повторением компонента. Парное слово *тӯб-тӯб* (*собираться толпами*) тому подтверждение. Другой пример, *як чиз-як чиз*. В этом случае компонентами парного слова выступает словосочетание *як чиз*, т.е. повторение словосочетания *что-то*. Повторение компонента подразумевает цель усилить значение понятия, указывая количественную множественность — не *что-то*, а *много чего*. Таким образом, можно сделать вывод, что в таджикском языке словосочетание может быть определено как сложное слово в случаях повторения и написания через дефис. Следовательно, такое словосочетание классифицируется как парное сложное слово, единицы которого имеют цель усилить значение общего понятия.

В заключение следует отметить, что наиболее полной и распространенной классификацией сложных слов в таджикском и

английском языках является классификация, основанная на морфологическом подходе, иначе называемая – классификация по частям речи. Структура же сложного слова определяется лексико-грамматическими характеристиками составляющих его частей. В данном контексте рассматривается степень участия этих компонентов в выражении значения. Степень такого участия может быть различной, что, естественно, влияет на структуру самого слова. Следовательно, при определении сложных слов и их классификации необходимо принимать во внимание грамматические отношения между компонентами и их отличительные признаки. Только в этом случае можно избежать ошибок.

2.4. Словообразовательные модели и их продуктивность в исследуемых языках

Средства словообразования в лингвистике именуется словообразовательными моделями. Порождение лексических единиц в том или ином языке происходит согласно определенным моделям, исторически сложившимся в этом языке. Следовательно, вопрос о продуктивности словообразовательных моделей можно считать важной в области современного словообразования.

В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило даётся следующее определение: «Словообразовательные модели – это схема построения производных слов, относящихся к одному словообразовательному типу. Она включает: 1) производящую базу; 2) формант; 3) деривационное значение» [Жеребило, 486:337].

М.Д. Степанова же считает словообразовательную модель стабильной структурой, обладающей обобщённым лексико-категориальным значением и способной наполняться различным лексическим материалом [Степанова, 1979:149].

По мнению Е.С. Кубряковой, «словообразовательные модели – это обобщённые модели, по которым образуются однотипные производные. Эти модели представляют собой некие формулы, указывающие принадлежность основ к той или иной части речи, аффиксов и порядок следования компонентов» [Кубрякова, 2002:195]. Таким образом, словообразовательная модель представляет собой специфическую, всеобъемлющую структуру словопроизводства, объединенную такими общими характеристиками, как лексико-грамматическая природа ее компонентов и фундаментальные способы словообразования.

Одним из наиболее ранних и значимых вкладов в область современного английского словообразования является книга Г. Марчанда [Marchand, 1969], которая постулировала структурный вектор в английском словообразовании. В данной работе подробно рассматриваются принципы продуктивных моделей, охватывающих систему производных слов в английском языке. По его мнению, *словообразование* – прежде всего наука о словообразовательных моделях, поскольку по ним создаются новые языковые элементы [Marchand, 1969:3]. Считаем, что эта теоретическая позиция полностью определяет место словообразовательных моделей в системе словообразования. Согласно традиционной точке зрения, образование новых слов в языке происходит на основе существующих словообразовательных моделей (*word-formation pattern*), которые М.Д. Степанова относит к типовой структуре с обобщённым лексико-категориальным содержанием [Степанова, 1979:522].

На протяжении многих лет исследований ученые настойчиво пытались разработать строгие правила словообразовательного моделирования, существование которых нельзя было бы опровергнуть в свете наблюдаемой динамики генеративного процесса. К тому времени лингвистика уже располагала набором словообразовательных моделей, указывающих на определенную закономерность производного словообразования. При

традиционном подходе существующие словообразовательные модели использовались для выявления строго логических закономерностей в процессе словообразования.

Данный вопрос английского словообразования вызывал интерес у большинства учёных и до сих пор остаётся актуальным. Особое внимание заслуживает попытка Е.С. Кубряковой, направленная на демонстрацию комплексного характера процесса словообразования, формирующегося под воздействием внешних факторов. Она выделяет три различных типа словообразовательных моделей, которые рассматривает как основные способы создания новых слов.

Словообразовательное моделирование всегда предполагает наличие образца, на основе которого создаётся дериват или композит. Затем определяется необходимое значение для идентификации формы нового слова. Этот процесс включает использование конкретных малых правил, регулирующих распределение информации в дериватах по определённым моделям.

Таким образом, так называемые *малые правила словообразования* объединяют и классифицируют смысловые структуры материальных оболочек слов.

С точки зрения когнитивного аспекта словообразовательное моделирование предполагает наличие параллелей между словообразовательными моделями и представлением знаний. При анализе словообразовательных моделей выясняется, что при регулярности продуктивного процесса некоторые модели все же ограничены в процессе порождения новых слов. Регулярность, в свою очередь, приобретает характер грамматического правила.

Следовательно, исследование сложных слов и словообразующих моделей, являющихся обобщением регулярности их образования, требует изучения структурной основы и семантической составляющей этой основы.

Таким образом, данный этап нашего исследования связан с анализом информации, передаваемой компонентами композитов в рамках их структуры — материальной оболочки слов. Поэтому крайне важно рассматривать словообразовательные модели не только как закономерности словообразования, но и выявлять семантические отношения их компонентов, а также определить роль этих моделей в качестве хранителей информации.

2.4.1. Модели образования сложных слов в таджикском и английском языках

Следуя структурному составу словообразовательных моделей, участвующих в образовании сложных слов (линейные модели словообразования) в сопоставляемых языках по типу числа компонентов композиты делятся на двухкомпонентные (двухосновные) и трехкомпонентные (трехосновные) композиты.

При анализе собранного фактического материала («Воспоминания» С.Айни) было установлено, что в изучаемых языках большинство композитов образовано на основе бинарных словообразовательных моделей. Это, несомненно, свидетельствует о том, что данный тип моделей является основным и продуктивным.

Всего в таджикском языке на основе собранного фактического материала было выявлено 38 моделей образования двухкомпонентных композитов и 10 – сложных трехкомпонентных слов.

Рассмотрим обнаруженные нами комбинации частей речи, которые принимают участие в образовании сложных двухкомпонентных слов в таджикском языке:

1. **N+N(+affix):** (1) *отаишхона* (*отаиш+хона*), (2) *масҷидшакл* (*масҷид+шакл*): *ҳаракати бозувони отаишхонаи поезд* [Айнӣ, 1990:63]; *мехмонхонаи чоркунҷаи миёнсутундори масҷидшакл* [Айнӣ, 1990:38].

К группе композитов, образовавшихся по данной модели, нами в том числе были причислены слова, в становлении которых, помимо основ существительных, также могут участвовать словообразовательные элементы – суффиксы и инфиксы (по моделям $N_1+N_2(+affix)$, $N_1+infix+N_2$): *Дар ин бинокориҳо ба падарам Устохоҷа ёрӣ дод* [Айнӣ, 1990:36]; *Дар рӯидаричаи мо ду гулбутта буд, ки яке гули сафед мекушод, дигаре гули гулобӣ* [Айнӣ, 1990:83]; «*Он духтари қаҳрамон дар шароити истибдоди феодалии асримиёнагӣ маҳз бо сахтиродагии худ ба ҳамаи монетаҳо пуштино зада ба ҷониби худ расида буд*» [Айнӣ, 1990:91].

В примерах (1) и (2) мы можем наблюдать чистое сложение основ без суффиксов, в то время как в примерах (3), (4) и (5) к основной модели присоединились суффиксы: в (3) и (4) прилагательно-образовательный суффикс *-ӣ*, а в (5) – наречие-образовательный суффикс *-она*. Перечисленные суффиксы добавляются ко второму элементу и преобразовывают его в составной компонент. Что касается примера (6), то компоненты сложного слова представляют собой два независимых существительных, соединённых между собой соединительной гласной *у*. В примере (7) сложное слово представляет собой преобразованную изафетную конструкцию (*пушти но — пуштино*). Следуя конечному результату соединения основ и частиречной принадлежности полученных языковых единиц, можно прийти к выводу, что модель N_1+N_2 в таджикском языке является трёхисходной: $N_1+N_2(+affix) = N_3$, $N_1+N_2=ADJ$, $N_1+N_2=ADV$.

2. NUM (cardinal)+N(+affix): (1) *чилчӯб (чил+чӯб)* [Айнӣ, 1990:25]; (2) *чоркунҷа (чор+кунҷ+a)* [Айнӣ, 1990:38]; (3) *дубора (ду+бор +a)*: *Ин ҷавоби ман ба ӯ магар аз ҷавоби аввалиам ҳам хуштар омад, ки қаҳ-қосзанон хандид ва маро дубора ба оғӯи кашида сару рӯямро аз бӯсаи сероб тар кард* [Айнӣ, 1990:84]; (4) *чорбоғнок (чор+боғ+нок)* [Айнӣ, 1990:8].

В примерах (1) и (2) сложные слова образованы путем чистого сложения, без аффиксов. В примерах (3) и (4) к основной модели

присоединяются суффиксы *-а* и *-нок*. Модель служит для порождения сложных существительных (*чилчӯб*), прилагательных (*чоркунча*, *чорбознок*) и наречий (*дубора*).

3. N+V(ОНВГ): (1) *рангрез* (*ранг+рез*) [Айнӣ, 1990:66]; (2) *ҳосилхез* (*ҳосил+хез*) [Айнӣ, 1990:8]; (3) *дилтангӣ кардан* (*дилтангӣ+кардан*) [Айнӣ, 1990:43].

Вторым компонентом сложных слов, образованных по этой модели, является основа настоящего времени глагола, которая находится в подчинительной связи с первым компонентом, а именно с существительным.

Данная группа также охватывает сложные слова, точнее, сложные глаголы, исходные составляющие которых уже идентифицированы как номинативные независимые композиты. Например, сложный инфинитив *газалхонӣ кардан* [Айнӣ, 1990:15], структурная сепарация которого выглядит как *N+V-suf*. Также и в сложном инфинитиве *дилтангӣ кардан* (*to be in fear, тревожиться*) первый компонент-существительное уже состоит из имени существительного *дил* и прилагательного *танг (+суф.)*. Таким образом, модель *N+V* также относится к трехисходным моделям, т.е. $N+V=N$, $N+V=ADJ$ и $N+V=V$.

4. N₁+N₁(+affix): (1) *чо-чо: заминҳои кишт чо-чо буда ...* [Айнӣ, 1990:9]; (2) *чоноҷон: қаламдони чоноҷонам* [Айнӣ, 1990: 99]; (3) *сарсарӣ: ... ба Туркистони русӣ рафта дар он чо сарсарӣ мегаштанд* [Айнӣ, 1990: 79].

Композиты, образованные по этой модели, состоят из одного существительного, которое редуцируется во второй компонент. Затем эти два компонента соединяются дефисом как в примере (1), или соединительной гласной (*linking vowel*) *о* как в примере (2). Что касается примера (3), к исходной модели добавляется суффикс *-ӣ*, а компоненты (редуплированные) соединяются без вспомогательных элементов, путем чистого сложения. По количеству исходов данная модель относится к двухисходным, т.е.

полученные композиты относятся к прилагательному (*ҷоноҷон*) и наречию (*ҷо-ҷо, сарсарӣ*).

5. **N+ADJ:** (1) *нӯгкаҷ* (*нӯг+каҷ*): *симчаи нӯгкаҷ* [Айнӣ, 1990:58]; (2) *бобокалон* (*бобо+калон*): *бобокалони ту* [Айнӣ, 1990:59].

В результате сочетания существительных с прилагательными образуются сложные существительные (*бобокалон*) и сложные прилагательные (*нӯгкаҷ*), т.е. данная модель двухисходная.

6. **ADV+N:** (1) *нешхизмат* (*неш+хизмат*) [Айнӣ, 1990:74]; (2) *поёноб* (*поён+об*) [Айнӣ, 1990:9]. Эта модель в таджикском языке предполагает образование, как сложных существительных, так и сложных прилагательных.

7. **ADJ+V (ОНВГ):** *навхез* (*нав+хез*): *шукуфа ва сабзаҳои навхез* [Айнӣ, 1990:31]. Пример показывает, что второй компонент представляет собой основу глагола в настоящем времени.

К данной модели можно отнести группу составных глаголов, первые компоненты которых являются независимо-композиционными: *бадгумон шудан* [Айнӣ, 1990:43], *пуроб шудан* [Айнӣ, 1990:25] и т.д. Начальные элементы в этих словах, будучи сложными прилагательными, состоят из прилагательного (*бад* — *bad*, *плохой*, *пур* — *full*, *полный*) и существительного (*гумон* — *opinion*, *мнение*, *об* — *water*, *вода*), т.е. структурная модель первого компонента выглядит как *ADJ+N*. Однако встречаются сложные слова — сложные глаголы, начальные элементы которых, будучи сложными прилагательными, состоят из других частей речи, например из имени числительного, точнее, количественного числительного и существительного (*NUM+N*). Примером может послужить составной глагол *дуқат кардан* [Айнӣ, 1990:31] (согнуть вдвое), сепарация которого выглядит так: *ду* — *two*, *два* и *қат* — *fold*, *сгиб*. Таким образом, модель *ADJ+V(ОНВГ)* также нами рассматривается как двухисходная – прилагательно и глагола-образующей.

Далее рассмотрению подлежат одноисходные словообразовательные модели таджикского языка:

8. N+PI: *дилдода* (*дил+дода*) [Айнӣ, 1990:81]. Одноисходная модель, по которой образуются имена существительные.

9. ADJ+N: *сиёҳдил* (*сиёҳ+дил*): «**Сиёҳдили** бадботин, — гуфт падарам худ ба худ гур-гуркунон» [Айнӣ, 1990:33]. По данной одноисходной модели в таджикском языке образуются прилагательные.

10. ADJ+ADJ: *навобод* (*нав+обод*): *бӯстони навобод* [Айнӣ, 1990:77]. Прилагательно-образующая одноисходная модель.

11. ADJ₁+ADJ₁: *калон-калон*: *хомаҳои калон-калони реги равон* [Айнӣ, 1990:34].

В данном случае также наблюдается редупликация (или повторы) первого компонента как второго, и их соединение при помощи дефиса.

12. ADJ+PI: *сафедшуда* (*сафед+шуда*): *риши миёнаи сафедшуда* [Айнӣ, 1990:94]. Одноисходная прилагательно-образующая модель.

13. V₁+V₁ (ОНВГ+ОНВГ): *гундор-гундор*: ... *фардо гундор-гундор сар мешавад* [Айнӣ, 1990:154]. Сложные слова такого типа состоят из редуплированной основы настоящего времени глагола, в которых соединительным элементом выступает дефис. По данной модели образуются имена существительные. Кроме того, мы классифицировали сложные существительные структуры $V_1+inf.+V_1+affix(-\bar{u})$ (ОНВГ+ОНВГ) к данной группе композитов: *муромурӣ* (*мур+о+мур+ӯ*) <Ин аҳволи пурмалол вабои умумӣ ва **муромурӣ** буд [Айнӣ, 1990:146]. Сложные существительные данного типа состоят из редуплированной основы настоящего времени глагола, а соединительным элементом служит гласная *о*.

14. V+V (ОПВГ+ОПВГ): *даромад-баромад*: *садои даромад-баромади бод* [Айнӣ, 1990:52]. Компонентами сложных слов данной модели образования являются основы прошедшего времени глаголов, которые

антонимичны друг другу и объединяются в один языковой элемент с помощью дефиса. По данной модели образуются сложные прилагательные.

15. V+inf+V (ОПВГ+ОНВГ): *гуфтугузор (гуфт+у+гузор): ... бо забони ўзбекӣ гуфтугузор менамуданд* [Айнӣ, 1990:8]. В данном композите (составной сложный глагол) первый компонент состоит из основы прошедшего времени и основы настоящего времени глагола, которые соединены между собой соединительной гласной у.

В таджикском языке также встречаются сложные слова, в которых первым компонентом выступает основа настоящего времени глагола, в то время как второй компонент не имеет самостоятельного словарного значения и представляет собой звуковое подражание первого. Соединительным элементом также служит гласная у. К таким сложным словам относится существительное *пурсупос: пурсупоси муқаррарӣ* [Айнӣ, 1990:134]. Стоит подчеркнуть, что данная модель словообразования в таджикском языке считается малопродуктивной.

16. ADV+V: *Тезгузар (тез+гузар): «Ў чанд рӯз пеш ба деҳаи Тезгузар барои бинокории касе рафта буд»* [Айнӣ, 1990:36]. Данная модель также относится к малопродуктивным моделям словообразования в таджикском языке. В «Воспоминаниях» С. Айни по данной модели было образовано собственное существительное, которое указывает на название административной единицы.

17. ADV+PI: *кифояткунанда (кифоят+кунанда) < Ман ҳис мекардам, ки ӯ дар ин кор таҷрибаи кифояткунанда дорад ...* [Айнӣ, 1990:168]. Модель одноисходная, прилагательно-образующая.

18. ADV₁+ADV₁: *андак-андак: андак-андак захми дандон* [Айнӣ, 1990:54]. Сложное наречие, образованное путем редупликации простого наречия.

19. ADV+ADV: *насфардо* (*нас+фардо*) <Мо фардо обро то Рӯбаҳо ва *насфардо* то Деҳнав мебарем [171, 76]. Адвербиальная наречие-образующая модель.

Помимо двухкомпонентных композитов нами были выявлены сложные слова, компоненты которых, будучи словосочетаниями, соединены между собой дефисом. Например, композит *як бор-ду бор*, образованный по модели ADV+ADV, по структуре же отождествляет соединение двух составных наречий, состоящих из количественного числительного и имени существительного: *Аммо дар ин чо аз ҳар кадом хонаи ҳамин бечорагон, ки ту «гушнагон» гуфтӣ, ман як бор-ду бор тӯй хӯрдаам* [Айнӣ, 1990:21].

20. NUM (cardinal)+V (ОНВГ)+suf.: *дубеза* (*ду+беза*): *кулчаҳои калони ширмоли дубезаи Ғиждувон* [Айнӣ, 1990:108]. Модель прилагательно-образующая.

21. NUM (ordinal)+N+affix: *дуюмбора* (*дуюм+бор+a*) <*Инро ба падарат бар!* — *гуфт ва ҳалвои бўлакero, ки дуюмбора ба тарозу ниҳода буд, ду тақсим карда ба дасти дуямон дода ва:* — *Инро хӯрда-хӯрда раветон!* — *гуфт* [Айнӣ, 1990:73]. Сложносоставной композит, образовавшийся по данной модели, относится к наречию.

22. NUM (cardinal)+NUM (cardinal)=NUM: *дусад* (*ду+сад*) <*Ман тахминан дусад метр дуртар аз худ Хайбарро дидам ...* [Айнӣ, 1990:54];

23. NUM₁ (cardinal)+NUM₁ (cardinal)=ADV: *як-як: як-як аспу одами палтарӣ* [Айнӣ, 1990:142];

24. NUM (cardinal)+Pr (indefinite)=Pr (indefinite): *якчанд* (*як+чанд*): *якчанд нафар дурудгарони ҳунарманд* [Айнӣ, 1990:11];

25. NUM (cardinal)+ADJ=Pr (reciprocal): *якдигар* (*як+дигар*): ... *якдигар завққунон гап мезаданд* [Айнӣ, 1990:90];

26. NUM (cardinal)+NUM (fractional)+affix=ADJ: *дучорякӣ* (*ду+чоряк+ӣ*): *кулчаҳои ширмоли дучорякӣ* [Айнӣ, 1990:115];

27. Pr (demonstrative)+N+affix=ADJ: *онвақта* (он+вақт+a): *аҳволи онвақта* [Айнӣ, 1990:157];

28. Pr (defining)+N+affix=ADV: *ҳарсола* (ҳар+сол +a) ... *надарам моро аз ҳарсола нештар ба Соктаре кӯчонид* ... [Айнӣ, 1990:84];

Последние три указанных модели образуют сложносоставные композиты. Кроме того, при участии суффикса -a в моделях 27 и 28, словосочетания преобразовались в сложные слова, например, *ҳар сол* (каждый год) = *ҳарсол+a* (ежегодный).

29. Pr (reflexive)+V (+affix): (1) *худписанд* (худ+писанд): *аминҳои худписанд* [Айнӣ, 1990:74]; (2) *худкушӣ* (худ+куш+ӣ): ... *худкушӣ ҳар вақт мумкин аст* ... [Айнӣ, 1990:43].

Вторым компонентом сложных слов, образовавшихся по указанной модели, также является основа настоящего времени глагола. Вдобавок, как во втором примере, к имеющейся модели можно добавить суффикс -ӣ, в результате чего прилагательное преобразуется в существительное.

30. Pr₁ (relative)+Pr₁ (relative)=ADV: *ягон-ягон* <Он газалҳоро **ягон-ягон** хонда маънии баъзе байтҳои онҳоро (ки назар ба ақидаи худаи шояд фаҳмидани онҳо барои ман фоиданок ё безарар бошад) шарҳ дод [Айнӣ, 1990:95]. Данное слово является примером того, как в результате редупликации относительного местоимения образуется сложное наречие.

31. Pr (demonstrative)+Pr (demonstrative)=ADV: *ончунон* (он+чунон): «...*надарат ҳаргиз туро ончунон назада бошад* [Айнӣ, 1990:81];

32. Pr₁ (personal)+Pr₁ (personal)=N: *шумо-шумо* [Айнӣ, 1990:73]. Данная модель, представляющая собой повторение личных местоимений, участвует в порождении сложных существительных.

33. PI+PI=ADV: *гашта-баргашта*: ... *ба ӯ гашта-баргашта арзи ихлос мекунанд* [Айнӣ, 1990:121];

34. $PI_1+PI_1=ADV$: *рафта-рафта: ... рафта-рафта сараи ба осмон мерасад* [Айнӣ, 1990:49]. Данная модель также подразумевает редупликацию первого компонента с последующим соединением через дефис.

35. $PI+N=N$: *кандакорӣ (канда+кор +ӣ)* [Айнӣ, 1990:57].

36. $PI+V=N$: *мурдашӯӣ (мурда+шӯӣ)* [Айнӣ, 1990:121].

37. $I_1+I_1=N$: *ҳой- ҳой*: [Айнӣ, 1990:99].

38. $O_1(onomatopoeia) + O_1= ADJ$: *дангар-дангар: садои дангар-дангар* [Айнӣ, 1990:17].

Что касается двух последних композито-образовательных моделей, важно подчеркнуть, что в таджикском языке междометия и звукоподражательные слова, представляющие собой уникальную категорию языковых элементов, могут участвовать в образовании сложных существительных (I_1+I_1) и сложных прилагательных (O_1+O_1).

Помимо сложных двухкомпонентных слов, в таджикском языке встречаются и сложные слова, состоящие из трех основ. Количество таких слов в лексическом составе таджикского языка относительно скромнее по сравнению с двухкомпонентными композитами. Как правило, такие слова образуются из словосочетаний. Большинство сложных трехкомпонентных слов относятся к существительному. Сравнение с английским языком показывает, что в таджикском языке это явление более распространено и продуктивно. Это можно объяснить тем, что в таджикском языке часть сложных глаголов образуется на основе трехкомпонентного сложения. В таких случаях первый компонент сложного глагола часто уже является сложным словом.

Кроме того, в таджикском языке помимо различных синтаксических связей распространен изафетный способ, который используется для образования изафетных конструкций. В таджикском языке трансформация изафетных конструкций в сложные слова является распространенным явлением. Далее нами будут представлены модели сложных

трехкомпонентных слов таджикского языка, которые образуются на базе различных типов связей:

1. **N+N+V (+affix):** *чархиосиётарошӣ* (*чарх+и+осиё +тарош +ӣ*): *дӯкони чархиосиётарошӣ* [Айнӣ, 1990:19]. Исходные слова данной модели рассматриваются нами как трехкомпонентные композиты, так как первый компонент, преобразованный из изафетной конструкции, является сложным образованием, т.е. состоит из двух компонентов, связанных между собой изафетом.

Среди сложных трехкомпонентных слов, образованных по указанной модели, встречаются также композиты, компоненты которых соединены путём простого сложения без соединительных элементов: *тахтаваргсозӣ* (*тахта+варг+созӣ*) [Айнӣ, 1990:75].

По количеству исходов модель двухисходная, т.е. по ней образуются сложные существительные (*тахтаваргсозӣ*) и прилагательные (*чархиосиётарошӣ*).

2. **ADJ+N+V(ОНВГ):** *навдарсгӯй* (*нав+дарс+гӯй*): *Тағоиям навдарсгӯй ва шогирдонаш кам буданд* [Айнӣ, 1990:140]. Данная модель в таджикском языке порождает сложные трехкомпонентные существительные, компоненты которых соединяются без каких-либо соединительных элементов.

3. **N+I+V (ОНВГ) (+affix):** *чувориҳойгӯй* (*чувори+ҳой+гӯй+ӣ*) *<Аммо ман намедонистам, ки модарамро ба он ҳол гузошта барои «чувориҳойгӯй» ба ёбон равам* [Айнӣ, 1990:151].

4. **NUM (cardinal)+N+V:** *шашмақомдон* (*шаш+мақом+дон*): *«Бештарини деҳқонони районҳои Ғиждувон ва Вобканд сурудхон ва шашмақомдон буданд»* [Айнӣ, 1990:156].

5. **N+N+PI:** *тарфҷойкунанда* (*тарф+ҷой+кунанда*) [Айнӣ, 1990:105].

В результате анализа сложных трехкомпонентных слов «Воспоминаний» С. Айни было выявлено, что по моделям 2, 3, 4 и 5 в таджикском языке образуются сложные трехкомпонентные существительные, в состав которых входят изафетные конструкции. Кроме того, слияние основ без участия соединительных элементов также широко встречается в словообразовании сложных трехкомпонентных слов.

6. **N+ADJ+V (ОНВГ)+affix:** *рӯдинавбарорӣ* (*рӯд+и+нав+барор+ӣ*): *кори рӯдинавбарорӣ* [Айнӣ, 1990:69]. Без соединительных элементов – *ночатайёркунӣ* (*ноча+тайёр+кун+ӣ*) [Айнӣ, 1990:66].

7. **N+N+ADJ:** *ӯзурчадастмонанд* (*ӯзурча+даст+монанд*): *бо чӯбе ӯзурчадастамонанд* [Айнӣ, 1990:105].

8. **NUM+N+N:** *чорчилликишакл* (*чор+чиллик+шакл*): *парраи чорчилликишакл* [Айнӣ, 1990:58].

9. **N₁+N₁+V(ОНВГ)=ADJ:** *сарсаригард* (*сар+сар+и+гард*): *ноқобил ва сарсаригард* [Айнӣ, 1990:38].

По указанным последним четырем моделям в таджикском языке образуются сложносоставные трехкомпонентные прилагательные.

10. **ADV+NUM+N:** *саридупо* (*сари+ду+по*): *саридупо нишастан* [Айнӣ, 1990:76]. По данной модели образовалось сложное трехкомпонентное наречие.

Таким образом, в таджикском языке трехкомпонентными чаще всего бывают сложные существительные и прилагательные, редко – наречия.

Что касается композито-образовательных моделей английского языка, в ходе анализа сложных бинарных слов, выявленных в «*The sands of Oxus*» (перевод «Воспоминаний») С. Айни были определены 33 модели образования двухкомпонентных дериватов:

1. **N+N:** (1) *guestroom* (*guest+room*): *At the base of the porch stood a weaving shed, and adjoining the south wall of the **guestroom** was an alcove under which stood a carpenter's workbench and lathe for making mill wheels* [Ayni,

1998:37]; (2) *rain-proof*: *The more heads I collected, the more stalks I had to spare, and the more wind- and **rain-proof** my shelter became* [Ayni, 1998:173]; (3) *parrot-fashion*: *I just repeated **parrot-fashion** after my teacher and learned them by rote* [Ayni, 1998:111].

При анализе сложных слов, нами было выявлено, что в результате последовательности частей речи, указанных в модели 1, были образованы композиты, относящиеся как к сложным существительным, так и к сложным прилагательным и сложным наречиям.

2. **N+G**: (1) *story-telling* (*story+telling*): «*My boy, just as the mullah said, **story-telling** also has its time and place, and you shouldn't badger me to tell stories when I'm sick*» [Ayni, 1998:68]; (2) *half-mocking* (*half+mocking*): «*Fixing them with a half-angry, **half-mocking look**, my father replied ...*» [Ayni, 1998:36].

Модель 2 в английском языке является двухисходной. В ходе анализа композитов было определено, что по модели 2 образуются сложные существительные и прилагательные.

3. **ADV+V**: (1) *outcome* (*out+come*) < *When two of these men placed bets of ten or twenty tangas on their respective animals to win, the betting was declared open, and spectators would wager twenty, fifty, even a hundred tangas with each other on the **outcome** of the race* [Ayni, 1998:136]; (2) *overcome* < *That courageous girl, trapped in the conventions of a medieval, feudal tyranny, had by sheer strength of will **overcome** all obstacles and won her true love* [Ayni, 1998:122]. Приведенные примеры иллюстрируют то, что по указанной двухисходной композито-образующей модели в английском языке образуются сложные существительные (*outcome*) и глаголы (*to overcome*).

4. **V+N**: (1) *whetstone* (*whet+stone*): *Across from the musicians at the end of the sufa a tall young man, his tunic tucked up into his waistband, was clapping to the music with a pair of **whetstones** in each hand as he danced* [Ayni, 1998:79]; (2) *reinforce* (*rein+force*): *Lutfullo got up and knelt behind it and, holding the dam*

*in place with his belly, with the same speed and agility as before, raked more mud onto the dam from upstream so as to raise and **reinforce** it* [Ayni, 1998:84]. К еще одной двухисходной модели можно отнести последовательность глагол+существительное. В первом случае, образуется существительное, а во втором — глагол.

5. ADV+PI: (1) *underlying (under+lying): «The sand, like a stretch of water whipped into waves by the wind, was slowly washing forward: layers of sand from the surface of the dune were already pouring onto the bank, and the **underlying** layers were forming moving waves behind them»* [Ayni, 1998:52]; (2) *over-fattening (over+fattening): There was nothing wrong with your ass – was your fault, for **over-fattening** the beast* [Ayni, 1998:137]. По количеству исходов модель выглядит так: $ADV+PI=ADJ$ и $ADV+PI=N$

6. ADJ+N: (1) *great-uncle (great+uncle): He was a slim man, of medium height, with a medium-length white beard, and eye-brows long and bushy like those of my late **great-uncle** Abdullo Khoja* [Ayni, 1998:93]. (2) *everybody (every+body): «There were one or two rich landlords (boi) and a few farmers of middling means, but **everybody** else lived from hand to mouth»* [Ayni, 1998:33]. Указанная модель также относится в двухисходным моделям, по которым образуются сложные существительные и сложные местоимения.

7. Pr. (indefinite)+N: (1) *sometimes (some+times): «We can buy rice from the bazaar **sometimes**, so that on market nights, or if guests come, we can make shir-birinj»* [Ayni, 1998:45]; (2) *something (some+thing): He picked up **something** in his mouth and started to trot toward me* [Ayni, 1998:74]. Модель наречие и местоимение-образовательная.

Далее, по количеству частиречной принадлежности, будут рассмотрены одноисходные модели английского композито-образования:

8. N+ADJ=ADV: *knee-high (knee+high)* [Ayni, 1998:54].

9. N+V=N: *horse-hobble (horse+hobble)* [Ayni, 1998:105].

10. **N+PI=ADJ**: *child-stealing* (*child+stealing*): *Although in the end this fierce, wicked, **child-stealing** demon in killed by the legendary Rustam on Mount Qof, the beginning of the tale was terrifying. Of all the boys* [Ayni, 1998:68].

11. **N+PII+ADJ**: *smoke-blackened* (*smoke-blackened*): *... his tomb was blackened like the **smoke-blackened** walls of a room, because of the fires of Hell burning in his grave* [Ayni, 1998:186].

12. **N+ADV=N**: *sundown* (*sun+down*): *«Once I stayed late at Ghishti bazaar and left after **sundown**»* [Ayni, 1998:209].

13. **ADJ+ADJ=ADJ**: *red-hot* (*red+hot*) [Ayni, 1998:173].

14. **ADJ+V=V**: *ill-treat* (*ill+treat*): *None of these criticisms, however, made any sense to me, since I had never been **ill-treated** by either girl ...* [Ayni, 1998:101];

15. **ADJ+NUM (cardinal)=Pr. (indefinite)**: *everyone* (*every+one*): *I took small loans from **everyone**, ranging from twenty to thirty tangas* [Ayni, 1998:42].

16. **ADJ+PI=N**: *smallholding* (*small+holding*) [Ayni, 1998:35].

17. **ADJ+PII=ADJ**: *quick-tempered* (*quick+tempered*): *«**Quick-tempered** though he was, my father never hit me hard or raged at me for long»* [Ayni, 1998:147].

18. **ADJ+ADV=ADV**: *everywhere* (*every+where*): *There are “devilish men” everywhere* [Ayni, 1998:71].

19. **V+ADV=N**: *standstill* (*stand+still*): *In winter, when house-building came to a **standstill**, Usto Amak (Usto Khoja, to give him his proper name) would be out in the porch of his courtyard, making doors* [Ayni, 1998:76].

20. **G+N=N**: *cooking-pot* (*cooking+pot*): *My father had left a small **cooking-pot** and a clay pot of oil that he had used when he stayed at the madrasa* [Ayni, 1998:193].

21. **PI+N=N**: *mounting-block* (*mounting+block*): *Off I went and untied the donkey, thinking to myself, «If I can find somewhere to use as a **mounting-block**,*

and don't hold onto his mane, he won't throw me – what's the point of leading an empty donkey back on foot? » [Ayni, 1998:147].

22. Pr. a+N=ADJ: *all-night (all+night): «In those times, every year during the month of Mizon (from 23 September to 23 October) an **all-night** fair was held once a week at Darveshobod, one of the quarters of Ghijduvon» [Ayni, 1998:123].*

23. NUM (cardinal)+N=ADJ: *twelfefold (twelve+fold): «This one, » he went on, showing me another, «is the same 'twelve knots' with the difference that in among the **twelfefold** knot designs there are stars and almond shapes» [Ayni, 1998:77];*

24. NUM (ordinal)+N=ADJ: *second-hand (second+hand): «In the center of Dehnavi Abdullojon there were boot-repairers, who fixed new uppers or soles on worn-out boots, but the market was controlled by the **second-hand** dealers, who took all the profit» [Ayni, 1998:33].*

25. NUM (cardinal)+NUM (cardinal)=NUM (cardinal): *thirty-two (thirty+two): The halva-makers continued in this fashion, so that the third time there were eight layers, the fourth time sixteen, the fifth time **thirty-two** ... [Ayni, 1998:49].*

26. Prep.+N=N: *in-laws (in+laws): The mother would tell them that even if destiny decreed that they were the best **in-laws** that could be found, nevertheless her husband instead [Ayni, 1998:63].*

27. ADV+N=ADV: *overnight (over+night): We went to Ghijduvon and stayed **overnight** at the potter's house [Ayni, 1998:108].*

28. ADV+ADJ=ADV: *upright (up+right): «The patient could thus sit on the sofa of the porch, or stand **upright**, but could not move from the spot» [Ayni, 1998:105].*

29. ADV+PII=ADJ: *locally-made (locally+made): He took out from his purse a piece of **locally-made** candy wrapped in red paper and gave it to me [Ayni, 1998:93].*

30. ADV+ADV=ADV: *however (how+ever): «My father, however, remained at the edge of the sufa» [Ayni, 1998:41].*

31. NUM (cardinal)+ADJ=ADJ: *seven-headed (seven+headed) < Of all the boys, I alone listened to the story of the seven-headed dev to the end [Ayni, 1998:69].*

32. Pr. (interrogative)+ADV=Pr: *whatever (what+ever): Very well, I accept whatever you consider fitting [Ayni, 1998:66].*

33. Pr. (indefinite)+Pr. (interrogative)=ADV: *somewhere (some+where): Domullo said, «Evidently this rascal hid them somewhere [Ayni, 1998:242].*

Сравнение моделей образования сложных слов в таджикском и английском языках выявило ряд общих моделей словообразования — всего их 16: $N+N$, $N+ADJ$, $N+V$, $N+PI$, $ADJ+N$, $ADJ+ADJ$, $ADJ+V$, $ADJ+PI$, $NUM(cardinal)+N$, $NUM(ordinal)+N$, $NUM(cardinal)+ADJ$, $NUM(cardinal)+NUM(cardinal)$, $ADV+V$, $ADV+PI$, $ADV+ADV$, $PI+N$.

Для таджикского словообразования характерны следующие модели: $N_1+N_1(+affix)$, ADJ_1+ADJ_1 , V_1+V_1 , $V+V$, $V+inf+V$, ADV_1+ADV_1 , $ADV+N$, $NUM(cardinal)+V+affix$, $NUM_1(cardinal)+NUM_1(cardinal)$, $NUM(cardinal)+Pr(indefinite)$, $NUM(cardinal)+NUM(fractional)+affix$, $Pr(demonstrative)+N+affix$, $Pr(defining)+N+affix$, $Pr(reflexive)+V$, $Pr_1(relative)+Pr_1(relative)$, $Pr(demonstrative)+Pr(demonstrative)$, $Pr_1(personal)+Pr_1(personal)$, $PI+PI$, PI_1+PI_1 , $PI+V$, I_1+I_1 , $O+O$.

Приведенные ниже модели характерны только для английского словообразования: $N+G$, $N+PII$, $N+ADV$, $ADJ+NUM(cardinal)$, $ADJ+PII$, $ADJ+ADV$, $V+N$, $V+ADV$, $ADV+ADJ$, $ADV+PII$, $Pr(indefinite)+N$, $Pr.a+N$, $Prep.+N$, $G+N$, $Pr(interrogative)+ADV$, $Pr(interrogative)+ADV$, $Pr(indefinite)+Pr(interrogative)$.

Важно отметить, что генерация сложных слов различными моделями отличается своей сложностью. Эта валентность часто зависит от способности той или иной части речи функционировать в качестве компонента сложного

слова. В ходе настоящего исследования было установлено, что в обоих языках активнее всего при образовании сложных слов участвуют существительные и прилагательные. Модели словообразования, включающие вышеупомянутые части речи, по сей день считаются активными для создания новых композитов.

Исходя из принадлежности сложного слова, образовавшегося по той или иной модели, эти самые модели словосложения делятся на: *одноисходные* и *многоисходные*. Несмотря на то, что большая часть моделей все же является одноисходной, в исследуемых языках также встречаются двух- и даже трехисходные модели. Так, например, в таджикском и английском языках модель $N+N$ является трехисходной: по ней образуются сложные существительные, прилагательные и наречия. На первый взгляд может показаться, что мы имеем дело с одной моделью. Однако более тщательный анализ показывает, что на самом деле существует три разных результата. Более того, модель словообразования применима к обоим языкам, а количество исходов и частиречная принадлежность вторичных сложных лексических элементов в сопоставляемых языках также идентичны.

Другая модель $N+ADJ$ двухисходная и встречается в обоих языках. В таджикском языке эта модель применяется для образования сложных существительных и сложных прилагательных. В английском языке она порождает сложные прилагательные и наречия.

Примером одноисходных моделей, которые встречаются в обоих языках и идентичны в вопросе частиречной принадлежности исходов, являются такие модели как $ADJ+ADJ=ADJ$, $N+PI=N$ и $NUM+NUM=NUM$. Модель $ADJ+PI$ также относится к обоим языкам, но участвует в образовании разных частей речи. Таким образом, в таджикском языке на основе этой модели образуются прилагательные, а в английском — сложные существительные.

Кроме того, нами было установлено, что английскому языку не свойственен способ редупликации основ. Более того, междометия и звукоподражательные слова в роли компонентов бинарных композитов тоже не встречаются.

Таким образом, исследуя сложные слова и словообразовательные модели в таджикском и английском языках, можно констатировать, что важно рассматривать словообразовательные модели как закономерность порождения слов. При этом необходимо учитывать, что не все модели активны и одинаково продуктивны по сей день, т.е., наряду с моделями, которые прочно утвердили свою позицию в процессе словообразования в том или ином языке, встречаются также словообразовательные образцы, утратившие способность к порождению новых языковых единиц.

ВЫВОДИ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Всесторонний анализ второй главы позволил сделать следующие выводы:

1. В большинстве лингвистических словарей и учебников по грамматике наблюдается одно и то же определение сложного слова: лексическая единица, образованная соединением двух или нескольких основ в процессе морфологического словопроизводства.

2. В сравниваемых языках наблюдаются два способа образования сложных слов. К первому относится образование сложных слов на основе словосочетаний или предложений, а ко второму — чистое сложение основ или основосложение.

3. В исследуемых языках сложные слова классифицируются согласно связующим элементам. Большинство композитов в обоих языках сформировались посредством чистого сложения. Однако, соединение с помощью связующих элементов также широко распространено. В роли таких

элементов в исследуемых языках, выступают инфиксы или соединительные гласные.

4. Словообразовательные модели в обоих языках являются обобщёнными и по ним образуются однотипные производные. Эти модели указывают на принадлежность основ к той или иной части речи.

5. Наряду со сложными двухкомпонентными словами, в таджикском языке встречаются также сложные слова, состоящие из трёх основ. Количество таких сложных слов в словарном составе таджикского языка невелико по сравнению с двухкомпонентными композитами. В английском же языке данный тип композитов отсутствует. Кроме того, процесс редупликации основ, активно используемый при образовании сложных слов в таджикском языке, чужд английскому.

ГЛАВА 3.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ СЛОВ В РАМКАХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

3.1. Сложные существительные в исследуемых языках

В результате анализа сложных слов «Воспоминаний» С. Айни, мы пришли к выводу, что имена существительные занимают центральное место по количественному превосходству среди других частиречных композитов.

Говоря о словообразовании имен существительных, следует выделить следующие способы, указанные в «Современном литературном таджикском языке» [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973]:

1. **Морфологическое образование существительных.** Данный способ считается одним из распространённых и более продуктивен в плане образования новых языковых единиц с новым значением. Данный способ располагает словообразовательными элементами (аффиксами), которые активно вовлекаются в процесс словообразования имен существительных [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:135].

Процесс аффиксального образования существительных в таджикском языке происходит при участии следующих аффиксов:

- суффиксы: *-чӣ (сурнайчӣ), -гар (косагар), -гор (хизматгор), -зор (кишитзор), -а (сабза), -ӣ (тоҷикӣ)* и т.д.
- префиксы: *ҳам-* (*ҳамдеҳа*). Примечательно, что префиксальный способ образования существительных в таджикском языке считается непродуктивным, чем и объясняется ограниченное количество слов, образованных этим способом в лексическом составе языка.

2. **Морфолого-синтаксическое образование существительных.** Этот способ предполагает субстантивацию других частей речи. Например,

компонит *нодон*, образованный от основы настоящего времени глагола *дон* (от глагола *донистан* — to know) и префикса *но-*, претерпел изменение в своем категориальном происхождении и обозначает существительное [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:135].

3. **Лексико-синтаксическое образование существительных.** В таджикском языке весьма распространено использование словосочетаний в качестве самостоятельных слов без каких-либо структурных изменений, которые затем классифицируются как знаменательные части речи и обозначают их [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:136]. Примечательно, что языковые продукты данного способа по структуре относятся к сложным словам: *мардикор* (от изафетной конструкции *марди кор*), *рӯидарича* (от *рӯи дарича*) и т.п.

4. **Лексико-семантическое образование существительных.** Этот способ также распространен и весьма продуктивен в таджикском языке. Этот метод основан на понятии омонимии, когда одно и то же слово может использоваться для передачи разных значений [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:136].

Приступая к теме образования сложных существительных в рассматриваемых языках, следует указать, что преобладающим способом их формирования является основосложение, без каких-либо изменений или дополнительного оформления.

С точки зрения семантического соотношения основ эти слова делятся на два типа: сложные слова с *сочинительным* (равноправным) и сложные слова с *подчинительным* (неравноправным) отношением основ.

К первому типу соотношения основ относятся слова, которые называют предметы, совмещающие в себе признаки предметов или явлений, указанных мотивирующими словами. Данным способом формируются существительные с интерфиксом (включая нулевым).

Отличительной чертой сложных существительных сочинительного типа является то, что их составные элементы связываются между собой различными средствами:

1. Сложные существительные, в которых связующим элементом является соединительная гласная «у». Эта группа слов состоит из сочетаний следующих частей речи:

а) **Последовательность основ прошедшего времени глагола:** *рафтуомад*: *рафтуомади* аждаҳо [Айнӣ, 1990:50] // *Anyone who chanced upon the dragon while it was abroad would be swallowed alive* [Ауни, 1998:70].

б) **Последовательность основы прошедшего времени и настоящего времени глагола:** *пухтупаз* (*cooking, приготовление пищи*): «... *зайр аз пухтупаз ба дигар кор даст намезад*» [Айнӣ, 1990:39] // *... she never did any work except cooking* [Ауни, 1998:60] («*Происходила она из рода потомственных ходжей, чем очень кичилась, и, кроме приготовления пищи, не занималась никакими другими делами*» [Айни, 1960:45]).

в) **Последовательность основы настоящего времени глагола и слова, не имеющего лексического значения:** *пурсупос*: *пурсупоси муқаррарӣ* [Айнӣ, 1990:134].

г) **Последовательность существительных:** *хешутабор* (*relatives, родственники*): «... *ҳамаи хешутаборон ҷойгир шуда будан*» [Айнӣ, 1990:37] // «...*all our relatives lived there*» [Ауни, 1998:58] («...*в его пределах жили все наши родственники*» [Айни, 1960:42]).

д) **Последовательность существительного и основы глагола:** *сайругашт*: «...*дар ин сайругашт ба ман ҳамроҳӣ намояд*» [Айнӣ, 1990:27] // «...*asked him to come with me*» [Ауни, 1998:50] («...*просил его присоединиться ко мне*» [Айни, 1960:33]).

2. Сложные существительные, в которых связующим элементом является соединительная гласная «о». Данная группа слов образуется посредством редупликации следующих частей речи:

Редупликация существительного: *гирдогирд*: «... *гирдогирди* ин лаъли нӯстакчаҳое ба замин паҳн карда шуда буданд» [Айнӣ, 1990:26] // «*At the other end of the building was a broad, high sufa and on it was a large wooden tray, a good two yards across, surrounded by a layer of sheepskins*» [Ауни, 1998:49] (**Вокруг подноса были разостланы бараньи шкурки** [Айни, 1960:31]).

Редупликация основы настоящего времени глагола и примыкание суффикса –й: *муромурӣ*: *Ин аҳволи нурмалол вабои умумӣ ва муромурӣ буд* [Айнӣ, 1990:146].

3. Сложные существительные, образованные посредством редупликации основ без соединительных гласных:

а) Редупликация основ настоящего времени глагола: *гундор-гундор* (*harvest, уборка рожая*): ... *фардо гундор-гундор сар мешавад* [Айнӣ, 1990:154] // ... *tomorrow the harvest would begin in earnest* [Ауни, 1998:173] (... *завтра надо будет начинать спешную уборку остатков урожая* [Айни, 1960:171]).

б) Редупликация звукоподражательных слов: *хар-хар* < *Баъд аз ягон дақиқа бо хар-хар нафас кашидан гирифт* [Айнӣ, 1990:149].

Примером второго типа отношений между основами могут служить сложные существительные, в которых опорный компонент является существительным (немотивированным или аффиксальным), а предшествующая основа выполняет уточняющую или конкретизирующую функцию. В таких сложных словах первый компонент является подчиненным.

Сложные существительные подчинительного типа «Воспоминаний» С. Айни образуются путем соединения следующих частей речи:

Существительное+существительное (N+N).

Сложные существительные данной модели образования, в свою очередь, делятся на две большие группы:

I. Композиты, в которых первый компонент занимает зависимую позицию от второго;

II. Композиты, в которых второй компонент занимает зависимую позицию от первого.

I. Семантическая классификация сложных существительных первой группы выглядит следующим образом:

а) Сложные существительные N+N-модели образования, обозначающие людей: *писарбача*: «... дар он деҳа як **писарбачаи** бепадару модари хурдсол будааст» [Айнӣ, 1990:41].

Связь между компонентами этой группы сложных существительных выражается в том, что первый компонент имеет притяжательные отношения ко второму.

б) Сложные существительные N+N-модели образования, обозначающие предметы: *чӯбдаст*: *Эргаи чӯбдасти* подабони худро ба даст гирифт ... [Айнӣ, 1990:29].

в) Сложные существительные N+N-модели образования, обозначающие животных: *хукбача* «... ҳар муллобачае, ки ба хонаи онҳо равад, **хукбача** мешавад» [Айнӣ, 1990:126].

Отношения между компонентами таких слов выражаются в их взаимном определении.

г) Сложные существительные N+N-модели образования, обозначающие места. В сложных словах данной группы ведущей основой чаще всего выступает слово *хона*, которое и подразумевает место. Кроме того, значение сложного слова всецело может зависеть от семантической составляющей зависимого компонента. Рассмотрим на примере следующих существительных:

Сложное существительное *ҳалвогархона*: ... вай **ҳалвогархона** аст [Айнӣ, 1990:24]. Благодаря зависимому компоненту *ҳалвогар*

(человек/мастер, готовящий халву), указывающего на человека определенного рода деятельности, композит обозначает место работы.

Сложное существительное *шаголхона*: *Чангали Фарибмазор шаголхона аст* [Айнй, 1990:52]. Сложные существительные с подчиняющим компонентом *-хона*, в которых зависящий компонент выражает животное, обозначают место обитания этих животных.

Сложное существительное *кўкнорхона*: *Ман медонам, ман дар Фишти хамроҳи тагоиям кўкнорхонаро дидаам* [Айнй, 1990:113]. Подавляющее большинство сложных существительных данного типа образования, в которых пассивный компонент указывает на какой-либо предмет, обозначают место хранения предмета, выраженного первым компонентом.

Сложное существительное *чойхона*: *Роҳбар ба 8 пул ду кулчаи ширмоли хурд, ба ним танга ҳалвои равгани зарҳалпеч харида, моро ба чойхонаи сарҳавз бурд* [Айнй, 1990:108]. Композиты-существительные, образованные по типу «название продукта/напитка+хона», называют места, где продаются или употребляются продукты/напитки, обозначенные подчиненным компонентом.

Сложное существительное *корхона*: ... ин восита ба як *корхона* баста мешаванд [Айнй, 1990:106]. В группе сложных существительных с преобладающим компонентом «хона», также встречаются слова, обозначающие абстрактные понятия, т.е. слово в данном случае указывает на место выполнения действия.

д) Сложные существительные N+N-модели образования, обозначающие абстрактные понятия. В таких сложных существительных за выражение общего понятия композита отвечает именно первый компонент, который и обозначает абстрактное понятие: *гургиракбозӣ* <Баъд аз баромадани мо бачагон гўштигириро монда ба *гургиракбозӣ* даромаданд [Айнй, 1990:29].

II. В состав второй группы сложных существительных N+N-модели образования таджикского языка входят те композиты, в которых второй компонент подчинен первому. Количественно такие композиты-существительные уступают словам первой группы и делятся на следующие семантические категории:

а) Сложные существительные подчинительного типа, обозначающие человека. В таких двухкомпонентных словах обе составляющие части именуют человека: *падарарӯс* «Акнун ба ман маълум шуда буд, ки дар ҳавли *падарарӯси* тағоиям касоне, ки дар нимшабӣ омада аввал «дузд» гумон карда шуда, баъд аз он «меҳмон» шумурда шуданд, ҳамин домоду арӯс будаанд» [Айнӣ, 1990:92].

Кроме того, в состав данной группы также входят сложные существительные, в которых первый компонент указывает на человека, а второй выражает место: *духтархона* [Айнӣ, 1990:78].

б) Сложные существительные подчинительного типа, обозначающие предметы. Подчиняющий компонент сложных существительных данной группы обозначает предмет или место, когда как зависимый компонент выражается в форме конкретного или абстрактного существительного: *сардарахт, саркор, сармашқ*.

Существительное+прилагательное (N+ADJ).

Сложные существительные этой модели образования классифицируются как сложные слова подчинительного типа. В таких словах именной компонент считается основным, а прилагательное — подчинительным элементом, который служит для уточнения основного компонента. Сложные существительные подчинительного типа N+ADJ-модели образования, встречающиеся в «Воспоминаниях» С.Айни, обозначают:

- **человека:** *бобокалон* [Айнӣ, 1990:59];
- **предмет:** *латтакӯҳна* [Айнӣ, 1990:111].

Прилагательное+существительное (ADJ+N). В данной последовательности основ, прилагательное занимает позицию зависимого компонента и поясняет существительное. Сложные существительные данной последовательности основ в таджикском языке могут выражать:

- **человека:** *яккаписар* [Айнӣ, 1990:53].
- **конкретные предметы:** *шумгиёҳ* [Айнӣ, 1990:14].
- **место:** *болохона* [Айнӣ, 1990:138].
- **абстрактные понятия:** *шумшакл* [Айнӣ, 1990:120].

Числительное+существительное (NUM+N). В этой последовательности основ подчиняющим компонентом является исключительно существительное. Количественное числительное в составе указывает на количество объекта (*чорбоғ*) выраженного существительным, а также на количество его признаков (*дувоздањгирењ*) или органов (*чорпо*) < *Ангиштгарон дар он чорбоғ чандин кӯра сохта он дарахтҳоро галтонда сӯхта ангишт карда истода буданд* [Айнӣ, 1990:123]; *Ин нақширо дувоздањгиреҳ меноманд* [Айнӣ, 1990:57]. ... *ҷуволҳои пурҷав барои еми шабонаи он чорпоҳо омода буданд* [Айнӣ, 1990:69].

Существительное+основа глагола (N+V). Данный шаблон весьма продуктивен в образовании сложных существительных в таджикском языке. На основе последовательности существительного и основы глагола образуются почти все классы существительных:

- **обозначение человека.** Сложные существительные данного класса, которые структурно состоят из существительного и основы настоящего времени глагола, указывают на человека той или иной профессии или вида деятельности. Функция идентификации вида деятельности или профессии в паре компонентов возлагается на именную часть слова, т.е. на существительное: *ошпаз, њезумкаш, муқовасоз* <... *табақҳои холишударо оварда ба ошпаз медоданд* [Айнӣ, 1990:14].

Кроме того, нами были выявлены сложные существительные, в которых второстепенная основа *чӣ* передает значения глагольных основ: *сурнайчӣ* (сурнайнавоз), *нақорачӣ* (накоранавоз), *ҳашарчӣ* (хашаркун) и т.д. <Дар як *гӯшаи суфа* як **нақорачӣ**, як **сурнайчӣ** ва ду доирадаст нишааста менавохтанд [Айнӣ, 1990:15].

- **обозначение предмета.** Позиция основ в композитах данного класса подразумевает отношение действия к объекту: *каллапӯши нав* [Айнӣ, 1990:15].

К указанной последовательности частей речи могут также присоединяться грамматические средства, такие как:

Суффикс –ак, который помимо того, что может указывать на человека (*бачадуздак*), широко используется для образования абстрактных понятий: *байтбарак* <Байтбарак *чист?* [Айнӣ, 1990:167].

Суффикс –ӣ, который также участвует в образовании абстрактных понятий от сложных существительных и указывает на профессию или род деятельности: *дуохон+ӣ*, *сартарош+ӣ* <Аммо эшонӣ ва **дуохонӣ** як пешаи бисёр осуда аст ... [Айнӣ, 1990:120]. Кроме того, данный суффикс широко используется при образовании сложных существительных, обозначающих действие: *тутпазӣ*, *чодирдорӣ*, *сангзанӣ* и т.п. <Айёми баҳорон, вақти **тутпазӣ** буд, акаам бо Сайид Акбархоҷа аз Бухоро омаданд [Айнӣ, 1990:84].

В качестве глагольной основы в сложных словах данного класса также может выступать основа прошедшего времени глагола, однако такая последовательность при образовании сложных существительных значительно менее продуктивна, чем предыдущая: *ёддошт* [Айнӣ, 1990:143].

Причастие прошедшего времени существительное (PII+N). Данную последовательность также можно отнести к малопродуктивным моделям образования двухкомпонентных существительных. При образовании сложных существительных этого типа может использоваться суффикс **–ӣ**: *кандакорӣ* [Айнӣ, 1990:57].

Прилагательное+настоящее время глагола (ADJ+V). На базе данной последовательности компонентов образуются конкретные сложные существительные (например, *Тезгузар*), а при дополнительном участии суффикса (-*ӣ*) – абстрактные понятия: *майданависӣ*, *пургӯӣ*, *калонгирӣ* и т.п. <... бадгапӣ кардани Қутбияро надида будам ва *калонгириаширо* ҳам ҳис намекардам [Айнӣ, 1990:82].

Прилагательное+причастие прошедшего времени (ADJ+PII). Данная модель считается малопродуктивной и не отличается большим количеством слов-продуктов: *пинҳонишуда* [Айнӣ, 1990:16].

Причастие прошедшего времени+основа настоящего времени глагола (PII+V): *мурдашӯӣ* [Айнӣ, 1990:121].

Местоимение+местоимение (Pr+Pr): *шумо-шумо* [Айнӣ, 1990:73].

Местоимение+основа настоящего времени глагола. Данная последовательность частей речи подразумевает участие суффикса –*ӣ* в образовании новой единицы: *худкушӣ* [Айнӣ, 1990:43].

Две последних модели образуют сложные существительные, обозначающие действие или признак состояния.

В «Воспоминаниях» С. Аини также встречаются трехкомпонентные сложные существительные, которые обозначают человека, место и абстрактные понятия и образуются следующим образом:

1. Посредством слияния сложного существительного и основы настоящего времени глагола (и суффикса): *шаашмақомдон*, *сарпаноҳковӣ*, *тахтаваргсозӣ* <*Беиштарини деҳқонони районҳои Ғиждувон ва Вобканд сурудхон ва шаашмақомдон буданд* [Айнӣ, 1990:156]. Основа таких трехкомпонентных сложных существительных базируется на двухкомпонентных сложных существительных, состоящих, в свою очередь, из номинальных частей речи.

В таджикском языке также встречаются сложные трехкомпонентные существительные, в которых второй и третий компоненты обозначены

сложными глаголами: *ночатайёркунӣ, ҳикоянақлқунӣ* и т.п.: *умри ӯ ба чархресӣ – ресмонресӣ, калова, зағӯта ва ночатайёркунӣ мегузашт* [Айнӣ, 1990:66].

2. Посредством слияния изафетного словосочетания и основы настоящего времени глагола: *дамигармназӣ <Мо барои дамигармназӣ аз баққол – соҳиби болохона ба ҳашт пул (ду тин) панҷ мисқол (125 грам) равгани зағир мехаридем ...* [Айнӣ, 1990:140].

Что же касается английского языка, конечные элементы соединения нескольких основ могут быть номинативными, детерминативными или глагольными независимо от употребления [Adams, 2001:78].

В. Адамс определяет 4 модели образования сложных существительных в английском языке [Adams, 2001:79]:

1) Noun+Deverbal noun: *house-building, woodworking, woodcarving* и т.д.: *In winter, when **house-building** came to a standstill, Usto Amak (Usto Khoja, to give him his proper name) would be out in the porch of his courtyard, making doors* [Ayni, 1998:76].

По мнению западного лингвиста, номинативные характеристики отношений компонентов первой модели весьма неоднозначны [Adams, 2001:79]. Слова данной группы образуются синтаксическим путем и не подразумевают множественности. Кроме того, в них преобладают глагольно-субъектные отношения, обусловленные номинализированным глаголом; т.е. не существуют самостоятельно образованных глаголов «to house build», «to wood work» или «to wood carve».

Таким образом, такого рода соединения, в которых прослеживается номинализация результативной единицы и воплощение глагольно-объектных отношений, характеризуются термином *синтаксическое соединение*.

2) Noun+Noun: *passageway, butter-halva* и т.д.: «*Now came the hard part: squeezed through the central third of the **passageway**, the stream redoubled*

its force and began to wash away the loose, newly deposited earth» [Ayni, 1998:83].

Согласованность основ является отличительной чертой данной последовательности. В отличие от слов первой группы, сложные существительные этой группы могут принимать форму множественного числа.

Последовательность *существительное+существительное* в английском языке часто подразумевает *существительное-модификатор*: *vineyard, sandbank, lifetime* и т.д.: *One must see each of these in his **lifetime*** [Ayni, 1998:54].

3) Noun+genitive s+noun: *doomsday < ... he should live out a life worse than death until **doomsday** ...* [Ayni, 1998:84].

По мнению В. Адамса, модификатор притяжательного падежа 's в составе сложного существительного английского языка определяет вид объекта, обозначаемого вторым компонентом [Adams, 2001:80].

4) Adjective+Noun: *supervision, wasteland, great-uncle* и т.д.: «... *my father decided to go along with him and see how the excavation of the canal was progressing under the **supervision** of the kadi of Ghjduvon» [Ayni, 1998:92].*

Прилагательное в этой последовательности используется для обозначения отличительных признаков именного компонента. Ударение в этих словах чаще всего приходится на второй компонент.

По приведенным примерам становится очевидно, что в английском языке компоненты сложных существительных соединяются либо путём простого слияния основ, либо же через дефис.

Таким образом, можно констатировать, что в таджикском словообразовании, в отличие от английского, способов и моделей образования сложных существительных значительно больше.

3.2. Сложные прилагательные в исследуемых языках

Одна из категорий слов, которая относится к имени существительному, номинализуется прилагательным (сифат/adjective). В то время как имя существительное обозначает предмет, который ощущается или воспринимается нашим воображением как нечто реально существующее, то прилагательное обозначает признак или свойство, относящееся к слову – предмету [Ниёзмухаммадов, Бузургзода, 1941:28]. Таким образом, имя прилагательное представляет собой фундаментальную грамматическую категорию, служащую для образования и объединения слов, подчёркивающих характеристики объектов (качественного, относительного или указательно-определяющего).

Традиционно понятие *особенность объекта* ассоциируется со свойством, относящимся к этому объекту. Именно так объяснял специфику значения прилагательных А.М. Пешковский. По его мнению, глагольный признак формируется благодаря деятельности предмета, а прилагательное акцентирует внимание на качестве, которое зависит от природы предмета, не от него самого. Таким образом, прилагательные иллюстрируют свойства, заложенные в сущность объекта [Пешковский, 1956:80-84].

Прилагательные, как лексемы с адъективными морфологическими категориями, обладают свойством индивидуализации предметов, что позволяет отличать их от других частей речи.

С морфологической точки зрения, имя прилагательное обладает категорией степени сравнения (полные и краткие формы) и используется с существительными для указания на их характеристики или качества: *бачаи хунардӯст* – a *handy lad* (*способный к ремеслу мальчик*) <Ту бачаи хунардӯст менамой> [Айнӣ, 1990:60] // «You seem like a *handy lad*» [Ауни, 1998:79] // «Ты кажешься мне *способным к ремеслу мальчиком*» [Айни, 1960:67].

Прилагательное, как самостоятельная часть речи, имеет следующие характеристики в исследуемых языках:

1. Прилагательное – это часть речи, которая обозначает признак предмета, а именно его не процессуальный признак: *пуштачаи наст* [Айнӣ, 1990:50] // *a low hillock* [Ayni, 1998:70] (*небольшой* [Айни, 1960:56]).

2. В таджикском языке прилагательное стоит после существительного, в то время как в английском языке прилагательное стоит перед названным предметом или явлением: *сӯҳбатҳои замолудона* (*невеселый*) [Айнӣ, 1990:19], *late-night conversation* [Ayni, 1998:42] (*разговоры перед сном* [Айни, 1960:24]).

3. Прилагательные в таджикском и английском языках не изменяются по роду, падежу или числу: *хурдсол – young (мал) < Ман дар он вақт бисёр хурдсол будам* [Айнӣ, 1990:19] // *Though I was very young at the time* [Ayni, 1998:41] (*Я был тогда еще очень мал* [Айни, 1960:24]).

4. Прилагательные в обоих языках имеют степени сравнения, т.е. *дараҷаи оддӣ – positive degree (положительная степень)*, *дараҷаи қиёсӣ – comparative degree (сравнительная степень)* и *дараҷаи олии – superlative degree (превосходная степень)*. Синтетическое образование степени сравнения прилагательных (при помощи суффиксов), встречается в обоих языках. В таджикском языке морфологическими показателями степени сравнения прилагательных являются суффиксы *-тар* (для сравнительной степени) и *-тарин* (для превосходной степени): *хунарманд – хунармандтар – хунармандтарин: бо вучуди хунарманд будан ...* [Айнӣ, 1990:11] // *... for all his skill ...* [Ayni, 1998:34] (*Несмотря на то, что его считали хорошим мастером ...* [Айнӣ, 1990:15]); *... баррагон ва бузголагони навзод хунармандтар намуданд* [Айнӣ, 1990:29] *... ягнята и козлята казались мне более искусными ...* » [Айни, 1960:34]; *... аз байни онҳо 10 нафар хунармандтаринашонро ба кори пул, даргот ва тахтаваргсозӣ мондам* [Айнӣ, 1990:74] // *«... selected the ten most skilled, and set them to making*

*bridges ...» [Ауни, 1998:94] (... отобрал из них человек десять **наиболее искусных** мастеров и поставил строить мосты ... [Айни, 1960:83]).*

В английском языке эквивалентами данных суффиксов являются суффиксы *-er* (для сравнительной степени) и *-est* (для превосходной степени): *large– larger– largest* < *The house had a fairly **large** yard* [Ауни, 1998:37] // *ҳавлиш як дараҷа **васеъ** ... [Айнӣ, 1990:13] // Довольно **обширный** двор ... [Айни, 1960:17]; «*Most of the **larger** properties were owned by two Mirakoni families* [Ауни, 1998:32]» // «**Беиштарини** заминҳои милки ин деҳа аз миракониҳо дар дасти ду хонавода буд» [Айнӣ, 1990:8]. // «**Обширные** массивы частновладельческой земли принадлежали двум семействам из рода мираконецев ...» [Айни, 1960:12]; *My **largest** debt was fifty tangas from your father* [Ауни, 1998:42] // *Қарзи **калонам** 50 тангааст ... [Айнӣ, 1990:20] (**Больше всего** я взял у твоего отца — пятьдесят тенег ... [Айни, 1960:25]).**

Кроме этого, в английском языке, в отличие от таджикского, степень сравнения может образоваться как аналитически (при помощи слов *more - most, less - least*) так и супплетивно (*good – better – (the) best*): *But a learned man and true mullo ties his turban small* [Ауни, 1998:113] // *Аммо одами **доно** ва муллои дуруст саллаашро хурд мебандад* [Айнӣ, 1990:94] (... *a настоящие ученые повязывают небольшие чалмы ... [Айни, 1960:104]; «*Besides being the **most learned, intelligent, wise and just scholar of our time***» [Ауни, 1998:96] // «... ин одам **олимпарин, донишмандтарин, оқилтарин** ва боинсофтарини уламои замони мо будааст ...» [Айнӣ, 1990:76] (*Этот человек не только один из **самых образованных, умных и ученых** людей нашего времени ... [Айни, 1960:86]); They're all **good** edible ones ... [Ауни, 1998:53] // Ҳамааш занбӯруғҳои **хуби** хӯрданбоб! [Айнӣ, 1990:31] (*Все это хорошие, пригодные для еды [Айни, 1960:36]; «*But Habiba was smarter, more talkative, and **better** at her lessons than Qutbiya*» [Ауни, 1998:101] // *Аммо Ҳабиба аз духтари хатиб донотар, гапзантар, дар китобхони **устотар** буд* [Айнӣ, 1990:81] (*Хабиба была более образованной и общительной девушкой и **лучше** ее****

читала [Айни, 1960:91]); ... they were **the best** in-laws that could be found ... [Ayni, 1998:53] // ... мо аз шумо **бехтар** қудо ёфта наметавонем ... [Айнӣ, 1990:42] (... мы не найдем **лучших** сватов, чем вы ...) [Айни, 1960:48]).

5. Прилагательные располагают специальной группой аффиксов, которые в равной мере участвуют в их образовании.

В таджикском и английском языках также имеется ряд прилагательных, образованных двумя грамматическими способами одновременно, т.е. суффиксально-префиксальным: *томактабӣ* (*preschool*, до школы) < айёми бачагии *томактабиам* [Айнӣ, 1990:13] // *my preschool childhood* [Ayni, 1998:36] (*мои детские годы до школы* [Айни, 1960:17]); *упоренед* (кӯрак, нераскрывшийся): *two упоренед боллс* [Ayni, 1998:33] // ду дона *кӯрак* [Айнӣ, 1990:10] (*одна-две нераскрывшиеся коробочки* [Айни, 1960:13]).

6. С синтаксической точки зрения прилагательные в предложениях выполняют функцию определения.

Прилагательные таджикского и английского языков можно разделить на два больших разряда: *аслӣ* / *qualitative* / *качественные (КП)* и *нисбӣ* / *relative* / *относительные*, которые отличаются друг от друга по нескольким параметрам, таким как значение, формальные признаки, структура слова и словообразовательный потенциал [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:183, Камынина, 1999:82].

К качественным прилагательным в сопоставляемых языках относятся прилагательные, которые в соответствии со своим семантическим значением обозначают свойство, способное изменяться по интенсивности, либо характеристику объекта — т.е. слова, грамматически оформленные как качественные прилагательные, могут лексически выражать самые разнообразные свойства объекта [Камынина, 1999:82].

Другая категория прилагательных в исследуемых языках, относительные прилагательные, относят существительное к определённом разряду и указывают на признаки предмета, зависящие от его отношений с

другими объектами. Таким образом, относительные прилагательные характеризуют предмет по его отношению к другому объекту (одушевленному и неодушевленному), действию, месту и времени, участнику речевой ситуации, количественному значению [Камынина, 1999:84].

Композито-образование прилагательных считается одним из самых продуктивных способов, как в таджикском, так и в английском языке, поскольку возможности языков в создании новых слов практически безграничны. Это связано с тем, что общее значение сложного слова часто представляет собой сумму значений составляющих его компонентов. Поэтому вопрос об изучении сложных прилагательных является одним из дискуссионных в лингвистике. Анализируемое явление отличается исключительным разнообразием типов образования и рядом нерешённых, открытых проблем. В связи с этим оно требует системного подхода к решению.

Следовательно, к сложным прилагательным можно отнести все лексические единицы, которые *распадаются* на несколько независимых словоформ, способных функционировать в тексте отдельно друг от друга за счет своих структурно-семантических особенностей.

Грамматическую функцию прилагательного можно охарактеризовать как определение признака предмета, обладающего известной условной устойчивостью [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:34]. По сути, функция прилагательного в предложении заключается в описании существительного. В основе своей цель сложного прилагательного такая же. Единственное различие между ними заключается в том, что структура сложного прилагательного состоит из двух или более основ, которые пишутся через союз или дефис (особенность, характерная для английского языка). Следовательно, описательная функция сложного прилагательного усиливается за счет его многокомпонентности. Это влечёт за собой более

детальный и обширный процесс модификации существительного по сравнению с простым прилагательным. Очевидно, что включение дополнительных основ и их семантического состава способствует более полной визуализации предмета.

Хотя сложное слово обычно понимается как комбинация двух или более основ, введение внешних лингвистических элементов в корень не представляется возможным, даже несмотря на независимость компонентов. Иными словами, данное действие исключается наличием четко определенной последовательности свободных форм, которая является определяющим признаком сложных слов.

Из этого можно сделать вывод, что без анализа составных основ классификация сложных словоформ бессмысленна.

Таким образом, по взаимоотношению компонентов сложные прилагательные делятся на: *сочинительные* и *подчинительные* [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:199].

В сочинительных сложных прилагательных компоненты независимы друг от друга и их роль в составе слова идентична. К таким структурным единицам синтаксиса относятся *копулятивные* и *редупликативные* композиты.

В таджикском языке сочинительный тип связи между компонентами сложных прилагательных встречается очень редко.

Таким образом, в таджикском языке сложные прилагательные сочинительного типа образуются следующими путями:

1) Редупликация существительного без связки через дефис ($N_1+N_1=ADJ$): *порча-порча*: «... аз рӯи вай ҷомае нӯшида будам, ки гулҳои **порча-порча** дошт» [Айнӣ, 1990:15].

Слова, образованные таким путем относятся к *редупликативным композитам* (др.-инд. *amredita*).

2) Сочетание двух равноправных слов или редупликация одного, связанных между собой инфиксами *о* или *у*: *ҷоноҷон* <... *қаламдонам* – *қаламдони ҷоноҷонам дар даруни он чоҳ галтидааст* [Айнӣ, 1990:99].

Слова такого типа образования называют *копулятивными композитами* (*composita copulative, др.- инд. dvandva*).

Второй тип образования сложных прилагательных, а именно создание композита на основе подчинительной связи, является продуктивным способом в таджикском языке. К таким структурным единицам синтаксиса относятся *детерминативные композиты* (*др.- инд. composita determinati vatatpurusa, karmadharaya, dvigu*).

Композиты татпуруша. В таджикском и английском языках сложные слова типа *татпуруша* составляют значительную часть составных слов языка. Подтверждением этому служит то, что в «Воспоминаниях» С. Айни композиты данного типа широко используются. К композитам *татпуруша* относятся следующие модели образования сложных прилагательных:

1. **N+N (существительное+существительное):** *ҷавбед* (*willow*, ивовый *ҷавбеди дароз* [Айнӣ, 1990:73] // *long willow* [Ауни, 1998:93] // с длинным **ивовым** посохом в руках [Айни, 1960:81].

2. **N+ADJ (существительное+прилагательное):** *нӯгкаҷ* (*wire hook*, *загнутая*): *симчаи нӯгкаҷ* [Айнӣ, 1990:58] // *a small wire hook* [Ауни, 1998:78] (*загнутой* провололочкой [Айни, 1960:66]).

В классификации, приведенной И.В. Арнольд, также встречаются сложные прилагательные типа **N+ADJ** (основа существительного+основа прилагательного): *worldwide* [Арнольд, 2012:165]. По мнению В. Адамса в группе слов, образовавшихся по данному типу, существительное как именная часть композита, соответствует дополнению предложного словосочетания: *the Balkan-weary troops, Central Europeans have gone bike-crazy* [Adams, 2001: 107]. В качестве примера из «The sands of Oхus» С. Айни можно привести такие сложные прилагательные как *sundry* (*гуногун*,

разнообразный) и *iron-foundry* (ҷӯянрезӣ, чугунолитейный) <*Sundry dishes* [Ауни, 1998:161] // *таомҳои гуногун* [Айнӣ, 1990:142] (*разнообразные угощения* [Айни, 1960:158]); *We, the pottery-workers, and the iron-foundry workers, and others like us ...* [Ауни, 1998:125] // *косагархонаҳои ҷӯянрезӣ* [Айнӣ, 1990:105] (*рабочие чугунолитейных и других мастерских* [Айни, 1960:118]). Во втором приведенном примере (*iron-foundry*, ҷӯянрезӣ, чугунолитейный), понятие *чугунолитейный* в таджикском и английском языках обозначается сложными прилагательными. В таджикском языке модель образования композита выглядит как *N+V-suf* (ҷӯян+рез-ӣ), а в английском языке — *N+N* (*iron+foundry*).

В некоторых случаях второй элемент композита может принимать суффиксальный характер. Например, в таких сложных прилагательных, как *interest-free* (*бефоида, без процентов*), *childlike* (*кӯдакона, детским*) и *trustworthy* (*боварибахш, надежный*) самостоятельное значение вторых элементов (*free, like* и *worthy*) в некоторой степени затушевывается и приобретает суффиксальный характер. В данном контексте *free* сродни суффиксу «less», «like» – *подобный*, а *worthy* несет значение *достойный*: *Do you mean the loans you took were interest-free?* [Ауни, 1998:42] // *Пас, қарзро бефоида бардоштед?* [Айнӣ, 1990:19] (*Неужели вы получили займы без процентов?* [Айни, 1960:25]); *I, in my childlike innocence, would answer all his questions as best I could* [Ауни, 1998:104] // «Ман бо софдили кӯдакона ба ҳамаи саволҳои ӯ ба қадри дониши худ ҷавоб меодам» [Айни, 1960:85] («Я с детским послушанием, как мог, отвечал на все его вопросы» [Айни, 1960:95]); ... *if you want them back, bring a trustworthy witness and file a claim!* [Ауни, 1998:99] // ... *ту аз дунбол гувоҳ бурда, ба шариат ораста карда, аз дастии ман мегирӣ* [Айнӣ, 1990:79] (... *ты приведи с собой свидетеля и докажи свою правоту согласно шариату*... [Айни, 1960:89]).

Кроме того, особого внимания требуют сложные прилагательные, включающие элемент «*proof*», который может быть как глагольным, так и

именным элементом в составе композита: (1) *waterproof* (обногузар, водонепроницаемый) <...he invested such skill in their construction that they were as strong as wood and quite **waterproof** [Ауни, 1998:120] // ... чунон ҳунар ба кор мебарад, ки монанди чӯб сахт ва **обногузар** мешавад [Айнӣ, 1990:100] (... пенал становится крепким, как дерево, и **водонепроницаемым** [Айни, 1960:113]); (2) *wind-and rain-proof* (борону шамолногузар, защищенный от ветра и дождя): «And the more **wind-and rain-proof** my shelter became» [Ауни, 1998:173] // «... боз ҳам ҳамон қадар **борону шамолногузар** мешуд» [Айни, 1960:153] (... тем больше мой шалаш оказывался **защищенным от ветра и дождя** [Айнӣ, 1990:170]). Понятия *водонепроницаемый* и *защищенный от ветра и дождя* в таджикском и английском языках также структурно идентичны, т.е. обозначаются сложными прилагательными с элементом *proof* – *ногузар*.

В отличие от модели образования слов *waterproof* и *wind-and rain-proof*, которая представляет собой последовательность существительного и прилагательного (сущ. *water*, *wind* и *rain*+прилаг. *proof*), таджикские эквиваленты образованы от существительных (*об*, *шамол* и *борон*), составного прилагательного *ногузар*, образовавшегося от основы настоящего времени глагола *гузар* (от гл. *гузаштан* — *проникать*) и отрицательного прилагательно-образовательного префикса *но-*.

Что касается *цветных прилагательных*, таких как *beet-red* (красный как свекла), *emerald-green* (изумрудно-зеленый) (только в английском варианте) и *olivegreen* (зайтунӣ, оливковый) их можно рассматривать как сравнение именного элемента с цветом, обозначенным вторым компонентом: *Our side jeered at the mullah, who turned beet-red with shame* [Ауни, 1998:237].

3. **ADJ+N (прилагательное+существительное):** *хурдсол* (*young, малый*). В «Воспоминаний» С. Айни сложные прилагательные, соответствующие данному типу образования (*хурдсол*, *калонсол* и т.д.) встречаются довольно часто. Что же касается английского прилагательно-

образования, Г. Марчанд также относит последовательность *ADJ+N* наряду с моделью *N+N* к композитам типа Бахуврихи [Marchand, 1960:42] <чавони *хурдсол* [Айнӣ, 1990:26] // *young worker* [Ауни, 1998:49] (совсем *молодой* [Айни, 1960:31]).

4. N+V (существительное+основа глагола настоящего времени).

Данный тип относится к продуктивным способам образования сложных прилагательных в таджикском языке: *ҳавои дилкаш*, *фазои дилкушо*, *кулчаҳои ширмол* и т.д. В «Воспоминаниях» данный тип слов также широко использован: *Заминҳои ин деҳа ҳосилхез буда, дар онҳо киштҳои гуногун мерасиданд ...* [Айнӣ, 1990:8] // *The fields around this village were rich and produced a varied crop, including rice and vegetables, which require a great deal of water* [Ауни, 1998:31] (*Земли этой деревни всегда славились своим плодородием, на них произрастали всевозможные злаки* [Айни, 1960:11]).

По части английского прилагательно-образования в сложных прилагательных основа настоящего времени глагола как компонент не встречается.

5. N+PII (существительное+причастие прошедшего времени).

Эта модель также приводится в «Современном литературном таджикском языке» как тип образования сложных прилагательных [Забони адабии хозираи тоҷик, 1973:203]: *яхбаста* (*iced over*, *покрытый льдом*) < *пурбарфи яхбаста* [Айнӣ, 1990: 25] // *iced over* [Ауни, 1998:48] (*По полю, покрытому снегом и льдом* [Айни, 1960:31]).

В английском прилагательно-образовании эквивалентом данного типа словосложения можно считать модель *N+V-ed*. В сложных прилагательных такого типа образования именная часть идет вместе с причастием прошедшего времени и соответствует существительному, как дополнение в предложных фразах. К тому же, в таких сложных прилагательных отношение глагол–объект внутри композита исключается: ... *they cleared most of the sand-covered fields ...* [Ауни, 1998:97] // ... *ва қисми калони заминҳои*

регпахшкардаро кушода ва обёрӣ намуда, аз сари нав ба қатори заминҳои корам дароварданд ... [Айнӣ, 1990:77]. Стоит заметить, что английское сложное прилагательное *sand-covered* и его переводческий эквивалент в таджикском языке *регпахшкарда* идентичны по типу образования, последовательности частей речи в композите и по частиречной принадлежности исходной языковой единицы. Единственное различие заключается в том, что глагольный компонент в таджикском языке уже является сложным образованием, т.е. сложным глаголом (от *пахш кардан* — *покрываться*).

6. **N+PI (существительное+причастие настоящего времени):** *солхӯрда (older, пожилой)* <Хочагони *солхӯрда* [Айнӣ, 1990:9] // *the older Khojas* [Ауни, 1998:32] (*Пожилые ходжи*) [Айни, 1960:12].

В классификации И.В. Арнольд последовательность *основа существительного+причастие настоящего времени* тоже встречается: *peace-loving* [Арнольд, 2012:165]. Что же касается классификации английского лингвиста В. Адамса, данная последовательность выглядит как **NOUN+VERB-ing**. В. Адамс считает, что в данном способе образования сложных прилагательных имя существительное, будучи одним из активных компонентов в сложных словах, выражает прямой объект переходного глагола – второго компонента сложного прилагательного [Adams, 2001:91], т.е. полученный композит отражает отношение между номинативом и глаголом. В качестве примера из художественной литературы можно привести английское сложное прилагательное *professional-looking* (*мукаммал кардашуда, совершенный*), в котором именная часть *professional* (*профессионал*) соединена с глаголом *look+ing* (*выглядеть*) (по классификации Адамса) или же с причастием настоящего времени (по классификации Арнольд) посредством дефиса: *a professional-looking metal* [Ауни, 1998:79] // *навъи мукаммал кардашуда* [Айнӣ, 1990:60] (*совершенный насос* [Айни, 1960:67]).

7. **ADJ+PII (прилагательное+причастие прошедшего времени):** *сафедшуда (grey, седой) < риши миёнаи сафедшуда* [Айнӣ, 1990:94] // *a grey beard* [Ayni, 1998:113] (*седая борода* [Айни, 1960:81]).

8. **ADJ+V₁ (прилагательное+основа глагола настоящего времени):** *навхез (fresh, расцветший) <сабзаҳои навхез* [Айнӣ, 1990:31] // *fresh shoots* [Ayni, 1998:53] (*расцветшие деревья* [Айни, 1960:37]).

Композиты кармадхарая. Компоненты данной группы композитов обладают отношением приложения. Следующие модели иллюстрируют процесс образования сложных прилагательных данного типа:

1. **ADJ+N (прилагательное + существительное):** *пурқувват < ... ў як ҷавони пурқуввати калонсол буд* [Айнӣ, 1990:86].

2. **ADJ+V₁ (прилагательное+основа настоящего времени глагола):** *калонгир <Духтарҳояш хурдсол буданд, занаи ҷавон ва аз хочагони хатчагӣ буда, хеле калонгир буд ...* [Айнӣ, 1990:39].

3. **ADV+V₁ (наречие+основа настоящего времени глагола):** *тездав < Бологаравчиён ҳар кадом тездав будани яке аз ин харҳоро даъво карда байни худ аз 20 танга, 50 танга, ҳатто аз сад танга гарав мебастанд* [Айнӣ, 1990:117].

4. **ADJ+PII (прилагательное+причастие прошедшего времени):** *рехташуда < ... ў занбӯруғҳои барзамин рехташударо ба ду қисм ҷудо кард...* [Айнӣ, 1990:30].

5. **ADJ+ADJ (прилагательное+прилагательное):** *навсабз <... дар пеши назараи ниҳолҳои навсабзаширо бурида баранд...* [Айнӣ, 1990:79].

Композиты двигу. Особенностью сложных прилагательных данного типа является то, что первым компонентом таких композитов является исключительно числительное, которое сочетается с существительным или прилагательным. В этом контексте можно привести две модели образования сложных прилагательных типа двигу:

1. **NUM+N (числительное+существительное):** *сепохса* <...
баландии худро ба девори сепохса расонида ва аз ончо шорида даромада
сеяки вайро пахи кардааст [Айнӣ, 1990:34].

2. **NUM+ADJ (числительное+прилагательное):** *якҳафтагӣ*
 <Акаат ҳеҷ ҷой намеравад, ӯ дарсҳои *якҳафтагиашро* такрор карда азёд
 накардааст [Айнӣ, 1990:28].

Посессивные сложные прилагательные (атрибутивные, composita или possessiva composita attributiva, др.- инд. bahuvrihi). В языкознании данный тип называют терминами *посессивные, бахуврихи, атрибутивные и экзоцентрический*. В таджикском языке сложные прилагательные этого типа составляют значительную часть словарного запаса языка. Этот процесс включает извлечение значения сложного слова изнутри посредством определения атрибутивных свойств, присущих определенному объекту.

Этот тип сложных прилагательных преобладает в «Воспоминаниях» С. Айни. По своему структурному составу эти соединения преимущественно двухкомпонентные и аналогичны определительным композитам, однако отличаются от них тем, что передают понятие *наличия определенных характеристик или свойств*.

В «Воспоминаниях» С. Айни обнаружены следующие модели образования сложных прилагательных данного типа:

1. **N+N (существительное+существительное):** *забардаст*
 <*наққошони забардаст* [Айнӣ, 1990:57].

2. **N+ADJ (существительное+прилагательное):** *гарданишах* <*Дар*
ҳақиқат ҳам Икромхоҷа хеле гарданишах буд [Айнӣ, 1990:60].

3. **N+PII (существительное+причастие прошедшего времени):**
рангканда <*ӯ зотан заифчусса ва рангканда буд ...* [Айнӣ, 1990:160].

4. **ADJ+N (прилагательное +существительное):** *бадахлоқ* <... *ӯро аз*
Ғиждувон ба Соктаре бурда монда буд, ки бадахлоқ нашавад [Айнӣ,
 1990:114].

5. **Pr+N (возвратное местоимение+существительное):** *худписанд* < ...
дар пеши аминҳои худписанд омада ба ман маслиҳат дода наметавонист
 [Айнӣ, 1990:74].

6. **NUM+N (количественное числительное+существительное):**
дутабақа <*дари дутабақа* [Айнӣ, 1990:25].

7. **ADJ+ADJ (прилагательное+прилагательное):** *нимбемор* <Азбаски
акаам ҳанӯз нимбемор ва додаронам хурдсоли аз беморӣ нав халосиуда
буданд... [Айнӣ, 1990:159].

8. **ADV+N (наречие+существительное):** *поёноб* <*Ин деҳа бинобар*
поёноб буданаш камоб буд ... [Айнӣ, 1990:9].

Что же касается семантических взаимоотношений составляющих элементов сложных прилагательных в английском языке, то очевидно, что они могут быть самыми разнообразными. Следовательно, первый компонент сложного прилагательного играет определяющую роль по отношению к материальным, цветовым и качественным характеристикам, выраженным вторым компонентом [Арнольд, 2012:164-165].

В классификации сложных прилагательных, предложенной английским лингвистом В. Адамсом в его книге *Complex Words in English*, компоненты разделены на *часть речи+суффикс*. Это означает, что компоненты могут быть производными. В частности, Адамс (2003) утверждает, что в сложных прилагательных английского языка, кроме *сочетаний существительное+прилагательное* и *прилагательное+прилагательное*, вторые компоненты могут принимать суффиксы *-ing*, *-ed*, *-ly* [Adams, 2001:90].

Модели образования сложных прилагательных в английском языке:

1) **ADJECTIVE+VERB-ed.** В некоторых сложных прилагательных такого типа образования, первые компоненты могут рассматриваться как наречия без суффикса *-ly*, например, *quick-witted* (*ҳозирчавоб*, *находчивый*) от *quickly* и *kindhearted* (*раҳмдил*, *добрый*) от *kindly*. Вторая группа слов

характеризуется тем, что второй компонент является исключительно именным глаголом [Adams, 2001:94]: *full-bearded* (*ришкалон, большая окладистая борода*), *fair-sized* (*миёна, небольшой*), т.е. *bearded – a beard* и *smiled – a smile*, *sized – a size*. По структуре слова *kindhearted* и *раҳмдил*, *full-bearded* и *ришкалон* в обоих языках являются составными словами, которые различаются только последовательностью и частичечной отнесенностью компонентов, т.е. сопоставительные модели образования этих слов визуализируются следующим образом: *ADJ + VERB-ed – N+N* (в случае с *kindhearted* и *раҳмдил*) и *ADJ + VERB-ed – N+ADJ* (в случае с *full-bearded* и *ришкалон*).

2) ADJECTIVE+ADJECTIVE. Количество прилагательных, образованных по данной модели, относительно ограничено. Это объясняется тем, что модель относится к группе малопродуктивных: *supernatural* (*деву чин, дивы и джины*) <... *my father succeeded in dispelling my fear of supernatural beings* [Ауни, 1998:73] (*Так отец избавил меня от страха перед дивами джинами, и это принесло мне большую пользу* [Айнӣ, 1990:59]).

3) ADJECTIVE+VERB-ing. Второй компонент сложных прилагательных данной модели образования относится к причастию настоящего времени и соответствует глаголу восприятия: *evil-looking* (*баднамо, страшный*) « ... *and finally would change into a black, evil-looking man...* [Ауни, 1998:69] // ... *дар охир ба шакли одами сиёҳи баднамо бадал гардида...* [Айнӣ, 1990:49]» (... потом превращается в черного **страшного** человека ... [Айни, 1960:55]) Таджикский эквивалент сложного прилагательного *evil-looking баднамо* также является сложным образованием и складывается из прилагательного *бад* (*дурной*) и *намо* (от прилагательного *намудор – видный*), где приобрел суффиксальный характер.

Сложные прилагательные группы «Bahuvrihi» («Bahuvrihi» compounds). В группе сложных прилагательных встречаются также слова, в

которых первый компонент – это наречие или прилагательное + суффикс *-ly*, а второй компонент — обозначение деноминального (именного) глагола или же deverбального (отглаголенного) прилагательного. Адамс относит такие сложные прилагательные к композитам группы «Bahuvrihi»: *partially-walled* (девордор, огороженный забором), *locally-made* (чойдорй, местного производства), *freshly-blooming* (навишукуфта, свежая): *The partially-walled orchard lay next to the river* [Ауни, 1998:55] // ... боги **девордор**, ки дар канори рӯд буд [Айнй, 1990:34] («Сад, находившийся на берегу канала и **огороженный забором**, был засыпан» [Айни, 1960:39]); *locally-made candy* [Ауни, 1998:93] // конфети **чойдорй** [Айнй, 1990:73] (конфетке в красной бумажке [Айни, 1960:82]); *Tomorrow morning, bring me a fragrant, freshly-blooming rose* [Ауни, 1998:102] // Ба ман нагоҳонй як дона гули **навишукуфтаи** хушбӯй биёр [Айнй, 1990:82] (Принеси мне завтра душистую **свежую** розу [Айни, 1960:93]).

Таким образом, по классификации В. Адамса модели образования сложных прилагательных группы «Bahuvrihi» это модели *ADJECTIVE-ly+VERB-ed* и *ADJECTIVE-ly+VERB-ing*, которые сопоставимы с моделями *ADVERB+PII* и *ADVERB+PI* предложенными И.В. Арнольд.

Стоит заметить, что некоторые лингвисты, такие как Г. Марчанд и О. Джесперсон также относят такие последовательности в композитах как, *существительное+существительное* и *прилагательное+существительное* к сложным образованиям типа Бахуврихи [Marchand, 1969:8; Jespersen, 1946:34].

Композиты типа Бахуврихи, по мнению Г. Марчанда, представляют собой экзоцентрические образование, обозначающие того, кто или того, что характеризуется тем, что выражается в сложном слове [Marchand, 1960:42]: *mud-brick* (хиштихомй, из сырцового кирпича): «*Inside and adjoining the entrance porch was a **mud-brick** barn*» [Ауни, 1998:37] // ... дар рӯ ба рӯи оғил ва собот як меҳмонхонаи **хиштихомй** бо суффааш бино ёфта буд [Айнй,

1990:14] («Напротив хлева и навеса была построена мехмон-хона **из сырцового кирпича с суфой перед ней**» [Айни, 1960:17]).

Что касается сравнительного анализа переводных эквивалентов вышеуказанных слов, то следует отметить, что английское сложное прилагательное *mud-brick* и его таджикский эквивалент *хиштихомӣ* относятся к категории сложных прилагательных. В английском языке компоненты соединяются дефисом. Однако в таджикском слове *хиштихомӣ* прослеживается изафетная конструкция и суффиксация второго компонента.

Кроме этого, к группе соединений Бахуврихи относятся сложные прилагательные, в которых второй элемент обозначает ту или иную часть тела, а первый имеет метафорический характер, либо указывает на сходство: *brush-tailed* (*чорӯбдум, пышный хвост*), *sabre-maned* (*шамшерёл, коротко подстриженная грива*) и *prick-eared* (*сихгӯш, торчащие уши*) < ***Brush-tailed, sabre-maned, and prick-eared***» [Айни, 1998:136] // *Ин харҳо ҳама сафед, калон, чорӯбдум, шамшерёл ва сихгӯш буданд* [Айни, 1990:117] (*Все это были крупные белые животные с пышными хвостами, коротко подстриженной гривой и торчащими ушами* [Айни, 1960:130]).

В заключение следует отметить, что хотя типы образования сложных прилагательных, наблюдаемые в исследуемых языках, не являются универсальными (типы N+V₁ и ADJ+V₁ не характерны для английского образования прилагательных), каждый язык демонстрирует высокую степень мастерства в использовании имеющихся последовательностей частей речи при образовании сложных прилагательных.

3.3. Сложные числительные в таджикском и английском языках

В контексте грамматики число — это категория, которая используется для обозначения количества объектов, выраженных определенными словами.

Эти объекты не лишены грамматических связей, которые в каждом языке имеют свой характер. К таким исключительным особенностям можно отнести наличие определенных морфологических характеристик, таких как обозначение единственности и множественности, разнообразие морфемных структур, а также моделей словообразования и словоизменения. Кроме того, сложная структура некоторых языков позволяет использовать двойственное и даже тройственное число.

Исходя из вышеизложенного можно утверждать, что числительное как часть речи напрямую указывает на число, являясь грамматической категорией и имея прямую связь с существительными или другими частями речи в предложении.

Числительное, как объект исследования в сопоставительном аспекте в таджикском языке, в отличие от английского, где оно рассматривалось более подробно и, безусловно, имеет более глубокую научную изученность, выступает впервые. Исследования морфемно-этимологического плана уже не достаточны. Требуется более детальный структурно-семантический анализ и сопоставление числовых единиц, что позволит полнее понять роль числительных как особой лексической группы в формировании представлений о мире.

Исходя из этого, мы можем констатировать, что проводимый анализ композитных форм числительных, который выражается в отдельном изучении и противопоставлении единиц в разноструктурных языках, вызовет большой научный интерес.

По мнению О.С. Ахмановой *сложное числительное* (шумораҳои мураккаб, compound numeral) это «фразеологическое (раздельнооформленное) обозначение больших чисел. Русск.: двести восемьдесят, сто тридцать шесть» [Ахманова, 1966:515].

В рассматриваемых языках наблюдается устойчивая закономерность в образовании сложных числительных, а именно, компонентами таких слов являются исключительно имена числительные (модель Num+Num).

В таджикском языке такие порядковые числительные, как *чордах*, *дусад*, *як-ду*, и такие дробные числительные как *сеяк*, *чоряк*, состоящие из двух корней, являются сложными числительными.

Числительное *чордах* образовалось по типу «количественное числительное первого десятка+корневая морфема 10», т.е. 4+10. Следует отметить, что среди двухзначных чисел таджикского языка данное числительное является единственным сложным образованием, в котором число *чор* сохраняет свою исходную форму, в отличие от остальных чисел данной категории. В них прозрачность семантики исходных форм либо полностью отсутствует (ср. *ёздаҳ//11*), либо только частично присутствует.

Что касается остальных двухзначных порядковых числительных таджикского языка (от 13 до 19), при общей модели образования в первых компонентах наблюдаются структурные изменения. Первые компоненты таджикских числительных *понздаҳ* (*пон*), *шонздаҳ* (*шон*), *ҳабдаҳ* (*ҳаб*), *ҳаждаҳ* (*ҳаж*) и *нуздаҳ* (*ну*) претерпели изменения и представляют собой усеченную форму чисел *панҷ*, *шаш*, *ҳафт*, *ҳашт* и *нуҳ*. Таким образом, в лексеме *понздаҳ* первая часть представляет собой усеченную измененную форму структуры лексемы *панҷ* (5). Следует подчеркнуть, что, несмотря на изменения, принцип образования все же можно назвать универсальным – при образовании вышеупомянутых числительных первые компоненты независимо от того, что потеряли аутентичную форму письменного обозначения, всё же сохранили исходную семантику первичных чисел.

Числительное *сездаҳ* (3+3+10) определяется нами как сложносоставное образование, которое структурно состоит из двух корней, связанных согласной *з*.

Относительно появления согласной «з» в составе двузначных таджикских числительных до 20 преобладает мнение, что оно образовано от предлога «аз» (от). Таким образом, числительное *сездаҳ* появилось от сочетания *се-аз-даҳ* [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:208].

Что же касается английских двухзначных чисел от тринадцати до девятнадцати, они по структуре относятся к производным образованиям, т.е. числительные данной группы состоят из натуральных чисел и суффикса *-teen*. Примечательно, что в древнеанглийском языке числительные от тринадцати до девятнадцати являлись сложными словами, в которых вторым компонентом было слово *tiene* – *десять* (общеевропейская форма *-tiene*), которая в результате фонетических изменений приобрела форму суффикса *-teen* (совпадает с семантикой числа *ten*). Этот принцип последовательно наблюдается в образовании чисел от 13 до 19. Исключение составляют числа *eleven* и *twelve*, которые остались вне общей схемы образования и в структуре которых не прослеживаются первичные числовые единицы. В структуре составного числительного *fifteen* первый компонент *fif* также утратил свою форму, путем изменения литера *v* на *f* и исключением буквы *e*, но не утратил значения числа *five*.

В группе композитов второго десятка обоих языков можно выделить элементы, подвергшиеся фонетическим изменениям или упрощению формы и потерявшие первоначальную (первичную) форму, но сохранившие семантический посыл исходной единицы.

К еще одному общему характеру можно отнести то, что при образовании определенных двухзначных чисел до 20 в сравниваемых языках встречаются числа, в образовании которых не участвуют исходные числовые единицы. К таким числам в английском языке, как уже было сказано, относятся числа 11 и 12, а в таджикском же — только число 11.

Двухкомпонентные сложные числительные английского языка, состоящие из круглых чисел (оканчивающихся одним нулем) и чисел от

одного до девяти, являются сложными числительными с полной автономией компонентов: *The halva-makers continued in this fashion, so that the third time there were eight layers, the fourth time sixteen, the fifth time **thirty-two** ...* [Айни, 1998:49].

Таджикский эквивалент английского сложного числительного *thirty-two* выражается числительным *сию ду* (32), что представляет собой сочетание основ чисел 30 и 2 с помощью соединительного элемента *ю*, который является семантической формой соединительного союза *ва*, (английского *and* и русского *и*). Таким образом, можно констатировать что английские числительные типа «двухзначные круглые числа+натуральные числа» состоят из двух основ, которые соединены между собой дефисом, когда как в таджикском языке данную группу представляют составные слова с соединительной гласной *у* и её эквивалентом *ю*. Общность в соединении компонентов композитов данной группы выражается в принципе добавления чисел к десяти, и в наличие соединительных элементов – в английском языке это дефис, а в таджикском – соединительные гласные *у*, *ю*.

Кроме того, в отличие от русского языка, в таджикском и английском языках числительные при обозначении предмета не подвергаются структурным деформациям, зависящим от способов выражения грамматических категорий и склонения, т.е. фактическая форма лексем сохраняется в первичной форме, а структура не дополняется классовыми, категориальными или же родовыми морфемами < *Чамоае (синфхое), ки дар пеши ӯ мехонданд, ҳар кадом аз **чор-панҷ** талаба зиёд набуданд* [Айни, 1990:140] // *The classes he taught had no more than **four or five** students* [Айни, 1998:159] (*Каждая группа учеников состояла из **четырёх-пяти** человек* [Айни, 1960:156]).

Сложные числительные второй группы, т.е. круглые трехзначные числа (300, 400, 500...), в таджикском языке образуются путем чистого сложения

без участия иных элементов и по принципу: число от 2 до 9+100 (сад, сто) <чорсад метр [Айнӣ, 1990:49] // *four hundred yards* [Ауни, 1998:70].

При структурном анализе сложного числительного *чорсад* и его английского эквивалента *four hundred* становится очевидно, что данные слова независимо от того, что структурная модель едина для обоих языков (число+100), относятся к разным группам, т.е. английское обозначение слова *чорсад* в английском языке имеет форму составного числительного.

К сложным числительным в таджикском языке относятся также лексические образования, состоящие из порядковых числительных, соединенных дефисом. Такие числительные в таджикском языке называются *шумораҳои тахминӣ* и выражают предположение относительно количества предмета (примерное количество): *ду-се сол* [Айнӣ, 1990:12] // *a few years* [Ауни, 1998:35] (*два-три года*) [Айни, 1960:16].

Английским эквивалентом таджикского числительного *ду-се* выступает местоимение *few* (*несколько*). Данный феномен в лингвистической литературе именуется как *числительное-местоимение* // *числительное неопределенно-количественное*, которое указывает на связь числительного с местоимением. Этим выражается лексико-семантическая связь частей речи с числом.

Касательно обозначения количественного предположения следует отметить, что данный класс числительных (*шумораҳои тахминӣ*) в английском языке имеет форму сочетания слов, где соединительным элементом выступает союз *or*, выражающий смысловое отношение между синтаксическими единицами (*чор-панҷ – four or five*).

Дробные числительные в таджикском языке также относятся к сложным словам по своему структурному составу. Данная группа слов образуется по принципу *число+як* (1). В качестве первого компонента чаще всего выступают числительные *се, чор, панҷ* и т.п., а второй компонент *як* является корневой морфемой и обозначает *одну часть из* <*дахяки ҳосил*

[Айнӣ, 1990:9] // *one tenth of its revenues* [Ауни, 1998:33] (*десятина с урожая* [Айни, 1960:13]).

В обоих языках значение *один* (як, one) представлено числом один и сочетается с другим числом для обозначения общего количества. Основное различие заключается в том, что в таджикском языке корневая морфема *як* функционирует как второй компонент композита, тогда как в английском она занимает начальную позицию в составе композите.

Краткое рассмотрение отличительных особенностей структуры числительных в рассматриваемых языках показывает, что, несмотря на универсальность базовых принципов образования сложных числительных, анализируемые языки также обладают уникальными способами порождения сложных числительных.

3.4. Сложные глаголы в таджикском и английском языках

Морфология таджикского и английского языков, как и морфология в целом, не может считаться полной без обращения к глаголу, который представляет собой один из центральных объектов ее изучения. Будучи наиболее сложной и нюансированной частью речи, глагол продолжает оставаться в центре интереса исследователей. Статус глагола в современной лингвистике остается предметом споров. В частности, вопрос образования сложных глаголов представляет собой особенно спорную и сложную область лингвистических исследований.

В современном таджикском и английском языках аналитические формы играют доминирующую роль в процессе словообразования, что можно наблюдать также и в структуре сложных глаголов. В обоих языках сложные глаголы образованы сочетанием функционально неравноправных компонентов, а именно именной части и комбинирующего глагола.

Следовательно, сложные глаголы являются преимущественно двусоставными сочетаниями.

В таджикском языке сложные глаголы определяются как сложные образования, состоящие из последовательностей различных частей речи и вспомогательных глаголов, которые как отдельные лексические единицы, имеют семантические, грамматические и стилистические значения [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:315].

Однако в области английской грамматики среди лингвистов отсутствует единое мнение о том, следует ли относить сложные образования в форме глаголов к группе сложных слов. Так, В. Адамс утверждает, что глаголы не должны рассматриваться как сложные образования наряду со сложными существительными или прилагательными [Adams, 2001:100]. Он считает, что в отличие от других языков, английский язык особенно ограничен в возможностях образования сложных глаголов. Следовательно, образование того или иного сложного глагола в английском языке начинается с промежуточного или адъективного выражения. Тем не менее, В. Адамс не исключает использования понятия «сложный глагол» в своих работах.

Преобладающая часть сложных глаголов с точки зрения морфологического строя имеет инфинитивную (масдарную) форму и воспринимается как лексическая единица [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:316]. Поэтому при рассмотрении сложных глаголов мы будем отталкиваться от их инфинитивной формы.

Сложный глагол состоит из двух частей: основной части, передающей основное значение, и вспомогательного компонента, выполняющего грамматическую функцию и несущего смысловой оттенок. К вспомогательным глаголам таджикского языка относятся следующие единицы: *кардан//намудан, будан, шудан, реже – гардидан, сохтан, додан, истодан, гашидан и кашидан* [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:245-246].

Вспомогательные глаголы *кардан//намудан, шудан, гардидан* и *сохтан* в таджикском языке встречаются в составе сложных именных глаголов. Из них *кардан//намудан* и *шудан* относятся к продуктивным вспомогательным глаголам в составе сложных слов в таджикском языке [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:246]. Что касается именной части этих сложных глаголов, ей являются имена существительные и прилагательные [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:245]. Структурная модель данного типа слов выглядит как *N+V* и *ADJ+V*.

Вспомогательные глаголы *будан, истодан, гаштан, шудан* в большей своей части участвуют в образовании глагольных конструкций, где играют роль показателей различных грамматических категорий глагола, включая залог и время.

Кроме того, состав и количество вспомогательных глаголов в таджикском языке не фиксированы, что позволяет при необходимости использовать смысловые глаголы, которые в последнее время стали чаще участвовать в образовании глагольных форм и глагольных конструкций. К таким смысловым глаголам, способным переквалифицироваться во вспомогательный, относится глагол *гирифтан*, который выступает вторым компонентом в сложных глаголах [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:246].

В таджикском языке использование вспомогательных глаголов типа *додан, гирифтан, фиристодан, мондан* и *рафтан* позволяет образовывать сложные обстоятельственные глаголы, например, *гуфта додан, навишта гирифтан, хандида фиристодан, омада мондан* и т. д. [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:247], в которых первым компонентом является причастие прошедшего времени: *Ман ҳиққосзанон воқеаи қаламдонро гуфта додам* [Айнӣ, 1990:99].

Кроме того, таджикские грамматики относят сложные глаголы к фразеологическим глаголам, поскольку выбор конкретного глагола зависит от именного компонента.

Компонирующие глаголы в таких языковых конструкциях выполняют формально-грамматическую функцию – показателя действия. В связке они участвуют в формировании значения сложного глагола. Важно отметить, что в таджикском языке семантическая функция именной части зависит от глагола, с которым она сочетается. Следовательно, она не может использоваться как самостоятельная единица в предложении. Напротив, компонент-глагол может использоваться автономно от именного. К исключениям относится составной глагол *кардан*. Этот глагол редко используется вне контекста сложного глагола.

В таджикском языке глагольная группа отличается преобладанием сложных глаголов, которые занимают центральное место в этой категории. Примечательно, что в этом языке наблюдается особый феномен – сложные глаголы, состоящие из трех элементов и передающих одно значение. Эта особенность подчеркивает богатство и разнообразие языковой структуры, тем самым делая таджикский язык уникальным и выразительным. Независимо от количества компонентов, сложный глагол рассматривается как одна лексическая единица, одна часть речи и один член предложения. Поэтому связь между компонентами сложных глаголов в таджикском языке обозначается семантической корреляцией и морфологическим соответствием. Однако синтаксические отношения при этом не прослеживаются [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:316].

В свете вышеизложенного, можно утверждать, что компоненты сложных глаголов в таджикском языке имеют преимущественно морфологическую природу. В случае с английским языком синтаксическая связь представляет собой основное средство образования сложного глагола.

Что касается структуры сложных глаголов в рассматриваемых языках, то можно отметить, что структура сложных таджикских глаголов значительно более разнообразна, а многогранность последовательностей гораздо шире. Следовательно, в таджикском языке сложные глаголы делятся

на две различные категории: *сложные именные глаголы* и *сложные глагольные глаголы*.

Как уже говорилось ранее, сложные именные глаголы состоят из именного элемента и вспомогательного глагола. В таджикском языке номинативным компонентом сложных слов чаще всего является существительное или прилагательное, реже – числительное или наречие и еще реже – причастие или деепричастие [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:317-318]. В случае с английским языком номинативная часть чаще всего представлена существительными, прилагательными и наречиями. Кроме того, в английском языке сложный глагол может не иметь в своем составе глагольной основы и образовываться от двух существительных: *to handcuff* [Арнольд, 1973:165].

Таким образом, такие последовательности частей речи в образовании сложных глаголов, как основа существительного+основа глагола, основа прилагательного+основа глагола, основа наречия+основа глагола, которые соответствуют моделям $N+V$, $ADJ+V$, $ADV+V$, едины для обоих языков.

Образование сложных глаголов по этим моделям в значительной степени основано на простом сопоставлении основ:

$N+V$ (основа существительного+основа глагола). В таджикском языке существительное является наиболее частым именным компонентом в составе сложных глаголов. Оно представляет собой основной денотат лексической единицы. Эта модель справедливо считается наиболее продуктивной при образовании сложных глаголов [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:317] < (1) *Рӯи ӯ аз рӯи Ҳабиба бисёр фарқ дошт* [Айнӣ, 1990:83]; (2) «*Камзаминҳо ва безаминҳо чорякдорӣ, ятимӣ ва ё ба ягон касби дигар машғулӣ менамуданд*» [Айнӣ, 1990:8]; (3) *Бештарини тоҷикон заминҳои амлок, яъне заминҳои подшоҳиро киштукор мекарданд ва бештарини урганҷиён майдабаққоли доштанд* [Айнӣ, 1990:39]. Образование примера (1) происходит по принципу сложения основ, которое можно

охарактеризовать как чистое сложение. В примере (2) существительное функционирует как номинативный компонент, который образован от прилагательного и существительно-образовательного суффикса *-ī*. В примере (3) номинативный компонент уже является составным, в котором основы соединены соединительной гласной *-y-*. Его можно также рассматривать как синтаксическое словосочетание.

Таким образом, можно утверждать, что существительные в составе сложных именных глаголов в таджикском языке могут быть структурно как простыми, так и составными или сложными.

В контексте английской грамматики сложные глаголы – явление относительно редкое, в отличие от сложных существительных и прилагательных, которые чаще встречаются в языке. При отсутствии контекста сложный глагол может восприниматься как сомнительный по своей приемлемости или даже правильности образования. Однако в нужном контексте он способен рассматриваться как неотъемлемый элемент. Все более очевидным становится то, что сложные глаголы – это относительно редкая и ограниченная особенность английского языка. Например, те же глаголы модели *N+V-образования (to hunger-struck)* чаще всего представляют собой преобразованные (путем конверсии) сложные существительные.

Кроме того, конверсия наблюдается и при добавлении суффикса прошедшего времени к глагольному компоненту сложных существительных. Иными словами, этот процесс предполагает переход глагольного компонента в прошедшую форму, т.е. *инфлекцию* (англ. *inflection, inflexion* – словоизменение, от лат. *inflectio* - склонение): *We joined forces and captured a motor-ambulance which **joy-rided** us back here; He **book-kept** for the camp* [Adams, 2001:102]. В приведенном примере глагол *joy-rided* (доставлять на машине) образовался от сложного существительного *joy-ride* (поездка на автомашине) путем добавления окончания прошедшего времени (*-ed*) к

глаголу *ride*, а глагол *book-kept* (вести бухгалтерский учет) – от существительного *book-keeper* (бухгалтер).

ADJ+V (основа прилагательного+основа глагола). В таджикском языке образование глаголов по данной модели также относится к продуктивным способам образования сложных глаголов: *сиёҳ кардан* [Айнӣ, 1990:21]; (2) *дилгир кардан* [Айнӣ, 1990:57]. Первый пример представляет собой случай чистого сложения основ, при котором прилагательное служит номинативным компонентом образованного сложного глагола. Во втором примере прилагательное является составным и образовано от основы существительного *дил* и основы настоящего времени глагола *гир* (от *гирифтан*, что означает *брать*). Следовательно, в таджикском языке начальным компонентом сложного глагола может быть как простое, так и сложное прилагательное.

Что касается английского словообразования, то можно заметить, что преобразование (конверсия) сложных существительных также приводит к образованию сложных глаголов, относящихся к модели **ADJ+V**. В. Адамс утверждает, что: «в группу сложных глаголов этого типа образования входят существительные с нулевыми производными глагольными основами, такие как *deep-freeze* и *free-fall*. Эти глаголы были образованы от существительных *a deep-freeze* и *a free-fall* соответственно. Более того, В. Адамс утверждает, что слова типа *a deep-freeze* или *a free-fall* гораздо чаще встречаются как глаголы, чем как составные существительные [Adams, 2001:103], что не отменяет того факта, что исходный композит в первую очередь обозначает существительное.

ADV+V (основа наречия+основа глагола). Эта последовательность в образовании сложных именных глаголов также относится к общим моделям образования сложных глаголов в исследуемых языках. Однако, в отличие от таджикского языка, в английском эта модель образования гораздо активнее проявляется при образовании композитов глагольной атрибуции. В

таджикском языке наречие, как номинативная часть глагольных композитов, в некоторых случаях принимающая номинативную коннотацию, встречается крайне редко. Это позволяет определить данную модель как малопродуктивную в таджикском языке [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:318]. Примеры сложных глаголов с наречным компонентом встречаются в «Воспоминаниях» С.Айни крайне редко. К таким примерам можно отнести глаголы *дер мондан* [Айнӣ, 1990:70], *пеш кардан* [Айнӣ, 1990:61] и *пешгирӣ кардан*: *Чоятро зудтар тайёр кун, барои халос кардани як қисми тоқҳои падарат ва барои дар оянда пешгирӣ кардан аз ин гуна ходисаҳо ба онҳо ёрмандӣ карданам даркор аст, – гуфт падарам* [Айнӣ, 1990:31]. Первые два композита состоят из двух простых по структуре компонентов, а именно простого наречия и вспомогательного глагола. В третьем примере наречный компонент относится к смешанному типу образования и характеризуется как сложное слово, состоящее из простого наречия места (пеш), основы настоящего времени глагола (гир) и суффикса *-i*.

При образовании английских глаголов наречный компонент обычно представлен следующими словами: *down, out, over, under* и др: *My father undertook to accompany the boys there and see that lodgings were found for them* [Ayni, 1998:73], *That courageous girl, trapped in the conventions of a medieval, feudal tyranny, had by sheer strength of will overcome all obstacles and won her true love* [Ayni, 1998:110], «*Don't be upset, son,*» said Father [Ayni, 1998:45].

В соответствии с классификацией, предложенной И.В. Арнольд «эти слова в составе сложных глаголов представляют собой группу наречий, примером чего может служить глагол *to outlive*» [Арнольд, 1973:165]. Таким образом можно утверждать, что глаголы с пространственными наречиями *down, out, over, under, in, off* и *on* относятся к категории сложных глаголов, поскольку эти элементы также могут функционировать независимо друг от друга. Кроме того, в отличие от И.В. Арнольд, В. Адамс рассматривает их

как частицы (*particles*). По мнению Адамса, сочетания слов в таких случаях обязательно основываются на детерминативной связи (например *rainbow*, *colorblind*, где *rain* определяет *bow*, а *color* – *blind*) [Adams, 2001:55]. Следовательно можно полагать, что сложные глаголы с *locative particle* — локативными частицами, которые обладают деривационной силой и выступают в роли детерминативов, попадают под вышеупомянутое описание. Таким образом, наречия/частицы в составе сложных глаголов английского языка играют роль определения направленности: *overwhelm*, *overwork*, *undertake*, *upset*. С точки зрения семантики частица *over* в словах типа *overwhelmed* обозначает «совершать действие по покрытию или прикрытие». Как отмечает Г.Марчанд, эта категория слов характерна для древнеанглийского периода [Marchand, 1969:56]. Что касается слов типа *overwork*, то частица *over* обозначает чрезмерность и избыток действия: «*He was a simple and kindhearted fellow, who never overworked the peasants*» [Ауни, 1998:185].

Семантическая роль наречия/частицы *under* в составе сложного глагола особенно сложна для определения. В контексте сложных глаголов типа **under+verb** В. Адамс подчеркивает, что частица *under* может передавать семантическое понятие *делать недостаточно*, о чем свидетельствует ее использование в *underachieve*, *under-capitalise*, *under-determine* [Adams, 2001:74]. По мнению лингвиста, самое раннее известное появление таких слов в языке относится к XV веку. Г. Марчанд также считает сложные глаголы типа *under+verb* архаичными формами. В своей книге «The categories and types of present-day English word-formation» он утверждает, что сложные слова с частицей *under* представляют собой варианты латинских глаголов на основе частицей *sub*. Например, древнеанглийское *underberan* – это латинское *supportare*, а *underouman* – *subvenire*, *undercreep* – *subreperere*, *understrew* – *substernere* [Marchand, 1969:57]. С точки зрения семантической роли частица *under* обычно передает значение *под* или *ниже*. Это очевидно в

словах *underline* и *underscore*. Кроме того, Г. Марчанд выделяет дополнительную группу слов с частицей *under*, где ее значение интерпретируется как *разрушать*: например, *undercut* [Marchand, 1969:58].

Что же касается продуктивности образования глаголов на основе последовательностей *частица+глагол*, то В. Адамс считает, что такие конструкции чаще всего встречаются в древнеанглийских текстах. В словах среднеанглийского периода наблюдаются изменения в порядке этой последовательности: частица уже не предшествует глаголу, а следует за ним. Это привело к появлению фразовых и предложных глаголов в английском языке. Современный английский язык преимущественно характеризуется порядком *глагол+частица*, что фактически ограничивает использование конструкций типа *частица+глагол*, относя их к архаизмам [Adams, 2001:72]. Таким образом, данная последовательность в современном английском языке уже не способна породить сложные глаголы и считается непродуктивной.

Далее рассматриваются конкретные последовательности частей речи, образующих сложные глаголы в таджикском и английском языках, с особым акцентом на тех элементах, характерных только для каждого из этих языков.

Сочетание основы существительного и основы глагола представляется моделью N_1-N_1+V . Такие сложные именные глаголы состоят из редуцированного существительного и вспомогательного глагола: *даст-даст кардан* [Айнӣ, 1990:133].

Кроме того, можно утверждать, что группа сложных именных глаголов может быть отнесена к модели *Prep.+N+V*, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Ин маълум аст, ки таҷрибаи ҳар кас дар ҳар кор дар охирҳои умраш ба камол мерасад ва ин ҳам маълум аст, ки ҳеч кас охири умри худро ба тарзи қатъӣ намедонад* [Айнӣ, 1990:6]; *Ба зери дарахтон рафта мургонро аз назар гузаронидам* [Айнӣ, 1990:54].

Дополнительным источником образования сложных именных глаголов можно считать именные сочетания, образовавшиеся посредством повторения

существительного соединенных с помощью предлогов, т.е. *N+prep.+N+V < рӯ ба рӯ шудан* [Айнӣ, 1990:44], *чо ба чо кардан* [Айнӣ, 1990:129].

Кроме того, сложные именные глаголы таджикского языка могут образовываться на основе синонимичных или антонимичных словосочетаний. Примером таких композитов являются глаголы *зеру забар шудан* и *салом-алек кардан*: *Аммо дар он вақтҳо ҳодисае рӯй дод, ки ин ақидаи ман зеру забар шуд ...* [Айнӣ, 1990:94]; *... бо падарам салом-алек ва вохӯрдӣ кард* [Айнӣ, 1990:36]. Другой способ образования предполагает использование устойчивых словосочетаний, в которых именная часть является составной (например, *дуои хайр кардан*).

Последовательность NUM+V представляет собой комбинацию числительного и глагольной основы. Такой вид последовательности в сложных именных глаголах встречается крайне редко и представляет собой непродуктивный способ образования сложных глаголов: *як кардан* [Забони адабии ҳозираи тоҷик: 318].

Part.+V (основа причастия+основа глагола): *... ин ҳол ба боло дамида баромадани вай монеъ намешуд* [Айнӣ, 1990:76].

Adv.part.+V (основа деепричастия+основа глагола): *... китобам дар ҷилд ва дар дастам овезон буд* [Айнӣ, 1990:83].

Вместе с тем сложные глаголы, образовавшиеся по последним двум моделям, относят к категории сложных глаголов, которые определяются как глаголы, состоящие из разных глагольных форм и воспринимаемые как единая лексическая или грамматическая единица.

В сложных глаголах данной категории чаще всего в качестве второго компонента выступают такие вспомогательные глаголы как:

- *рафтан: баромада рафтан* [Айнӣ, 1990:38];
- *шудан: шумурда шудан* [Айнӣ, 1990:92];
- *гаштан: нақоранавозӣ карда гаштан* [Айнӣ, 1990:17];
- *додан: Оширо бурда додам* [Айнӣ, 1990:46];

- *баромадан: парида баромадан* [Айнӣ, 1990:47];
- *бурдан: шуста бурдан* [Айнӣ, 1990:63];
- *гирифтан: шикаста гирифтан* [Айнӣ, 1990:153];
- *гузаштан: гуфта гузаштан* [Айнӣ, 1990:70];
- *дидан: расида дидан* [Айнӣ, 1990:35];
- *истодан: кӯчида истодан ...* [Айнӣ, 1990:30];
- *мондан: нафаҳмида мондан* [Айнӣ, 1990:25];
- *нишастан: рафта нишастем* [Айнӣ, 1990:112];
- *овардан: дошта овардан* [Айнӣ, 1990:47];
- *омадан: расида омадан* [Айнӣ, 1990:51];
- *партофтан: канда партофтан* [Айнӣ, 1990:146].

К модели словообразования, которая встречается только в английском глаголо-образовании, относится последовательность **N+N**, которая участвует в порождении сложных глаголов на основе именных выражений (как и композитные глаголы модели **N+V** и **ADJ+V**-образования): *to cannonball, handcuff, honeymoon, machine-gun, mastermind* [Adams, 2001:100].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в таджикском языке больше сложных глаголов, состоящих из именного элемента (или глагола) и вспомогательного глагола, по сравнению с английским языком, где преобладают простые глаголы. Кроме того, сложные единицы данной морфологической группы представляют собой исключительно трансформированные композиты, относящиеся к другим частям речи, в частности, к существительным. Таким образом, можно утверждать, что процесс конверсии является преобладающим способом образования глаголов именно в английском языке и нехарактерен для таджикского.

3.5. Сложные наречия в таджикском и английском языках

В свете растущего интереса к сопоставительному изучению языков возникает соответствующая потребность в рассмотрении частей речи через призму типологического сравнения.

Вопрос соотношения наречий с другими частями речи остается относительно малоизученной областью. Более того, данный вопрос не стал исключением ни для таджикского, ни для английского языка. Он является предметом дискуссий во многих языках мира. Следовательно, современная лингвистика до сих пор бьётся над вопросом о выработке единой концепции для определения этого класса слов.

Наречие – это самостоятельная часть речи, относящаяся к одной из поздних групп слов, формирование которой еще продолжается. Это объясняется его своеобразным составом, тесной связью с другими классами слов и важной ролью в придании глаголу дополнительных и более глубоких смысловых оттенков.

Исключительность процесса наречие-образования заключается в уникальном способе переноса адъективных признаков ситуации, выражаемых именем (или связанных с ним) на глагол. В результате неоднозначность лексических границ может препятствовать адекватному изучению именно этой категории слов. В этом и заключается основная сложность типизации наречий и их отграничения от остальных частей речи, за исключением тех, которые выделяются благодаря уникальным словообразовательным аффиксам.

В свете изложенного, становится очевидным, что более глубокое изучение этой категории слов, включая семантический, синтаксический и структурный анализ, остается актуальным.

Появление в языке новых наречий, учитывая их соотнесенность с другими частями речи, несомненно, свидетельствует об участии этих частей

речи в процессе адвербиализации. Обсуждая явление адвербиализации, важно отметить ее универсальность, о чем свидетельствует морфологический состав наречий. Следовательно, наречия могут образовываться от различных классов слов, включая существительные, прилагательные, глаголы и числительные.

Что касается семантико-грамматических характеристик наречий в двух рассматриваемых языках, важно отметить ряд их сходств. В целом их можно разделить на три основные области: обозначение действия, состояния и качества.

Морфологическая общность наречий в рассматриваемых языках может быть описана следующим образом:

1) Отношение и примыкание к глаголу. Большинство наречий в рассматриваемых языках примыкает к глаголу и служит для его определения.

2) Неизменяемость формы. Данный признак можно обозначить тем, что в таджикском и английском языках наречия не имеют категории множественности.

3) Наличие тесных лексических связей с другими частями речи. Эта особенность характеризуется соотношением наречий с существительными, прилагательными, числительными и местоимениями.

4) Обладание сравнительной и превосходной степенью (качественные наречия). В обоих языках формы степеней сравнения полностью заимствованы из системы прилагательных и перенесены на наречия. В английском языке для обозначения степени сравнения используются суффиксы *-er* и *-est*, а в таджикском – суффиксы *-тар* и *-тарин*. Также стоит упомянуть супплетивный феномен при образовании степеней сравнения наречий в английском языке: формы типа *well*, *badly*, *far*, *little* и т.д. образуются супплетивно (непостоянным образом), чего не происходит в таджикском языке.

5) Продолжая разговор об общих чертах наречий, важно также отметить тождество аналитичности формы при образовании степеней сравнения наречий в исследуемых языках. В таджикском языке это выражается соединением наречия с сочетанием *аз ҳама*.

Что касается английского языка, то наречия, образованные от существительных и прилагательных путем добавления суффикса *-ly*, приобретают степень сравнения в сочетании со словами *more* (сравнительная степень) и *most* (превосходная степень).

6) Наличие словообразовательных аффиксов. Наличие этих аффиксов делает образование наречий удивительным и своеобразным явлением. Когерентность наречий с другими частями речи, а также их идентификация зависят от наличия этих аффиксов. К таковым относятся суффиксы *-нокӣ, -акӣ, -она, -вор, -бар, -ӣ*. Эквиваленты этих суффиксов в английском языке ограничены одной формой – суффиксом *-ly*, продуктивность которого очень высока.

С точки зрения структуры таджикские и английские наречия демонстрируют частичную аналогию и эквивалентность. По своим семантико-синтаксическим характеристикам наречия в таджикском и английском языках можно условно разделить на две основные группы: определительные и обстоятельственные. Каждая из этих групп, в свою очередь, может быть разделена на более мелкие подгруппы.

Классификация наречий в исследуемых языках, основанная на структуре слова, выявляет существование двух различных групп: мотивированных и немотивированных наречий.

К первой категории наречий относятся лексические единицы, образованные от других частей речи и сохраняющие семантическую связь со своей исходной формой. Так, наречия, образованные от существительных, передают представление о характере предмета (баҳорон); от прилагательных

(оромона) – о качестве; от числительных (дубора) – о количественном значении.

Категория немотивированных наречий включает ряд слов, обозначающих различные обстоятельства, включая время (имрӯз, парирӯз, баъзан и т.д.), место (берун, ақиб, қафо, дарун и т.д.), способ и образ действия (оҳиста, даррав, нохост и т.д.), степень и меру (кам, барзиёд, андак и т.д.).

В зависимости от формы словообразования наречий, они делятся на четыре категории: простые, производные, сложные и составные.

К простым наречиям относятся однокоренные слова или непроизводные, обозначающие одно понятие. С точки зрения количества *неразложимые* наречия в рассматриваемых языках немногочисленны. Следовательно, в таджикском языке слова *зуд, пиёда, даррав, оҳиста, доим* и т.д. соответствуют категории простых наречий, обозначающих одно понятие. Кроме того, к этой же категории слов относятся однокоренные наречия в английском языке, омонимичные прилагательным (*loud, deep, here, hard, good, far, close, late* и т.д.).

Производные наречия, в отличие от непроизводных, распадаются на составные элементы, т.е. к данной группе слов относятся наречия, образовавшиеся от других частей речи путем структурного обогащения аффиксами и сепарируемые на составные части как *корень+аффикс*.

Касательно *наречных* аффиксов следует отметить их количественное преобладание в таджикском языке.

Таким образом, к наиболее продуктивным наречие-образовательным суффиксам таджикского языка относятся суффиксы *-она, -вор, -акак, -якак, -ҳо, -ӣ*. Кроме того, в таджикском наречие-образовании также активно участвуют префиксы (в отличие от английского языка). К таким относятся *ба-, бе-, бо-, -дар, но-*.

В таджикском языке также встречаются производные наречия, которые структурно распадаются на *предлог (ба) – корень – суффикс (-ӣ)*: *бахубӣ, базудӣ, баоҳистагӣ*.

Группа производных наречий в таджикском языке также подвергается расширению за счет образования новых слов путем повторения корней и добавления суффиксов: *кӯр-кӯрона* [Забони адабии ҳозираи тоҷик, 1973:354].

Следующая категория наречий, заслуживающая более полного и детального рассмотрения – это сложные наречия.

Сложное наречие – тип наречия, образованный путем сложения нескольких корней, в результате чего возникает новая лексическая единица с отдельным значением: *якзайл (одинаково), дузону (сидеть, опустившись на колени), дилпурона (уверено), sometimes (иногда), апуway (так или иначе), midway (на полпути), inside (внутри)* и др.

Сопоставительный анализ двух языков показал, что способ обогащения класса наречий за счет других частей речи (путем простого соположения) основ, является общей чертой обоих языков. Более того, смешанный синтаксико-морфологический метод также очевиден.

Более того, сложные наречия классифицируются в зависимости от способа их образования. Эта классификация включает три основных типа: (а) наречия, образованные путем чистого сложения; (б) наречия, образованные с помощью аффиксального сложения и (в) наречия, образованные посредством лексикализации.

Чистое сложение основ. К начальной категории композитов относятся те слова, которые в процессе образования не претерпели никаких изменений, связанных с добавлением словообразующих элементов (соединение путем примыкания основ) [Аракин 1979:24].

Анализ сложных наречий в «Воспоминаниях» С. Айни выявил следующие словообразовательные модели наречий, предполагающие чистое сложение основ:

1. **ADV+ADV.** Данная модель предполагает сочетание (или соединение) двух наречий: *насфардо* [Айнӣ, 1990:76] // *day after tomorrow* [Ayni, 1998:96] (*послезавтра* [Айни, 1960:85]).

Английский эквивалент слова *насфардо* «*day after tomorrow*» относится к группе составных единиц, которые представляют собой союз знаменательных и служебных слов.

Относительно семантической соотнесённости наречие *насфардо* относится к обстоятельственным наречиям, которое обозначает действие сравнительно недавнего времени и представляет собой последовательность наречий времени *нас* и *фардо*.

Также по данной модели образуются сложные наречия направления, составные компоненты которых антонимичны друг другу: *боло-поин* [Айнӣ, 1990:58] // *up and down* [Ayni, 1998:78] (*вверх и вниз* [Айни, 1960:66]).

Что касается внутреннего соотношения компонентов, то данный композит (*боло-поин*) относится к копулятивному типу, что говорит о равноправии составляющих.

2. **ADV+N.** Данная модель предполагает соединение наречий, которые уже утратили способность к самостоятельному употреблению (дӣ, парӣ/паре, пор) с существительными: «*Майлат, дирӯз заминҳои сабзу хуррамро тамошо карда омадӣ ...*» [Айнӣ, 1990:33] (... *вчера ты ходил смотреть свежую зелень в полях...* [Айни, 1960:37]).

3. **Pr+Pr.** Данная модель подразумевает последовательность указательных местоимений: *ончунон* [Айнӣ, 1990:81] // *harder than* [Ayni, 1998:101] // *так ... как* [Айни, 1960:91].

Семантически сложное наречие *ончунон* также относится к качественным наречиям и обозначает обстоятельство образа действия. Помимо синтаксических функций, качественные наречия подвержены морфологическим процессам по отношению к другим частям речи и обозначая качество действия или образа, присоединяются к глаголу.

Одновременно такие наречия способны выражать качество признака и могут сочетаться с прилагательными или другими наречиями.

Что касается структурного сопоставления английского и русского эквивалентов с таджикским словом *ончунон*, то здесь наблюдается расхождение в способе передачи значения «так как не было до этого». В таджикском языке для выражения этого понятия используется сложное наречие, тогда как в английском и русском языках – словосочетание.

4. NUM+N. В результате сложения числительного и существительного образуется сложное наречие образа действия: *чорзону* [Айнӣ, 1990:106] // *squatted* [Ауни, 1998:125] (*скрестив ноги* [Айни, 1960:118]).

Композитное наречие *чорзону* проявилось в английском языке как глагол *squat* и русское наречное словосочетание *скрестив ноги*.

5. N+V. Вторым компонентом этой группы композитов является основа настоящего времени глагола: *ҳаяҷономез* [Айнӣ, 1990:30] // *excitedly* [Ауни, 1998:52] (*испуганно* [Айни, 1960:35]).

Английские и русские эквиваленты сложного наречия *ҳаяҷономез* выражены в форме качественных наречий *excitedly* и *испуганно*, которые, будучи прилагательными, изменили свою частиречную принадлежность в результате добавления наречие-образовательных суффиксов.

6. PI+PI. Данная модель образуется из последовательностей причастий прошедшего времени: ...*ба ӯ ғашта-барғашта арзи ихлос мекунанд* [Айнӣ, 1990:121] // ... *they give him repeated assurances of their devotion and present after presents ...* [Ауни, 1998:140] (... *ему беспрестанно выражают свою признательность и одаривают подарками* [Айни, 1960:135]).

Качественное сложное наречие *ғашта-барғашта* обозначает повторяющееся действие, и русское *беспрестанно* тождественно ему как по семантическому значению, так и по частиречной принадлежности. В английском же варианте это понятие выражается прилагательным *repeated*,

(а не наречием), которое примыкает к существительному (*assurances*) и уже вместе с ним морфологически согласуется с глаголом (*to give*).

Явление редупликации основ в процессе образования композитов – обычное явление в таджикском языке. Данный способ не обошел стороной и образование наречий через процесс сложения основ, подразумевающий повторение следующих частей речи, соединенных дефисом:

1) Редупликация имен существительных: ... *дигараширо порча-порча бурида бар рӯяш орд пошида дар як қуттӣ чида монд* [Айнӣ, 1990:22].

В результате редупликации существительного *порча* (часть) образовалось сложное наречие образа действия, обозначающее понятие *кусками*. Данное понятие в английском варианте имеет форму словосочетания *into squares*.

2) Редупликация качественных прилагательных: *баланд-баланд* [Айнӣ, 1990:33] // *aloud* [Ауни, 1998:54] (*громко* [Айни, 1960:38]).

Путем редупликации прилагательного «*баланд*» (громко) его значение принимает более глубокий оттенок, т.е. усиливается исходное значение и соотносится с понятием *очень громко*.

3) Редупликация наречий. Данный способ порождает сложные качественные наречия:

- меры и степени: *андак-андак* [Айнӣ, 1990:54] // *faint* [Ауни, 1998:74];
- времени: ... *маҷбур шуданд бо ҳезумкашӣ, ки касби асосии онҳо буд, «қарзи ҳукумат»-ро неш-неш адо кунанд* [Айнӣ, 1990:79];
- образа действия: *оҳиста-оҳиста* [Айнӣ, 1990:76] // *slowly* [Ауни, 1998:96].

4) Редупликация местоимений: *Он газалҳоро ягон-ягон хонда маъни баъзе байтҳои онҳоро (ки назар ба ақидаи ҳудаи шояд фаҳмидани онҳо барои ман ғойданок ё безарар бошад) шарҳ дод* [Айнӣ, 1990:95] // *He read the ghazals through one after the other, pausing to explain occasional verses*

where he judged it might be helpful – or at least harmless — for me [Ауни, 1998:113] (*Отец читал их одну за другой и объяснял мне значение некоторых бейтов* [Айни, 1960:106]).

Примечательно, что состоящее из редуцированного местоимения *ягон* (кое) сложное обстоятельное наречие образа действия *ягон-ягон* обозначает что-то редко происходящее, т.е. семантически отдельный анализ состава композита не отражает понятие новой языковой единицы. В английском и русском переводе «Воспоминаний» данное слово обозначено выражениями *through one after the other* и *одну за другой*.

5) Редупликация причастия прошедшего времени: *рафта-рафта* < «*Акнун ин на одам мешавад ва на мулло, рафта-рафта хар мешавад*» [Айнӣ, 1990:60] // *At this rate he'll make neither a man nor a mullah; by and by he'll end up an ass* [Ауни, 1998:80] (*Он не будет ни человеком, ни муллой, а постепенно вообще превратится в осла!* [Айни, 1960:68]).

Сложные наречия данного типа образования приобретают аллегорическое значение и выражают способ действия.

Что же касается английского наречие-образования, процесс чистого сложения основ происходит по следующим моделям:

1. **N+N:** *halfway* [Ауни, 1998:74] // *нимаи роҳ* [Айнӣ, 1990:54] (*На полпути* [Айни, 1960:61]).

2. **N+ADJ:** *ankle-deep* <*Sand lay ankle-deep in the forecourt ...* [Ауни, 1998:53] // ... *дар реғи рӯи ҳавлӣ ва замини боғча кафш то пошнааш меғӯтид* [Айнӣ, 1990:31] (*Каблуки туфель глубоко погружались в песок ...* [Айни, 1960:37]).

В отношении компонентов сложных наречий *ankle-deep* и *halfway* прослеживается детерминативность, т.е. один компонент подчинен другому. В первом случае доминирующим является второй компонент, во втором — первый.

3. **Pron+N:** ... *the new watercourse would never be dug anyway* [Ауни, 1998:91] // ... *рӯди нав ҳам намебарояд* [Айнӣ, 1990:70] (... *а нового канала все равно не проведут* [Айни, 1960:79]).

4. **ADV+N:** ... *he would arrive every day to order new templates and would sometimes stay overnight to take them back the next morning — then come straight back to order more* [Ауни, 1998:107] // ... *ҳар рӯз омада супориши нав меод ва баъзан шабона ин ҷо монда нақшаро тайёр кунонда саҳарӣ мебурд...* [Айнӣ, 1990:56] (... *иногда даже оставался на ночь, ждал, пока будет готов узор, и утром его увозил...* [Айни, 1960:99]).

Сложное обстоятельственное наречие *overnight* образовалось в результате компрессии словосочетания *over night* путем слияния составных компонентов. Его таджикский вариант имеет форму производного наречия, корневой морфемой которого является существительное.

6. **ADV+ADJ:** «*The patient could thus sit on the sofa of the porch, or stand upright...*» [Ауни, 1998:105] // *Девона дар рӯи суффаи меҳмонхона менишаст, ӯ рост меистод...* [Айнӣ, 1990:86] (*Безумец обычно сидел на суфе возле меҳмон-хоны или стоял...* [Айни, 1960:97]).

Таджикский эквивалент сложного определительного наречия *upright* в таджикском языке имеет форму простого качественного наречия *рост*, которое соотносится с прилагательным и «перекачивало» в разряд наречий посредством конверсии, т.е. одна и та же морфологическая структура относится как к прилагательному, так и к наречию. Следует отметить, что образование новых слов путём конверсии является более распространенным и продуктивным явлением в английском языке по сравнению с таджикским.

7. **ADV+ADV:** *however* < *My father, however, remained at the edge of the sofa* [Ауни, 1998:41] // *Аmmo падарам дар ҳамон лаби суффа монд* [Айнӣ, 1990:18] (*Отец по-прежнему остался на суфе* [Айни, 1960:23]).

Союзное наречие *however*, выступающее в роли *but* и подчеркивающее контраст между двумя идеями, в таджикском языке выражается формой союза

аммо (эквивалент английского *but*) и определительным наречием сравнения и уподобления *по-прежнему*.

Сложноаффиксальные наречия, т.е. аффиксальное словосложение наречий. К данной категории сложных наречий нами отнесены сложные наречия, в формировании которых кроме основ также участвуют словообразовательные элементы:

N+N+suf: ...*бе он, ки ба амир аризаи истеъфо диҳад, намоишкорона қозигии Ғиждувонро партофта ба Бухоро – ба хонаи худ рафт...* [Айнӣ, 1990:80] // ... *without submitting a letter of resignation, he **publicly** renounced the kadi-ship of Ghijduvon and returned home to Bukhara...* [Ауни, 1998:100] (*Не подавая заявления об отставке, он **преднамеренно** бросил свой пост казия в Гидждуване и уехал в Бухару к себе домой...* [Айни, 1960:90]).

N+V+suf: *дилсӯзона* [Айнӣ, 1990:82] // *sadly* [Ауни, 1998:102] (*печально* [Айни, 1960:92]).

В предложенных примерах словообразовательным аффиксом, примыкающим к сочетанию двух основ, выступает наречие-образовательный аффикс *-она*, посредством которого из сложного существительного (намоишкор) и сложного прилагательного (дилсӯз) образовались наречия.

Num+N+suf: *якдонагӣ* «... *баъд аз он ду донаи онҳоро аз пеши гӯшаи якдонагӣ аз ду тараф дар зери каллапӯшаи гузаронида монда ба оина нигоҳ кард ...*» [Айнӣ, 1990:84] // ... *then stuck two of them under her- headsquare, **one** above each ear, looked in the mirror...* [Ауни, 1998:103]; ... *маро **дубора** ба оғӯш кашида сару рӯямро аз бӯсаи сероб тар кард* [Айнӣ, 1990:84] // ... *hugged me **again**, and smothered my face with wet kisses...* [Ауни, 1998:104] (... *она громко рассмеялась, **снова** обняла меня, крепко и горячо расцеловала* [Айни, 1960:94]).

Примыкающими аффиксами в приведенных примерах выступают: в первом случае *-гӣ*, а во втором – *-а*, благодаря которым произошел переход основы в другую парадигму словоизменения (словосочетания *як дона* и *ду бор* приняли форму сложного слова).

Также в группе сложных наречий таджикского языка встречаются единицы, сформировавшиеся от изофетных словосочетаний, дополненные суффиксом. К таким композитам можно отнести сложное наречие *нимишабӣ*, сепарация которого визуализируется следующим образом: *ними шаб* (изфетная конструкция) +суф. *-ӣ* (модель **N+(-u-)+N+suf**).

Таким образом, можно констатировать, что таджикский язык, в отличие от английского, демонстрирует большее разнообразие моделей образования наречий. Кроме того, в английском языке не используется метод редупликации основ, который является отличительной чертой таджикского словообразования. По способу же образования в английском языке преобладает основосложение.

ВЫВОДИ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Рассматривая разделы третьей главы, мы пришли к следующим выводам:

1. В обоих языках сложные существительные занимают главное место в соответствии с количественным превосходством среди остальных частиречных композитов. Что касается моделей образования, есть общие модели, которые участвуют в образовании сложных существительных в обоих языках.

2. К общим характеристикам прилагательно-образования в рассматриваемых языках можно отнести неизменяемость по родам, падежам и числам. Еще одной общей характеристикой является наличие степени сравнения: *дараҷаи оддӣ* – positive degree (положительная степень), *дараҷаи қиёсӣ* – comparative degree (сравнительная степень) и *дараҷаи оӣ* – superlative degree (превосходная степень). Общность также выражается в образовании прилагательных сразу двумя грамматическими способами: суффиксально и префиксально.

К уникальным характеристикам относится расположение прилагательного в предложении. В таджикском языке прилагательное стоит после существительного, тогда как в английском – перед названным предметом или явлением. Что касается формирования степеней сравнения, то в английском языке они могут образовываться аналитически (с помощью служебных слов), чего не наблюдается у прилагательных таджикского языка.

3. Обзор особенностей структурирования числительных в сравниваемых языках показывает, что при универсальности моделей словообразования сложных числительных в анализируемых языках все же прослеживаются особенности, имеющие индивидуальный характер.

4. Сложные глаголы преобладают в таджикском языке по сравнению с английским. Более того, большая часть глаголов таджикского языка относится к сложным образованиям, состоящим из именной (или глагольной) части и вспомогательного глагола. Что же касается глагольных композитов английского языка, то они чаще всего представляют собой слова другой части речи, преобразованные в глаголы посредством конверсии.

5. Сложные наречия таджикского языка отличаются разнообразием моделей и способов образования. В нём широко используется редупликация основ в качестве составных элементов таких наречий, а также образование на основе изафетного словосочетания. Что касается английского языка, то в нём сложные наречия образуются исключительно путём чистого сложения основ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование современной лингвистической литературы о процессах словообразования демонстрирует глубокую укоренённость многоаспектного подхода к феномену словообразования. На протяжении долгого времени существовало множество разноречивых мнений, однако научное сообщество пришло к признанию самостоятельного статуса данной области языкознания. Это обусловлено тем, что процесс формирования слов выходит за рамки традиционного учения о морфологии и структуре слова, приобретая статус полноценного языкового механизма по созданию новых лексических единиц. При этом неоспорима взаимозависимость словообразования с другими лингвистическими дисциплинами: морфологией, синтаксисом и лексикологией. Ведь материальное воплощение слова невозможно без его грамматического и семантического содержания. Таким образом, непрерывная эволюция лексической системы языка напрямую обусловлена динамикой процесса словообразования. Этот механизм активно влияет на формирование грамматического каркаса и словарного состава языка в целом.

Таким образом, при сопоставительном анализе сложных слов знаменательных частей речи таджикского и английского языков (на материале оригинала и переводов «Воспоминаний» С. Айни) мы пришли к следующим выводам:

1. Придерживаясь традиционной лингвистики, производное слово представляет собой сложный комплекс структурно-семантических особенностей. В эту категорию включены не только аффиксальные и конверсионные формы, сложные слова, аббревиатуры, но также все виды вторичных словообразовательных конструкций. Изучение лексического состава таджикского и английского языков выявляет явное подавляющее превосходство производных слов над корневыми. Этот факт обуславливается тем, что производные элементы играют ключевую роль в процессе

словообразования, служа своеобразными компактными контейнерами для более насыщенной и ясно определенной информации.

2. Сложные слова – это лексем, которые образуются посредством сложения двух или более основ (как аффиксных, так и безаффиксных). При этом характерной особенностью этих слов является чётко определённое расположение частей в составе производных с учётом единого главного ударения. Именно это определяет цельноформленность сложных слов, что служит главным отличительным признаком таких единиц.

В процессе формирования сложных слов в таджикской и англоязычной системах встречается использование синтаксического и асинтаксического подходов. Оба языка активно генерируют композитные слова, при этом основу своей структуры закладывают преимущественно через синтаксические механизмы сложения. В большинстве случаев такие конструкции характеризуются неразделенными основами без применения связующих морфем. Деривация же таких слов происходит путём соединения компонентов на основе атрибутивной или предикативной связи и опущения синтаксической связи. Кроме того, определено, что в качестве соединительных элементов в рассматриваемых языках могут использоваться инфиксы. В обоих языках нередки случаи применения предлогов и союзов для связывания основных компонентов. Что касается использования дефиса при создании композитов, данный элемент значительно чаще присутствует в сложных английских словах, по сравнению с таджикскими.

3. Во время исследования сложных двусоставных слов таджикского языка были определены 38 структур формирования таких лексем. В отношении трёхэлементного типа в рамках анализа фактического материала выявлено использование 10 словообразовательных шаблонов. Анализ английской системы образования композитов показал наличие 33 моделей для создания двукомпонентных дериватов. Сложные трёхкомпонентные слова в процессе анализа не были выявлены. Что касается активности частей

речи в образовании производных, выделяются существительные и прилагательные. В частности, существительные как компоненты сложных слов присутствуют в 17 моделях, а прилагательные – в 9.

4. Исследуя структуры сложных лексических единиц таджикского и английского языков, мы установили ряд общих для обоих языков закономерностей сочетания частей речи, т.е. словообразовательных моделей: Таких моделей 16: $N+N$, $N+ADJ$, $N+V$, $N+PI$, $ADJ+N$, $ADJ+ADJ$, $ADJ+V$, $ADJ+PI$, $NUM(cardinal)+N$, $NUM(ordinal)+N$, $NUM(cardinal)+ADJ$, $NUM(cardinal)+NUM(cardinal)$, $ADV+V$, $ADV+PI$, $ADV+ADV$, $PI+N$.

5. В ходе исследования также были выявлены индивидуальные модели, характерные только для таджикского языка. Это модели: $N_1+N_1(+affix)$, ADJ_1+ADJ_1 , V_1+V_1 , $V+V$, $V+inf+V$, ADV_1+ADV_1 , $ADV+N$, $NUM(cardinal)+V+affix$, $NUM_1(cardinal)+NUM_1(cardinal)$, $NUM(cardinal)+Pr(indefinite)$, $NUM(cardinal)+NUM(fractional)+affix$, $Pr(demonstrative)+N+affix$, $Pr(defining)+N+affix$, $Pr(reflexive)+V$, $Pr_1(relative)+Pr_1(relative)$, $Pr(demonstrative)+Pr(demonstrative)$, $Pr_1(personal)+Pr_1(personal)$, $PI+PI$, PI_1+PI_1 , $PI+V$, I_1+I_1 , $O+O$. Стоит отметить, что редуплирование компонентов в рамках данного исследования относится только к таджикскому словосложению.

Определено, что модели $N+G$, $N+PII$, $N+ADV$, $ADJ+NUM(cardinal)$, $ADJ+PII$, $ADJ+ADV$, $V+N$, $V+ADV$, $ADV+ADJ$, $ADV+PII$, $Pr(indefinite)+N$, $Pr.a+N$, $Prep.+N$, $G+N$, $Pr(interrogative)+ADV$, $Pr(interrogative)+ADV$, $Pr(indefinite)+Pr(interrogative)$ характерны исключительно английскому языку. Среди по-прежнему актуальных и активно используемых конструкций в сравниваемых языках лидируют последовательности $N+N$ и $ADJ+N$, которые сохраняют равную продуктивность во всех изученных случаях. Эти модели характеризуются семантическим разнообразием, включающим различные типы связей между элементами дериватов. При этом существует ряд словообразовательных моделей, по которым уже не создаются новые слова.

В таджикском языке к таким закрытым моделям можно отнести шаблоны *I+I*, *I+G*, *PII+PII*. В английском же языке к утратившим свою активность и продуктивность словообразовательным моделям относятся *ADV+ADV* и *N+V*.

6. Существительные представляют самый большой класс сложных слов в рассматриваемых языках. К тому же, словообразование данного класса располагает большим количеством способов и моделей. Сложные существительные таджикского и английского языков образуются преимущественно морфолого-синтаксическим и лексико-семантическим способами. С точки зрения семантического соотношения основ сложные существительные таджикского и английского языков делятся на: сложные слова с сочинительным (равноправным) и сложные слова с подчинительным (неравноправным) отношением основ. Также определена общая модель образования сложных существительных в таджикском и английском языках – это последовательность существительных (Noun+Noun). Кроме того, выявлены особенности характерные только для таджикского языка. К таковым относится специфический процесс повторения корней (редупликация) при образовании сложных существительных. Более того, отмечается значительно более широкое разнообразие моделей генерации таких существительных, где в качестве структурных элементов активно выступают практически все части речи.

7. Сложные прилагательные, как лексемы с адъективными морфологическими категориями, обладают свойством индивидуализации предмета, что позволяет отличать его от другого, а их грамматическую функцию можно охарактеризовать как определение признака предмета, обладающего известной условной устойчивостью. В контексте формирования сложных прилагательных процесс сложения основ занимает особое место, как в таджикском, так и английском языках, выступая одним из наиболее продуктивных методов наращивания лексического запаса благодаря практически неограниченным возможностям. Такая

продуктивность обусловлена тем, что смысл сложного прилагательного обычно складывается как результат комбинирования значений его отдельных частей. По взаимоотношению же компонентов сложные прилагательные рассматриваемых языков делятся на: *сочинительные* и *подчинительные*.

8. В таджикском и английском языках числительные выступают как самостоятельная часть речи, непосредственно обозначающая количество объекта и являясь ключевой грамматической характеристикой, тесно связанной с существительными или другими частями речи. Касаясь образования композитов-числительных, в рассматриваемых языках наблюдается устойчивая закономерность в образовании сложных числительных. Компонентами таких слов являются исключительно имена числительные (модель Num+Num). Кроме того, в группе композитов второго десятка обоих языков можно выделить элементы, претерпевшие фонетические трансформации или упрощения формы. Несмотря на утрату первоначальной формы, эти слова сохраняют изначальное семантическое значение исходного числа.

9. В современном таджикском и английском языках основную роль в словообразовании играют аналитические формы, которые прослеживаются и в структуре сложных глаголов. Сложные глаголы таджикского языка представляют собой сочетание функционально неравноправных компонентов – именной части и компонирующего ей глагола. Семантически именная часть этих дериватов зависит от компонента-глагола и не может использоваться как самостоятельная единица в предложении, в то время как компонент-глагол может употребляться автономно от именной части. Более того, в таджикском языке встречаются сложные глаголы, включающие в себя три элемента, которые образуют единое понятие и считается одной лексической единицей, одной частью речи и одним членом предложения. В отличие от таджикского языка, английский язык беднее на сложные глаголы. Такие

конструкции обычно представляют собой сложные существительные, перешедшие в категорию глаголов посредством конверсии.

10. Сопоставительный анализ двух языков показал, что способ обогащения класса наречий за счет других частей речи путем простого соположения или дублирования основ является общей чертой обоих языков. Более того, смешанный синтаксико-морфологический метод также очевиден. Кроме того, определено, что наречия английского языка образуются исключительно путем чистого сложения основ, в то время как в таджикском языке также встречаются сложноаффиксальные наречия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:**I. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА**

1. Абаев, В.И. Сложные слова – хранители древней лексики/В.И. Абаев// Вопросы языкознания. – 1983.–№ 4. –С.75-85.
2. Азарх, Ю.С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка/ Ю.С. Азарх. – М.: Наука, 1984.– 247 с.
3. Александров Н.М. Проблемы второстепенных членов предложения в русском языке // Ученые записки ЛГПУ им. А.И.Герцена, Кафедра русского языка, Т. 236. Л., 1963, - С. 109.
4. Амлоев, А.Я. Словообразование имен существительных в художественной прозе Фазлиддина Мухаммадиева /дис. к. ф. н.: 10:02:22. – 229 с.
5. Амонова, Ф.Р. Именное аффиксальное словообразование в современном таджикском языке (в сопоставлении с персидским): Дисс. ... канд. филол. наук. — Душанбе, 1979. — 154 с.
6. Амонова, Ф.Р. Именное аффиксальное словообразование в современном персидском и таджикских языках / Ф.Р. Амонова. – Душанбе, 1982. – 55 с.
7. Амонова, Ф.Р. Опыт ономаσιологического исследования деривационной системы современного персидского языка /Ф.Р. Амонова. - Душанбе: ТГУ, 1986. – 286 с.
8. Амосова Н. Н. О целостном значении идиомы / Н.Н. Амосова // Исследования по английской филологии. – Л. – № 2.– 1961. – С. 54.
9. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка / Н.Н. Амосова. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. – С. 41.
10. Андреева С.В., Шагдарова Д.Л. Морфемика и словообразование русского языка: учебно-методическое пособие / С. В. Андреева, Д. Л. Шагдарова. – Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2014. – С. 24.

11. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – М.; 1979. – С. 237.
12. Арбекова Г.И. Лексикология английского языка / Г.И. Арбекова. – М.: Высшая школа, 1977. – 240 с.
13. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1973. – 304 с.
14. Арнольд И. В. Лексикология английского языка: учеб. Пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с
15. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1955. – 416 с.
16. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка: Учебник. Изд. 7-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 131
17. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. Учеб. Пособие для студентов старших курсов ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. школа, 1975. – 156 с.
18. Белашапкова, Е.А. Бызгунова, Е.А. Земская и др. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов. – 2-е изд., испр. И доп. — М.: Высш. шк., 1989. — 800 с.
19. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. /Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447с.
20. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа / Э. Бенвенист // Новое в лингвистике. – № IV, – М. – 1965. – С. 443.
21. Бенвенист, Э. Индоевропейское именное словообразование. /Э. Бенвенист. – М.: Иностран. лит., 1955. – 260 с.
22. Блумфилд, Л. Язык. /Л. Блумфилд. – М.: Изд-во «Прогресс», 1968. – 606 с.
23. Богданов С.И., Евтюхин В.Б., Князев Ю.П. и др. Морфология современного русского языка, СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с

24. Бортничук, Е.Н. Василенко И.В., Пастушенко Л.П. Словообразование в современно английском языке, Киев – «Вища Школа», 1988. – 163 с.
25. Будагов, Р.А. Очерки по языкознанию / Р.А. Будагов. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 280 с.
26. Будагов, Р.А. Закон многозначности слова / Р.А. Будагов. //Человек и его язык. - М. – 1974. – С. 117.
27. Букчина, Б.З.Сложные слова / Б.З Букчина, Л.П.Калакуцкая. – М., 1974. – 151 с.
28. Буланин, 1976б, с. 70.
29. Булыгина Т. В., С. А. Крылов. Морфология / Т. В.Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 685
30. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция. Перевод с немецкого. Общая редакция, и комментарии док. фил.наук. Т.В. Булыгиной. 2-е издание. /К. Бюлер. –М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 504 с.
31. Василевская, Е.А. Словосложение в русском языке (очерки и наблюдения) / Е.А Василевская. – М.: Учпедгиз, 1962. – 131 с.
32. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В.В. Виноградов //Вопросы теории и истории языка. – М. – 1952. – С. 152
33. Виноградов, В.В. Вопросы современного русского словообразования / В.В. Виноградов // Русский язык в школе. – 1951. – № 2. – С.3-10.
34. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: Избр. труды / В.В. Виноградов. – М.: – Наука, 1980. – 360 с.
35. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове)/ В.В. Виноградов. - 4-е изд. — М.: Рус. яз., 2001. – 720 с

36. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов / Вопросы языкознания. –1953.–№ 5. – С.3-30.
37. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: учебное пособие для вузов / В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1947.– С. 30; 154
38. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур // Известия АН СССР, отделение литературы и языка. М, 1946. – С.31-53.
39. Волинец Т. Н., В.Л. Леонович, И.С. Ровдо Современный русский язык: хрестоматия. В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология.– Мн. : БГУ, 2005. – С. 20.
40. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учебное пособие для студентов фак. и инс-тов иностр. яз. / В.Г. Гак Л.: Просвещение, 1977. – С. 36, 56.
41. Гальперин И.Р., Черкасская Е.Б. Лексикология английского языка / И.Р. Гальперин, Е.Б. Черкасская. – М.: ГЦК «Ин-Яз», 1956. – 297 с.
42. Ганиева, С.А. Словообразовательное значение сложных слов таджикского языка (на материале литературных памятников X-XII вв.): автореф дис. ... канд. фил. наук / С.А. Ганиева. – Душанбе, 1990. – 23 с.
43. Ганиева, С.А. О соотношении сложных слов и синтаксических единиц / С.А. Ганиева // Известия АН Тадж. ССР, серия востоковедение, история, филология. – Душанбе, 1991. – №1. – С.59-64.
44. Ганиев Ф. А. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке / Ф. А. Ганиев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – С. 32
45. Гатиатуллина 3.З. Сравнительная типология словообразовательных систем английского и татарского языков. Учебное пособие. – МГПИ им. В.И. Ленина, 1982. – 106 с.
46. Гинзбург, Е.Л. Словообразование и синтаксис / Е.Л. Гинзбург. – М.: Наука, 1979.– 264 с.

47. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику / Г. Глисон. – М.: Наука, 1959. – С. 37; 93.
48. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. – Душанбе: Дониш, 1985. – 358 с.
49. Григорьев, В.П. Заметки о сложных словах / В.П. Григорьев // Вопросы языкознания. –1958. – № 6. –С.102-104.
50. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. /В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984.– 397 с.
51. Джафарова, Е.А. Атрибутивные словосочетания в таджикском и английских языках / Е.А. Джафарова. –Душанбе: Дониш, 1979. – 76 с.
52. Дорофеева, Л.Н. Язык фарси – кабули / Л.Н. Дорофеева. – М.: ИВЛ, 1960.– 85 с.
53. Думбрэвяну, И.М. Очерк по теории словосложения (на материале романских языков) / И.М. Думбрэвяну. – Кишинёв: Штиинца, 1980. – 111 с.
54. Есперсен, О. Философия грамматики. /О. Есперсен. –М.: Изд-во «Иностранной литературы», 1958.–404 с.
55. Жирмунский, 1968, с. 17
56. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Лексикология. Фонетика. Морфология. Душанбе: Ирфон,1973. – 450 с.
57. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях, часть 1. /В.А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1964.– 465 с.
58. Земская, Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании / Е.А. Земская // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. – М. – 1978. – С. 71-73.
59. Земская Е. А., Кубрякова Е.С. Проблемы словообразования на современном этапе / Е. А.Земская, Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1978. – №6. – С. 113

60. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. / — М.: Высш. школа, 1981. — 285 с. ---46]
61. Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов / А. А. Камынина. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 81, 140-142
62. Карашук П.М. Словообразование английского языка / П.М. Карашук. – М.: Высшая школа, 1977. – С. 8-10
63. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики/В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2002. – 477 с.
64. Касимов, О.Х. Лексика и словообразование в «Шахнаме» Абулкаси́ма Фирдоуси / О.Х. Касимов. – Душанбе: Дониш, 2016. – 346 с.
65. Касимов, О.Х. Суффиксальное словообразование имен существительных в «Шахнаме» Фирдоуси: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Душанбе, 1987. – 24 с.
66. Керимова, А. Роль С. Айни в развитии современного таджикского литературного языка (на примерах анализа глагольной системы): автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 1954. – 17с.
67. Қосимова М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик / М.Н. Қосимова. – Душанбе: 2003. – С. 178
68. Кисилёва Л. Н. Очерки по лексикологии языка дари/Л.Н. Кисилёва. – М.: Наука, 1973.– 152 с.
69. Кожин, А.Н. Словосложение в русском языке/А.Н. Кожин//Русский язык в школе. –1953. – №5. –С.12-17.
70. Кубрякова Е. С. Указ, соч./ Е.С. Кубрякова. – С. 350—359
71. Кубрякова, Е. С. Что такое словообразование? / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1965. – 78 с.

72. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 188 с.
73. Кубрякова, Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия/Е.С. Кубрякова// Вопросы языкознания. –1974. – № 5.– С. 64-76.
74. Кубрякова, Е.С. Проблемы словосложения и исследование структуры слова в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Теория грамматики: Морфология и словообразование. – М.: ИНИОН РАН,1992.– С. 81-84
75. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразование/Е.С. Кубрякова. –Изд-е 2.–М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010.– 88 с.
76. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производственного слова/Е.С. Кубрякова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 208 с.
77. Кубрякова, Е.С. Словообразование / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Большая российская энциклопедия, 2002. - 511 с.
78. Кубрякова Е. С. Об основной единице словообразовательной системы языка// Современный русский язык: хрестоматия. –Мн. : БГУ, 2005. – С. 9-10.
79. Левковская, К.А. Теория слова, принципы её построения и аспекты лексического материала / К.А. Левковская. – М.: Высшая школа, 1962. – С 52.
80. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 1, 2. / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 2003. – 387 с.
81. Лившиц, В.А. О внутренних законах развития таджикского языка/В.А. Лившиц//Известия АН Таджикской ССР. Отд. обществ. наук. – 1954.– Вып V.– С. 87-102.
82. Мартине А. Основы общей лингвистики. Серия «Лингвистическое наследие XX века» / А. Мартине. – М.: Издательская группа URSS. 2004. – С 14.

83. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков /А. Мейе. – М– Л.: Социально-экономическое издательство, 1938.–510 с.
84. Мешков О.Д. Словообразование в современном английском языке / О. Д.Мешков. – М.: Высшая школа, 1985. – С. 14, 77.
85. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка / О.Д. Мешков. – М.: Наука, 1976. – 245 с.
86. Моисеев, А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987.– 206 с.
87. Моисеев, А.И. Словообразование современного русского языка: учеб. пос. –Л.: ЛГУ, 1985.– 90 с.
88. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — 634 с
89. Мурясов, Р.З. Словообразование и теория номинализации / Р.З. Мурясов // Вопросы языкознания. –1989. – № 2.– С. 39-53.
90. Мухаммадиев М. Принципи асосии калимасозии забони тоҷикӣ / М. Мухаммадиев // Проблемы таджикского языка. – Душанбе: Изд-во «Ирфон», 1967. – С. 37-45.
91. Немченко, В.Н. Способы русского словообразования/В.Н. Немченко. – Горький, 1979. – 81 с.
92. Ниёзӣ Ш. Калимасозӣ дар исм / Ш. Ниёзӣ // Мактаби советӣ. – 1949. – № 1. – С. 12-19.
93. Ниёзӣ, Ш.Н. Словообразование имен существительных в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Сталинабад, 1950.– 24 с.

94. Ниёзмухаммадов Б., Бузургзода Л. Морфологияи забони тоҷикӣ / Ниёзмухаммадов Б., Бузургзода Л. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1941. – С. 28
95. Ниёзмухаммадов, Б. Баъзе масъалаҳои забони адабии ҳозираиточик /Б. Ниёзмухаммадов. - Душанбе: Ирфон, 1965.- 92 с.
96. Низомова, С. Ф. Калимасозӣ дар насри бадеӣ ва публицистии Садриддин Айнӣ барои дарёфти дараҷаи доктори илмҳои филологӣ аз рӯи ихтисоси 10.02.22. Забони халқҳои кишварҳои Аврупо, Осиё ва бумиёни Америка ва Австралия (забони тоҷикӣ). - Душанбе, 2019. - 328 с.
97. Низомова, С. Морфологический способ словообразования в «Хамса» Низами Ганджави: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Душанбе, 2002.– 178.
98. Норов, М.Б. Структурно-семантические и лексические аспекты сложных слов таджикского языка (на примере «Воспоминаний» С.Айни): автореф дис. ... канд. фил. наук / М.Б. Норов. – Душанбе, 2021. – 26 с.
99. Одинцов, В.В. Лингвистические парадоксы/В.В.Одинцов. – М.: Просвещение, 1982.– 175 с.
100. Олимҷонов, М.О. Хусусиятҳои сохториву маъноии калимаҳои мураккаб дар назми Бедил: автореф дис. ... канд. фил. наук / М.О. Олимҷонов. – Душанбе, 20
101. Оранский, И.М. Введение в иранскую филологию / И.М. Оранский. – М.: Наука, 1988. – 388 с.
102. Оранский, И.М. Иранские языки в историческом освещении / И.М. Оранский. – М.: Наука, 1979. – 238 с.
103. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, Прикаспийские языки. – М.: Наука, 1982.– 572 с.
104. Пейсиков, Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка/Л.С. Пейсиков. –М.: Изд-во Института международных отношений, 1959. –412 с.

105. Пейсиков, Л.С. Лексикология современного персидского языка/Л.С. Пейсиков. –М.: 1975.– 206 с.
106. Пейсиков, Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка/Л.С. Пейсиков. –М.: Изд-во Московского университета, 1973.– 200 с.
107. Петрова Т.А. Свернутые конструкции как тип сложных номинативных единиц в современном английском языке: диссерт. канд. фил. наук. – Иркутск, 2003.– 145 с.
108. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – С. 80-84
109. Плотникова В. А. Морфология / В. А. Плотникова // Русский язык. Энциклопедия — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; Издательский дом «Дрофа», 1997. – С. 243.
110. Привалова, Л.И. К определению понятия сложного слова в русском языке. /Л.И. Привалова //Вестник ЛГУ, Серия истории, языка и литературы. – 1956. – Вып. 2. – № 8.
111. Расторгуева, В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка /В.С. Расторгуева// Таджикско-русский словарь. –М.,1954.–С.531-570.
112. Реформатский, А.А. Введение в языковедение. /А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс. 1988. –536 с.
113. Реформатский, А.А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии/А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1979.– 102 с.
114. Рубинчик, Ю.А. Лексикография персидского языка / Ю.А. Рубинчик. – М.: Наука, 1991.– 224 с.
115. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик /Ш. Рустамов. – Душанбе: Нашриёти «Дониш», 1972. – 79 с.
116. Рустамов Ш. Исм. Категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаҳои нутқ. / Ш. Рустамов. – Душанбе: Нашриёти «Дониш», 1981. – С. 39.

117. Рященцев, К.Л. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке/ К. Л. Ращенко. – Орджоникидзе, 1976.– 285 с.
118. Садыкова А.Г. Система субстантивного словосложения в тюркских и германских языках в сравнительно-типологическом аспекте <https://www.dissercat.com/content/sistema-substantivnogo-slovoslozheniya-v-tyurkskikh-i-germanskikh-yazykakh-v-sravnitelno-tip> (дата обращения 05.04.2020). – Текст: электронный.
119. Саймиддинов Д. Форсии бостон (овоиноси, грамматика, овонавишт, катибахои мехи ва вожанома). Чопи дувум бо ислохот. / Д.Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2008. – 190 с.
120. Сепир Э. Язык Введение в изучение речи / Э. Сепир. – М. –Л.: Соцэкгиз, 1934. – С. 27.
121. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова») / А. И. Смирницкий // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 3-50
122. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема отдельности слова) / А. И. Смирницкий // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. – М. – 1952. – С. 183-184
123. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – С.105
124. Современный русский язык, в 3 ч. Ч. 2: Словообразование, морфонология, морфология. – Минск: Плопресс, 1998. – 543 с.
125. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М.: Соцэкгиз, 1933. – С. 11
126. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М.: "Высшая школа", 1968. – 201 с.
127. Степанова М. Д. Аспекты синхронного словообразования / М.Д. Степанова // ЯИШ. – 1972. – № 3. –С. 4.

128. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка (краткий очерк) / М. Д. Степанова // Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. – М.: Рус. яз., 1979. – С. 519-536.
129. Степанова, М.Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке /М.Д. Степанова, В. Фляшер. – М.: Высшая школа, 1984. – 264 с.
130. Стеблин-Каменский, 1974, с. 22–26
131. Султон, М.-Х. Становление и развитие персидско-таджикской научной терминологии (на материале научного наследия IX-XI вв.) /М.-Х. Султон. – Душанбе: Дониш, 2008.– 341 с.
132. Султон, М.-Ҳ. Кухантарин дастури забони форси тоҷикӣ дар сарзамини Чин/ М.-Ҳ. Султон. – Душанбе: Бухоро, 2018. –130 с.:114
133. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. –Воронеж, 1980. – 147 с.
134. Чавчавадзе, Т.А. Именное словосложение в новоперсидском языке/Т. Чавчавадзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1981.–374 с.
135. Чхеидзе Т. Д. Именное словообразование в персидском языке. / Т. Д. Чхеидзе. -Тбилиси, 1969.– 141 с.
136. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии /Н.М. Шанский. – М.: Учпедгиз, 1959.– 245 с.
137. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию Н.М. Шанский. – М.: МГУ, 1968. – С. 25.
138. Шанский Н.М., Лексикология современного русского языка, Учебное пособие / Н.М. Шанский. Изд. 4-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 20-21.
139. Шаропов, Н.А. Пути развития лексики современного таджикского литературного языка. –Душанбе: Дониш, 1988. 133 с.
140. Шахматов А.А.Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л., 1941. – С. 423

141. Фортунатов Ф.Ф., Избранные труды / Ф.Ф. Фортунатов. – М., 1956. – 357 с.
142. Щерба Л. В. О далее неделимых единицах языка / Л.В. Щерба// Родной язык в школе, 1923. – №1 (2). – С. 95.
143. Щерба Л. В. О далее неделимых единицах языка / Л.В. Щерба// Вопросы языкознания, 1962. – №2. – С. 100.
144. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения / Л. В. Щерба // Известия АН СССР. ОЛЯ. Т. 4. – 1945. – № 5. – С. 175.
145. Щерба Л. В., Что такое словообразование / Л.В. Щерба//Вопросы языкознания. – 1962. - № 2. – С. 99-101

II. ИСТОЧНИКИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЛАТИНИЦЕ:

146. Adams V., Complex words in English / V. Adams. – Harlow: Pearson Education/Longman, 2001. – 173 pp.
147. Ayni, S., The sands of Oxus. Mazda Publishers, 1998. – 275 pp.
148. Arnold I.V. The English word / I.V. Arnold. – М.: Vishaya Schola, 1973, з. 65
149. Ginsburg R. S., Lexicology / R. S. Ginsburg, S.S. Khidekel, G.Y. Knyazeva, A.A. Sankin. – М.: Vyssaya Skola, 1979. – P. 174
150. Bauer L. English Word-Formation / L. Bauer. London: Cambridge University Press, 1983. – 266 pp.
151. Hatcher A.G. Modern English Word-Formation and Neo-Latin: a Study of the Origins of English (French, Italian German) Copulative Compounds / A.G. Hatcher. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1951. – 226 pp.
152. Marchand, H. The categories and types of present-day English word-formation/ H. Marchand. – Weisbaden: . 1960. Munchen: Otto Harrassowitz, 1969. – 545 pp.
153. Rubinchic, Y.A. The modern Persian language/Y.A.Rubinchic.- Moscow: Nauka Publishing house, 1971. – 133 pp.

154. Shaki, M. A study on nominal compounds in neo-persian/ M. Shaki. – Praha: Nakladatelstvi Cekoslovenske Akademie, 1964. – 115 pp.

155. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. – London: Allen and Unwin, 1946. – 528 pp.

III. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

156. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. – С.416

157. Бобомуродов, Ш., Мӯминов А. Луғати мухтасари калимасозии забони адабии тоҷик / Ш. Бобомуродов, А. Мӯминов. – Душанбе, 1983. -

158. Бобомуродов, Ш. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ /Ш. Бобомуродов, З.Мухторов. – Душанбе, 2016. – 408 с.

159. Дари-русский словарь. /Л.Н. Кисилева, В.И. Миколайчик /М.: Русский язык, 1978.– 744 с.

160. Джаматов С. Словарь грамматических терминов (англо-русско-таджикский) / С. Джаматов. – Душанбе: Файз, 2018. – С. 201.

161. Жеребило Т.В., Словарь лингвистических терминов, Изд. 5-е, испр-е и дополн / Т.В. Жеребило. – Назрань Изд-во «Пилигрим», 2010. – 486 с.

162. Луғати терминҳои забоншиносӣ /Х. Ҳусейнов, К. Шукурова.– Душанбе: Маориф, 1983. –255 с.

163. Луғатномаи осори Айнӣ / Х. Рауфов, Х. Муҳаммадиева, И. ШукуровваМ. Ҳайдарова ва диг. – Душанбе: Дониш, 1978.– 236 с.

164. Персидско-русский словарь, в двух томах, свыше 60 000 слов, под редакцией Ю. А. Рубинчика, Том 1, 2-е издание, стереотип, с прил. новых слов. – М.: Русский язык, 1983.– 800 с.

165. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., Словарь справочник лингвистических терминов / Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. - М.: Изд-во Просвещение, 1976. – 543 с.

166. Русско-персидский словарь, том II, издание 2-е, стереотипное с приложением новых слов и грамматического очерка персидского языка. – М.: Русский язык, 1983. – 864 с.
167. Таджикско-русский словарь. 70000 слов и выражений: издание второе, дополненное и исправленное / Д. Саймиддинов, С. Д. Холматова, С. Каримов. Душанбе. – 2000. – 784 с.
168. Таджикско-русский словарь /под. ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. – 789с.
169. Фарҳанги имлои забони тоҷикӣ. – Душанбе, 2013. – 319 с.
170. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асрҳои XX): иборат аз ду ҷилд. Ҷилди I (А-0). Дар зери таҳрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 951с.
171. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асрҳои XX): иборат аз ду ҷилд. Ҷилди II (П-Ҷ). Дар зери таҳрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 949с.
172. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (иборат аз ду ҷилд). Ҷилди I (А-Н). Таҳти таҳрири С. Назарзода (раис), А. Сангинов, С. Каримов, М.-Ҳ. Султон. – Душанбе, 2008. – 950с.
173. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (иборат аз ду ҷилд). Ҷилди 2 (0-Я). Таҳти таҳрири С. Назарзода (раис), А. Сангинов, С. Каримов, М.-Ҳ. Султон. – Душанбе, 2008. – 945 с.

IV. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

174. Айнӣ, С. Ёддоштҳо / С. Айнӣ. - Душанбе: «Адиб», 1990. – 352 с.
175. Аини, С. Воспоминания. Перевод с тадж. Анны Розенфельд. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 1087 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ADJ* – Adjective (сифат, прилагательное)
- ADJ*₁ – Редупликация прилагательного (такроршавии сифат)
- ADV* – Adverb (зарф, наречие)
- ADV*₁ – Редупликация наречия (такроршавии зарф)
- Adv.part.* – Adverbial participle (основа деепричастия)
- G* – Gerund (герундий)
- I* – Interjection (нидо, междометие)
- I*₁ – Редупликация междометия (такроршавии нидо)
- inf* – Infix (инфикс)
- N* – Noun (исм, существительное)
- N*₁ – Редупликация существительного (такроршавии исм)
- NUM* – Numeral (шумора, числительное)
- NUM*₁ – Редупликация числительного
- O* – Onomatopoeia (звукоподражательное слово)
- Part.* – Participle (основа причастия)
- PI* – Participle I (причастие настоящего времени)
- PI*₁ – Редупликация причастия настоящего времени (такроршавии сифати феълӣ)
- PII* – Past Participle (причастие прошедшего времени)
- Pr* – Pronoun (чонишин, местоимение)
- Pr*₁ – Редупликация местоимения (такроршавии члнишин)
- Prep* – Preposition (пешоянд, предлог)
- suf* – Suffix (суффикс)
- V* – Verb (феъл, глагол)
- V*₁ – Редупликация глагола (такроршавии феъл)
- ОНВГ* – основа настоящего времени глагола (асоси замони ҳозира феъл)
- ОПВГ* – основа прошедшего времени глагола (асоси замони гузаштаи феъл)